nasonovsky.com

СЕРГЕЙ
НАСОНОВСКИЙ

БРАТ ЕСАУЛА

1812

Данила Бодров

Сергей Насоновский

Брат есаула. 1812. Том 1

«Автор»
2026

Насоновский С.

Брат есаула. 1812. Том 1 / С. Насоновский — «Автор», 2026 — (Данила Бодров)

Хирург из нашего времени очнулся в 1812 году, в теле четырнадцатилетнего донского казака.Поход Наполеона на Россию только начался. Но несмотря на юный возраст, герою предстоит сыграть свою роль в истории. Ведь он теперь - младший брат есаула Бодрова.Вот только вначале нужно помочь раненому дядьке-наставнику. А потом их ждет долгий путь и поиски старшего брата.В этом мире нет привычных лекарств и автоматического оружия. Но есть люди, которым нужна помощь...Брат есаула — приключенческий роман, основанный на реальной истории.Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это альтернативная история.Новая глава ежедневно в 00:00 мск.Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Второй вдох 5
Глава 2. Дар на ощупь 11
Глава 3. Мимо не пройти 19
Глава 4. Память тела 27
Глава 5. Свои 36
Глава 6. Чужая депеша 43
Глава 7. Искра 50
Глава 8. Право на тайну 56
Глава 9. Дорогой овёс 64
Глава 10. Инвалидная команда 71
Глава 11. Свой тыл 79
Глава 12. Горький дым 85
Глава 13. Язык врага 91
Глава 14. Успеть к живым 98
Глава 15. Не для меня 104
Глава 16. Семеро 109
Глава 17. Нужен порох 116
Глава 18. Лучшая добыча 121
Глава 19. По живому 127
Глава 20. Путь отхода 133
Глава 21. Пороховой след 140
Г 146
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Сергей Насоновский
Брат есаула. 1812. Том 1

Глава 1. Второй вдох

25 сентября 2026 года, Киренск. Районная больница.

— Ножницы, — сказал я, затягивая последний узелок.

Олег обрезал нить, Таня подала салфетку, оставалось лишь наложить повязку. Я распрямился, хотел вдохнуть поглубже, но в груди защемило так, что пришлось открыть рот.

— Олег, закончи тут, — попросил я и сделал два шага от стола, прижимая ладонь к груди.

Боль нарастала. Ещё шаг — и ноги начали подгибаться. Мне подставили табурет и придержали за плечо. По-моему, это Таня была. Сев, машинально потянул за край перчатки, но пальцы дрогнули и соскользнули. Перед глазами поплыли светлые пятна, и я прикрыл веки.

— Как мальчик… давление? — еще успел спросить я.

— В норме, — услышал я голос Олега. — Вы его вытащили, Андрей Викторович, это настоящее чудо!

Теперь выдохнуть у меня получилось. Коля будет жить. Мать у него там, в коридоре, надо пойти и сказать…

Попытался открыть глаза и встать. Но всё вокруг поплыло, я начал заваливаться назад; чьи-то руки подхватили меня под мышки.

— Таня, зови реанимационную бригаду! Андрей Викторович, слышите меня? У него…

Я ещё слышал Олега, но ответить уже не мог…

16 июня 1812 года. Переправа у Олькеников.

Закашлялся, ещё не открыв глаз. Похоже, серьёзно нахлебался. Меня дёрнули за ворот, и над самым ухом раздался хриплый голос:

— Данила, дыши! Ну дыши же!

Я хватанул воздуха и снова зашелся кашлем. Перед глазами появилась усатая морда. Незнакомый мужик пятился к берегу, удерживая меня одной правой рукой за шиворот. Я наконец ощутил ногой дно, попытался оттолкнуться, но сапог только скользнул по глине.

— Давай, давай… За траву хватайся!

Пальцы вцепились в мокрые стебли. Твою ж… Кажется, это осока. Мужик ещё раз потянул и выдернул меня на берег. Я попытался вдохнуть, но один чёрт не получалось.

Меня крутанули за плечо, переворачивая на бок. Кашель скрутил так, что отдавало в голове. Потом начало полоскать всем содержимым желудка, в основном водой, которой я знатно наглотался. Сплюнул, наконец жадно втянул воздух и снова закашлялся, благо уже слабее.

— Ну вот… Живой, Данила, лежи покуда! — тяжело дыша, сказал мой спаситель.

Он сидел рядом, придерживая ладонью мою спину. Я видел только примятую нами траву и его колени.

Когда кашель стих и меня перестало выворачивать, я попытался приподняться. Мужик тут же подхватил меня под руку и помог сесть. От движения в голове зашумело. Я замер, пережидая дурноту.

— Вот же напасть… Чуть было не утоп! — Мой спаситель провёл ладонью по мокрым усам. — Как же так-то, куда глядел, Данила?

Я осмотрелся. Река, заросший кустами берег, густая трава вокруг. Чуть в стороне над водой был низкий деревянный мост. Даже отсюда я заметил щель в настиле: одна доска про-

валилась и торчала наискось. Ни операционной, ни Олега с Таней, ни только что спасённого мною мальчика Коли здесь, увы, не было. Голова туго соображала. Похоже, сотряс схлопотал.

Незнакомец наклонился ко мне. На вид ему было за сорок: сухое лицо, глубокие складки у рта, густые усы. Мокрый ворот распахнулся, под странной тёмной курткой или пиджаком виднелась рубаха. Сразу бросились в глаза слегка изогнутые ножны с саблей на поясе.

— Что за чертовщина происходит! — вырвалось у меня. Я встряхнул головой и оглядел его внимательнее. Казак, что ли?

Левую руку он прижимал к животу. С манжеты на траву текла кровь.

— Данила, ну ты как? Язык, что ль, проглотил?

Смотрел на него и пытался сообразить, что сказать. И какой я ему, к лешему, Данила!

— Ты меня-то слышишь? — Мужик подался ближе. — На меня глянь, неужто не узнаёшь? Мутит ещё? — Он дотронулся до моей головы, отчего я скривился.

Казак выругался сквозь зубы и оглянулся.

— Говорил же: придержи коня, дай мне первому пройти. Доска треснула, вона, гляди, торчит окаянная, — показал он пальцем в сторону моста.

— Буян твой оступился, скотина такая, и заваливаться стал, а ты из седла полетел… Да ещё видел, как головой о доски приложился! Машку с Баловнем я уж в поводу перевел, да привязал. Я, значится, сразу спрыгнул со своей Звездочки, да и в воду сиганул.

— Так-то тут неглубоко, — продолжил он, — да на дне коряга оказалась, я аккурат рукой на нее и напоролся.

Он чуть отвел от живота левую руку, показывая. Рукав был разодран, края ткани потемнели от крови. Казак тяжело вздохнул и снова прижал руку к себе.

— А заводной-то твой тю-тю, — махнул он правой рукой на противоположный берег. — Выбрался и в кусты уже там. Баловень, любимчик твой, хоть здесь остался.

— А что на нем было?

Я широко открыл глаза. Ведь эти слова произнёс я, но голос… Слишком молодой, звонкий, подростковый. Невольно тронул рукой горло. Это ещё что за новости?

— Пистолет твой седельный да конноегерское ружьё в чехле, не помнишь? — Казак посмотрел на меня с непониманием. — Седло со сбруей тоже, понятно. А вещи на Машке, она вон стоит. Харчей только к концу дороги мало осталось. Вяленое мясо доели, от колбасы один огрызок, толокона на дне мешочка, крупы еще осталось немного, ну и пастила сухая есть еще. В селениях-то покупали, что попадется, а последние два дня все мимо да мимо, своими запасами питались.

Я пытался собраться с мыслями. Голова гудела, перед глазами всё ещё слегка размывалось. Сотрясение вполне могло быть, но оценивать тяжесть собственной травмы в таком состоянии — дело неблагодарное. Про удар головой я знал только со слов этого мужика. Самого падения не помнил.

А вот операцию, которую проводил до этого, помнил отчётливо.

— Вон Звездочка, Машка наша, вьючная, да Баловень твой.

Я глянул, куда он показывал. У края моста, на нашем берегу, стояла оседланная кобыла. Она повела ухом на голос хозяина и повернула к нам голову. Рядом другая, с какой-то поклажей по бокам, привязанная к деревцу.Чуть дальше стоял еще один оседланный конь. На голос казака он поднял голову и потянулся на привязи к нам.

— Эти хоть на месте, — пробормотал казак. — А Буяна мы, похоже, сейчас не догоним. Ну, глядишь, и сам одумается, да вернётся. — Он посмотрел на окровавленный рукав, потом снова на меня.

— Я с такой рукой, да и ты сидеть даже толком не можешь.

На противоположном берегу что-то шевельнулось. Между кустами мелькнула серая спина, за ней еще одна. Я прищурился, пытаясь разглядеть.

— О-о… А я-то думаю, чего Буян так рванул, — протянул казак. — Волки, вот оно что.

Звездочка всхрапнула, повернула голову в сторону хищников и попятилась от моста. Потом развернулась и сама посеменила к нам. Спустилась по берегу, остановилась возле хозяина, раздувая ноздри. Машка тоже беспокойно переступала, но привязь держала ее у деревца. Баловень вскинул голову, натянул повод и замер, глядя на тот берег.

— Тихо, тихо, дуреха, тут покуда стой.

Серые спины скрылись за кустами. Казак еще немного последил за тем берегом, затем повернулся ко мне.

— Ну чего скажешь-то? Шибко голова болит?

— Болит. Только хуже другое… Я ничего не помню. Ни тебя, ни этого места. Где мы вообще?

— Как это — меня не помнишь? — Он перестал поглаживать кобылу.

— Вот так, будто вижу впервые.

Казак помолчал, внимательно разглядывая меня.

— Кондрат я, дядька твой. — Он подождал, словно имя должно было все прояснить. — А ты Данила Бодров. Неужто и этого не помнишь?

Бодров… Знакомая фамилия. У матери до замужества была та же, и дед по ней тоже Бодров, с Дона он был. Надо же…

— Не помню, хоть убей. — Я покачал головой и тут же пожалел об этом, скривившись. — Где мы, Кондрат?

— Так уже недалече от Олькеников. До полка мы добираемся, к брату твоему родному едем, Федору Михалычу.

— Брат?

— Ну да, есаула он уже выслужил, двадцать семь годков ему нынче, старший твой брат. Он тебя и вызвал, письмо в станицу нашу прислал. А мне наказал, значится, сопроводить тебя в полк. Вот… А тут это… — Кондрат махнул рукой и глянул на пролом в мосту, поджав нижнюю губу.

Я опустил глаза на руки, пошевелил пальцами.

— Сколько мне сейчас?

— Дык четырнадцать энтой весной исполнилось.

Я набрал воздуха и медленно выпустил его, надув щёки. Во дела!

— И что, уже на службу в четырнадцать лет пора?

— Какое там служить. Учиться ты едешь. Фёдор из тебя офицера сделать хочет. Будешь науку военную постигать при нём, в полку Денисова Седьмого, с которым в свое время и батюшка твой, царствие небесное, — перекрестился Кондрат, — служил.

Казак говорил все медленнее, пытаясь во мне что-то разглядеть.

— Мы же с Дону вместе ехали, из Раздорской. Ну хоть станицу-то помнишь?

Я молча посмотрел на него. Он отвёл глаза и поправил левую руку на колене.

— Добре, погоди-ка пока. Может, энто у тебя от удара головой. Вот оклемаешься, глядишь и вспомнится все.

Кондрат снова посмотрел на свою руку и попробовал отодрать начинающую присыхать окровавленную ткань, отчего скривился.

— Дядь Кондрат, дай гляну.

— Да чего там глядеть-то, Даня? Обдер всего-то. Ты сам покуда сиди, оклемайся.

Он начал прикрывать разрыв на рукаве, но я остановил его:

— Погоди, нельзя так, — не унимался я. — Ты так только грязь в рану занесёшь. Дай руку, я гляну, что с ней.

Я сказал это тем спокойным тоном, каким много лет уговаривал упрямых пациентов. Кондрат поднял на меня глаза и всё-таки подвинулся ближе, позволив взять себя за запястье.

Данила я теперь или ещё чёрт знает кто, а почти двадцать два года работы хирургом в райбольнице из памяти никуда не делись.

Осторожно отвёл края разорванного рукава. На предплечье, среди ссадин, открылась неровная рана. Кровь сочилась понемногу, к коже прилипли грязь и мелкий речной мусор. Руку Кондрат держал прямо, явного искривления я при осмотре не заметил.

— Пальцами пошевели, только тихонько.

Он согнул пятерню и поморщился.

— Здесь тянет? — Я указал на предплечье.

— Здесь, где ж еще-то.

Пальцы двигались, прикосновение к кисти он чувствовал. Уже хлеб, а вот грязная рана и боль при движении не нравились. Что там глубже, так с ходу не разберёшь. Коряга та могла и обломок оставить.

Для нормальной помощи нужны были хотя бы чистая вода и перевязочный материал. Надо добраться до поклажи, вынуть чистое полотно, вскипятить воду. Пока же лезть в рану грязными пальцами я не собирался.

— Держи пока вот так.

Я выбрал на внутренней стороне его подола участок почище, сложил ткань в несколько раз и приложил к ране. Кондрат прижал её правой ладонью. Это годилось лишь на время. Промыть рану и сменить тряпку всё равно придётся, и как можно скорее.

Оставалось устроить руку, чтобы он не держал её на весу. Я помог уложить предплечье на согнутые колени, придержал сбоку. Указательный палец моей правой руки коснулся кожи рядом с раной. Я вздрогнул, даже чуть не подпрыгнул.

Это еще что за хрень?!

Подушечка пальца лежала на коже, но прикосновение я чувствовал будто бы чуть глубже. Будто палец стал длиннее: от него выдвинулся тонкий невидимый кончик и упёрся во что-то мягкое, податливое. Я ощущал это сопротивление так же отчётливо, как кожу под остальными пальцами.

Посмотрел на Кондрата. Тот хмуро разглядывал свою руку, лицо его не изменилось. Я поднёс правую руку к глазам. Палец как палец, под ногтем грязь. Но ощущение, словно он длиннее, чем надо, осталось.

Так! Уж не поехала ли у тебя крыша, Веденин? Головой приложился, воды нахлебался, выглядишь подростком, сабля и огромный нож на боку. Теперь ещё и это.

Я обхватил указательный палец левой рукой и с силой надавил на ноготь. Стало больно, вполне обыкновенно и довольно ощутимо. Но это невидимое продолжение никуда не делось, твою дивизию!

От разглядывания пальца меня отвлёк стук копыт. На мост въехали двое всадников. Доски настила загрохотали, Кондрат тоже повернул голову.

На обоих были тёмно-зелёные мундиры с белыми ремнями поперёк груди. Но сперва я уставился на их головы. Желтоватые металлические каски с высоким гребнем, чёрной полосой вокруг и длинными хвостами, спускавшимися сзади почти до плеч. Конский волос, что ли? Первый всадник повернулся в нашу сторону, резко остановил лошадь и показал на нас.

— Là, près de leau! (Вон там, у воды!)

Второй что-то коротко ответил. Что на французском, я понял, а о чём они там говорят — вообще не в зуб ногой.

— Дядь Кондрат, это кто?

— А Бог их ведает, но форма не нашего полка.

— По-французски говорят.

— Дык господа и промеж себя частенько так балакают, — негромко ответил он, разглядывая всадников. — Погоди-ка.

Незнакомцы развернули коней к нашему берегу. Добравшись до него, спешились и двинули к нам, держа животных в поводу. Я увидел высокие чёрные сапоги, запылённые светлые штаны и длинные прямые ножны у левого бедра каждого. Рукояти оружия прикрывали жёлтые металлические дужки.

Один из приезжих был широкоплечий, с темными усами и тяжелой нижней челюстью. Второй пониже, сухощавый, с рыжеватыми бакенбардами.

Рыжий шёл впереди. Сначала кинул взгляд на Звёздочку, потом на Кондрата. Задержался взглядом на одежде казака, опустил глаза к сабле. Оглянулся на товарища и чуть дёрнул подбородком в нашу сторону.

Широкоплечий перестал улыбаться. И мне это не понравилось.

Рыжий привязал лошадей к деревцу шагах в десяти. Широкоплечий всё это время не спускал с нас глаз. Потом оба сняли ружья или винтовки, чёрт его знает, как они называются. У обоих на концах виднелись штыки.

Широкоплечий закинул ружьё ремнём на правое плечо, стволом вверх. Рыжий держал своё в руках. К нам они пошли неторопливо. Словно двое здоровых мужиков-реконструкторов решили выяснить, кто тут расселся возле воды.

— Сиди покуда, — бросил мне Кондрат и начал подниматься, махнув рукой. Но я всё-таки встал следом. Земля под ногами чуть качнулась, пришлось расставить их пошире.

Широкоплечий оказался на голову выше меня. Вблизи видна щетина на щеках и светлая незагорелая полоса под подбородком. Сейчас ворот мундира был расстегнут, черная повязка на шее ослаблена и сбилась набок.

— Здорово, служивые, — начал Кондрат. — Вы какого…

Рыжий вдруг сделал два быстрых шага и со всей дури ударил его кулаком в живот. Кондрат толком выпрямиться не успел: хекнул и стал заваливаться обратно на землю.

Я было дёрнулся к нему, но широкоплечий ухватил меня за шиворот и рванул к себе. Я попытался упереться локтями ему в грудь, но он перехватил меня за горло, второй рукой продолжая держать за шиворот.

— Maudits Cosaques! Où est votre fameux courage? Des gueux, rien de plus! (Проклятые казаки! Где ваша хваленая удаль? Одна голытьба, больше ничего!)

Он говорил мне прямо на ухо. Я слегка повернул голову, почувствовал его дыхание, увидел желтоватые зубы под усами, не понимая ни слова.

Да уже, похоже, и не требовалось. Я вцепился левой рукой в его запястье, правой попытался отжать пальцы от горла. Бесполезно, ладонь у этого верзилы что та лопата.

С каждой моей попыткой вырваться он, сволочь, только сильнее сжимал горло.

Вот теперь я почувствовал, как мне не хватает взрослого тела. Голова знала, что делать, но силы не хватало.

Я ударил его ногой, скользнув по сапогу. Он встряхнул меня так, что зубы щёлкнули, притянул ближе. Голову прострелило болью. Вдохнуть по-хорошему он мне, похоже, уже не позволит.

Чуть в стороне закашлялся Кондрат. Я скосил глаза. Казак пытался перекатиться, вытягивая из-под себя здоровую правую руку. Пальцы добрались до рукояти сабли, но рыжий заметил это, наклонился, выдернул её сам и отбросил в сторону, после чего громко заржал:

— Quest-ce quon en fait? (Что с ними делать будем?)

Мой, не ослабляя хватки, повернул к нему голову:

— À quoi te sert ta baïonnette? (А на что тебе штык?)

Теперь они рассмеялись вместе. Я слов не разобрал, зато увидел, как рыжий поудобнее перехватил ружьё, отставил ногу и посмотрел на лежащего Кондрата.

Всё понятно. Сейчас нас убивать будут.

Я снова дёрнулся, перед глазами поплыли тёмные пятна. Я и после купания дыхание не восстановил полностью, а теперь этот сукин сын выжимал из меня последние крохи.

И тут я вновь почувствовал свой палец. А точнее, его невидимое продолжение, от знакомства с которым меня отвлекли эти беспредельщики.

Я повёл плечом и потянулся к его шее. Тот даже не отстранился, лишь скривил губы, глядя, как я шарю ладонью у него под подбородком.

Палец скользнул по сукну. Так, ещё… Коснулся кожи.

Мягкое сопротивление плоти отозвалось сразу. Сонная артерия… За долю секунды я прокрутил в голове, что нужно сделать. По затылку пробежали мурашки.

Надо перерезать артерию, как скальпелем, я кажись знаю как именно! Пальцы скребнули по щетинистой шее, широкоплечий ещё сильнее стиснул моё горло. Ну же, твою мать!

Я уже не пытался сорвать его руку. Все силы, что у меня остались, отдал этой завиральной мысли, лишь одному прикосновению.

Я не видел, но чувствовал, как невидимый щуп на пальце прошёл глубже, встретил упругое сопротивление стенок артерии. На мгновение мне показалось, что я и правда работаю скальпелем.

Надрез. Еще. И вот так.

Сопротивление пропало. Широкоплечий дёрнулся, рот его приоткрылся, рука на горле разжалась. Он выпустил мой ворот и обеими руками схватился за шею. Ружейный ремень сполз с его плеча. Я подхватил ружьё, не дав ему упасть, и попытался хоть разок вдохнуть нормально.

Крови я не увидел, но на шее начала стремительно набухать гематома, я понял, что с ним сейчас происходит.

Перехватив ружьё, я повернулся к Кондрату. Рыжий уже изготовился наносить удар.

Не раздумывая, бросился вперёд. На хороший разбег сил не осталось: я просто выставил его как копье и навалился на рыжего всей массой.

Штык вошёл ему в бок.

Француз вскрикнул, резко развернулся, и его приклад прилетел мне в грудь. Но ружьё я не выпустил. На миг мы оказались лицом к лицу. Рыжий смотрел на меня широко раскрытыми глазами, а я всё ещё давил, сам не понимая, откуда в этих руках появилась сила.

Потом ноги у него подломились. Он рухнул возле Кондрата. Но тут и меня достало: разом навалились тяжесть, усталость и боль в голове, берег будто поплыл куда-то вверх.

Колени ударились о землю. Я услышал какой-то нечленораздельный хрип Кондрата и завалился рядом с убитым мной французом.

Глава 2. Дар на ощупь

Я открыл глаза. Кондрат склонился надо мной, держа у самых губ горлышко фляги.

— Данила, ты меня слышишь?

— Слышу, — выдавил я.

— Тогда попей, только помалу.

Сделал два глотка и отвел его руку. Во рту остался слабый алкогольный привкус. С фляги свисал длинный ремень.

— Откуда такая?

— Да с ихнего седла снял. Вода с вином, сам уже попил.

Я уперся локтем в землю, попробовал сесть, и меня повело. Кондрат положил флягу и поддержал меня правой рукой.

— Куда ж ты рвешься-то все? Погоди малость.

Левая у него все так же безвольно свисала вдоль тела.

— Долго я так?

— Да почитай только и успел тебя окликнуть, послушать, дышишь ли. Потом еще за водой сходил.

Значит, ненадолго отключился. Может, пока дрались, адреналин подстегивал, а кончилось все — сил и не осталось. Еще и головой приложился, чуть не захлебнулся, а потом душил этот козел. Причин много. Может, и эта чертовщина с пальцем какой откат имеет. Но на нее одну все списывать я бы не стал. После удара головой такой провал мне совсем не нравился.

Посидел, пережидая дурноту. В затылке пульсировала боль, рубаха липла к спине. Кондрат опустил руку, когда я перестал заваливаться набок.

Рыжий лежал рядом, подвернув под себя ногу. Из-под него торчало ружье. Мундир на боку был залит кровью.

— Погоди, — сказал я, заметив, как Кондрат покосился на оружие. — Проверю их.

До рыжего добрался на коленях. Пульса не было, грудь не поднималась. Кондрат кое как встал, придерживая левую руку, и следя за руками француза. Потом я перебрался к широкоплечему.

У этого шея с одной стороны заметно распухла. Припухлость начиналась под челюстью и уходила за расстегнутый ворот; кожа над ней натянулась, отдавая синевой - кровь под давлением расслаивала ткани изнутри, а снаружи никакого пореза не видать.

— Вот те на… — Я посмотрел на свой указательный палец.

— Ты с ним чего эдакое сделал? — негромко спросил Кондрат. — Держал он тебя, а потом раз — и повалился.

— Сам еще не понял. — Я пожал плечами.

Кондрат помолчал, глядя на меня, вздохнул и отвернулся к мосту.

— Дядь Кондрат, живот как? Вдохнуть можешь?

— Да попустило уже. — Он попытался выпрямиться и поморщился.

— Угу, вижу, как тебя отпустило. А рука?

— Ноет, зараза.

Нам бы обоим сейчас лечь, да желательно в безопасном месте. Рукой казака надо заняться срочно. Так долго ходить нельзя.

Кондрат снова глянул на мост.

— Убираться нам надо, Даня. За этими еще кто приедет, чего доброго.

— Надо, — согласился я. — Только с пустыми руками не пойдем.

Показал на ружье, потом на двух привязанных у дерева лошадей. Кондрат проследил за моей рукой.

— Заберем, что пригодиться может. А этих хотя бы вон лопухами закидаем. Только живо все сделать нужно.

— Саблю мою сперва подай. Вон она, за тобой.

Я поднял клинок и вернул Кондрату. Он убрал его в ножны здоровой рукой. Я взялся за рукоять своей сабли, выдвинул клинок на ладонь и с лязгом вернул обратно.

Кондрат глянул на Звездочку, потом снова на мост.

— Ружья оба бери, и сумы с патронами.

Одно поднял сразу. Второе пришлось вытягивать из-под рыжего.

— Годные ружья, — сказал казак, когда я положил их рядом. — В Пруссии, в седьмом годе, такие видал. Штыки сыми, в дороге оне ни к чему.

— А сейчас тогда какой год? — Я уставился на окровавленный штык.

— Дак ты и это запамятовал? — Он всмотрелся мне в лицо. — Тысяча восемьсот двенадцатый.

Черт… 1812-й — это же французы и Наполеон!

— Данила, штык-то снимай, чего замер?

Кондрат правой рукой помог снять первый штык, со вторым я уже справился сам. Подобрал обе патронные сумы. Можно ли из этих ружей сейчас стрелять, я пока не знал.

Значит, меня занесло больше чем на двести лет назад? Пальцы не слушались, никак не мог застегнуть ремешок. То ли от усталости, то ли от услышанного?

У рыжего снял длинный прямой клинок вместе с ножнами.

— Угу, вот этот один палаш возьмем про запас, — кивнул Кондрат. — Второй оставь. Свои-то у нас тоже есть.

Прежде чем отойти, я наломал лопухов. Прикрыл лица и мундиры широкими листьями. Издали не разглядишь, а вблизи… Хрен с ним!

Подобрал оставленную флягу и понес к лошадям. У первого седла развязал мешочек, вынул кусок хлеба. Рядом оказался завернутый в тряпицу кусок твердого сыра. В другой сумке нащупал полотняную рубаху. Развернул: изнутри ткань была почище.

— На перевязку возьмем.

Сложил обратно, свою сменную рубаху пока поберегу, а эту можно пустить на перевязки. У второго седла нашлась еще фляга. Кондрат понюхал, попробовал — тоже вода вином разбавленная.

Я опять посмотрел на свой палец. В прошлое угодил значит. А что за чертовщина с пальцем? Может, тут и Наполеон совсем другой, и сам мир не тот. Или я вообще сейчас лежу в реанимации под капельницей и обколотый чем-нибудь, расширяющим сознание.

Сунул флягу обратно и взялся за узел на привязи.

— Обоих возьмем, — сказал Кондрат. — Токмо седла снимай, считай повезло, хоть твое Буян и унес. А эти не привычные для нас, кавалерийские.

— А чего с сёдлами не так? — не понял я, глядя на меринов.

Кондрат оглядел обоих, провел ладонью по спине ближайшего.

— И это забыл? — вздохнул он, — так наши-то седла с подушкою, вона гляди как на моей Звездочке. Мы же привычные с согнутыми коленями сидеть, а кавалеристы, что наши что французские с прямыми ногами в стременах ездют, шпорами своими позвякивают.

— На Баловня сядешь, — продолжил он. — А седло Галкино на него примерим.

— Галкино?

— Заводная-то моя. В Оранах мы ее оставили, ногу кобыла подвернула. Хозяину двора за корм заплатил, просил поберечь. Будто чуял, что надо и Звездочку, и Галку седлать, а теперь оказывается, как воду глядел. Вон к Машке приторочено. Мы же с Дону на пятерых сюда отправились: нам по верховому да по заводному, и Машка под вьюк. К брату твоему поспешали,

коней меняли не один раз на дню. Сегодня ты на Буяне ехал, Баловню роздыху давал, а тепереча вона как вышло.

— Может хоть одно оставим?

— Ну одно оставь! — пожал он плечами.

— Дядь Кондрат, а тебя по батюшке как?

— Фомич. Кондрат Фомич Бирюков я, Данила.

— Спасибо тебе, Кондратий Фомич!

Он махнул рукой и погладил ближайшего гнедого мерина по шее. Тот потянулся мордой к его ладони. Второй серый, вскидывал голову и косился на берег. По указанию Фомича я провел каждого несколько шагов, а он посмотрел, как ступают.

— Гнедой гляди-ка посмирнее будет, — сказал Фомич. — Но ноги у обоих целы, идут ровно. Добрые заводные нам будут.

Расседлал обоих драгунских меринов, по указке Кондрата. Фомич велел забрать переметные сумы и оставить уздечки на конях, а чужие седла с потниками я оттащил под куст. С Машки снял Галкино седло; Фомич помог приладить его на Буяна, поправил подушку. Драгунских меринов приготовились вести в поводу.

Ружья пришлось относить по одному; после второго остановился, опираясь на седло. Одно закрепили у моего седла, другое — у седла Звездочки. Кондрат держал Баловня под уздцы и подсказывал, как крепить оружие. Обе патронные сумы устроили у моего седла. Машка стояла там же, на привязи. В ее общую поклажу убрал оба снятых штыка, запасной палаш, трофейную рубаху, хлеб и сыр, пристроил обе фляги.

Звездочка ткнулась хозяину в плечо. Бирюков потрепал ее по шее.

Баловень потянулся ко мне, ткнулся мордой в грудь. Я отшатнулся от боли, и конь замер, шумно втягивая воздух ноздрями, словно чуя, что с хозяином что-то приключилось.

— Свои же, дурень, — пробормотал я и осторожно погладил его по шее.

— Пять лет с ним не расставался, — сказал Фомич. — Сам еще с зеленых соплей жеребенком его обихаживал. Чего теперь-то от него шарахаешься?

Что тут скажешь? Конь меня знал, а я его видел впервые. Подержал ладонь на теплой шее, почесал гриву. Баловень опустил голову. Ну вот, уже лучше, будем знакомы, дружище.

— А день какой сегодня? — спросил я, затягивая последний ремень.

— Дык шестнадцатое июня с утра было.

Июнь двенадцатого года. Вторжение Наполеона… В общих чертах это я помнил, а вот где сейчас искать наши, понятия не имел. А французы уже здесь. Кажется, именно в начале июня армия Наполеона и перешла через Неман.

— Похоже, война началась, дядь Кондрат.

— Ничего нам про войну никто не говаривал.

— А эти? Вооруженные французы, скорее всего драгуны. Увидели казаков и сразу полезли убивать. Не просто так они здесь.

— Может, и так, — помолчав, ответил он. — До своих доберемся и дознаемся. Уходить надо, Даня.

— Вот и кони эти, выходит, трофейные, Фомич. За это свои не осудят?

— Что с боя взято, то свято, — ответил он. — Коня казаку, тем паче в бою взятого, бросать не дело. Токмо о том, как ты энтого голыми руками свалил, покуда лишку не трепли, ни к чему оно.

— Хорошо, Фомич, — кивнул я. Тут он был прав. — Только нам сначала место бы тихое надо найти. Руку тебе промыть, перевязать по-хорошему. И отлежаться хоть немножко, отдохнуть.

Кондрат посмотрел на мою ладонь, вцепившуюся в седло, и качнул головой.

— Найдем местечко, Данила, не тут же нам оставаться! Туда пойдем, берегом. — Фомич показал вниз по течению.

Буян пропал вместе с моим ружьем и седельным пистолетом, это плохо, но сейчас нам нужно самим выбраться.

Я отвязал Машку и Баловня. Сначала повели всех пятерых в поводу. Я своего и обоих драгунских, Кондрат — Звездочку и Машку. У пригорка казак остановился.

— Подведи сюда, легче залазить будет. Повод подбери. Да не тяни ты так!

Я ослабил руку. С пригорка нога уверенно попала в стремя, но подтянуться сразу не смог. Переждал боль в груди и со второй попытки забрался в седло. В голове зашумело.

Кондрат сел с того же пригорка. Больную руку устроил перед собой, повод Машки взял в правую вместе с поводьями Звездочки. Поводы обоих драгунских Фомич подал мне. Гнедого подвел поближе, серому оставил места сзади.

— Близко не напирай, коню место оставь. Во, вот так.

Поехали шагом. Сперва было очень непривычно, но помаленьку осваивался. Ноги сами находили упор, поясница подстраивалась под шаги Баловня. На повороте рука подобрала повод даже раньше, чем успел сообразить, что делаю, и мерин слушался.

Ничего себе! Похоже, умение ездить верхом сохранилось. Как учили, не помню, но выходит вполне себе… Попробовал остановить коня, потом снова пустил шагом. На рысь я сейчас конечно бы не решился.

— К Федору тебя доставить велено, — сказал Кондрат. — Долго тут отлеживаться нам никак нельзя.

— Знаю. Только с такой рукой ты и до него можешь не доехать. И сколько еще французов поблизости, мы не знаем.

— Так, может статься, и нету никакой войны-то. Приехали к какому знакомцу в гости, мало ли… Хотя, в Пруссии то мне уже побывать довелось…— закончил он задумчиво.

— Вот перевяжу тебя, передохнем, — не стал я переубеждать Фомича, — а потом решим, как к своим выбираться.

— Ладно уж, ну чур только не тянуть с энтим.

Мокрую низину обогнули по краю. На кочке меня чуть повело. Остановил коня, прикрыл глаза. Фомич подождал. Машка тем временем потянулась к траве, натягивая повод; Кондрат придержал Звездочку, не давая лошадям разойтись.

— Обойди нас слева, Даня. Только не вплотную.

Я провел своего мимо. Машка пошла за нами. Дальше снова вел Кондрат.

У первого сухого пригорка я уже хотел было слезть. Но Фомич показал между ветвями:

— Дорогу видишь? — Он дождался моего кивка. — Вооот! И нас оттуда увидят.

Под ивами было укромное место, но тут прям из-под копыта вода выступила. Поехали дальше. И только у поворота реки нашлась заросшая ложбина с сухой площадкой на склоне. Кусты закрывали ее со стороны дороги, а вдоль берега можно было пройти дальше.

— Версты две, а то и три отошли, кажись, — прикинул Кондрат, оглядываясь. — Тут покуда побудем.

Я сполз с коня. Фомич спешился, прошел вдоль кустов и поманил меня.

Метрах в ста от лежки, за кустами, тянулась узкая колея. Одним концом к полям, другим — в сторону дороги.

— От угодий там, видать, выезжают, — сказал Бирюков. — Место наше с нее не видать. А нам надо начеку быть.

Вернувшись, снял седла с верховых, потом принялся разгружать Машку. Вещи опускал по одной, с передышками, последствия перенесенного никуда не делись. Кондрат указал, где оставить седла и оружие, куда привязать лошадей.

Развязал вьюк. Под верхней покрышкой лежали сухие запасные рубахи и исподнее, два бережно сложенных комплекта одежды, папахи к ним. Ниже — какая-то зимняя одежда. В полк мы собирались явно на долгое время.

— Это парадное, — пояснил Фомич, заметив, что я разглядываю вещи. — Кажному по комплекту, да по шапке. Для службы бережем. А мы пока в походном, в дороге трепать не так жалко, ну и шубные чекмени к зиме, тоже места много занимают.

Рядом нашлись сверток с иглами и нитками, личные мелочи и остатки дорожных харчей: немного колбасы, твердой, на казы или суджук сыровяленый похожей, но с жиром, еще толокон, это как я понял толченое жаренное зерно, пшеничное в основном. Отдельно жареная мука для саломахи. Вяленое мясо, о котором говорил Фомич, доели раньше. За долгий путь из Раздорской запасы изрядно подъели.

— Колбаса подороже мяса, конечно, — заметил Фомич, пока я развязывал мешочки. — Зато с жирком и не портится долго. Порежешь ее в котел, толокона или муки жареной по горсти на брата, вот тебе и саломаха сытная, да и долго варить такое не надо, что в походе шибко удобно.

В маленьком узелке оказалась казачья соль с красным перцем и толченым сухим чесноком. Рядом лежала твердая темная пластинка. Отломил крошку, лизнул и скривился: кислятина, еще и чесноком отдает.

— Пастила сливовая, — пояснил Фомич. — В похлебку крошить. Дома ее с травами разными, да чесночком сушили.

Я удивился, по вкусу напоминало, что-то вроде сухого ткемали. Вес небольшой, а как приправа, наверное, вполне ничего. Я завернул пластинку обратно.

К воде я сводил наших лошадей по очереди. Напившись, они принялись щипать траву возле привязи. Рубаху для перевязки оставил сверху и опустился на землю.

Ноги устали, будто пару вагонов разгрузил, прям как на первом курсе меда, когда подрабатывал грузчиком в девяностые. Сидел, вытянув их перед собой. Фомич устроился рядом, осторожно уложил левую руку на колени. На намотанной тряпке темнела кровь.

— Данила, давай тебе голову перевяжем, — сказал Кондрат. — Наклонись-ка малость.

Я подался к нему. Он правой рукой раздвинул волосы на затылке, осторожно потрогал припухлость, отчего я непроизвольно зашипел.

— Шишка какая добрая, но, спаси Христос, крови не видать.

— Тогда и обматывать пока незачем. Лишь от резких движений меня мутит, вот и буду потише.

Сам ощупал место ушиба. Что творилось внутри черепа, пальцами так не выяснишь. Кондрат помог оттянуть ворот рубахи, разглядел шею и пятно на груди.

— Ну и досталося тебе, Даня…

Я провел ладонью по груди, попробовал вдохнуть глубже. Больно. Обождал, пока отпустит. Пока сидел, мог разговаривать и понемногу что-то делать, но легче от этого не становилось.

Занялся рукой Фомича. К краям тряпки налипла грязь. Присохшую ткань отдирать не стал.

— Пальцами пошевели. Здесь чувствуешь? А тут? Где больнее всего?

Кондрат согнул пальцы, подтвердил, что прикосновения чувствует, и показал возле края раны.

— Вот туточки, кажись, колет.

Мог обломок остаться, но это только догадка.

В Машкиной поклаже нашлись маленький котелок литра на три и огниво. Трофейную рубаху Фомич придерживал, пока я отрезал полосу нужного размера.

— Воду вскипятить надо.

— Дымом нас выдашь, Даня.

— Маленький огонь сделаю, только воду нагреть.

Кондрат выбрал место пониже в ложбине, подальше от сухой травы. Я набрал сухого хвороста, с его подсказками разжег костер в ямке, благо, что пользоваться огнивом меня мой товарищ по охоте научил уже давно. Фомич следил за кустами, пока я возился с котелком. От наклонов опять заболела грудь; пришлось распрямиться и переждать чутка.

Котелок отмыл, полотно прополоскал и прокипятил. Кипячение не давало стерильности. Но класть на рану полотно без этого я не собирался. Воду для раны вскипятил отдельно и отставил остывать. Дров больше не подбрасывал.

Пока ждал, съел кусок хлеба, глотнул из фляги. Пальцы дрожали уже меньше.

— Откуда ты про раны-то столько знаешь? — спросил Кондрат.

— Сейчас грязь уберем и посмотрим, что там тебе колет. — Я пожал плечами: мол, не помню.

Он не отвел глаз, но переспрашивать не стал.

Я погасил огонь и вымыл руки. На свернутую одежду уложил его предплечье, придвинул остывшую воду и полотно. Нож, которым резал ткань, оставил сбоку. В рану им ползти пока не собирался.

— Больно будет, Фомич. Если пальцы занемеют или боль переменится, сразу говори.

— Давай уж, — согласился он, все еще внимательно глядя на меня.

Смочил присохшую тряпицу, выждал чуть и осторожно снял. Стал промывать рану остывшей водой. Кондрат заскрипел зубами и вдруг дернул локтем. Я отдернул руки.

— Погоди, отдышись.

Он сглотнул и сам вернул предплечье на место. Я продолжил теперь уже медленнее. Когда смыл грязь и сгустки крови, неровные края стало видно лучше. Но отчего так ему кололо, пока не разобрался. Лезть туда ножом вслепую не хотелось.

Вспомнил шею француза. Тогда получилось почти в последний момент и в стрессе. Теперь бы вернуть то ощущение, только ничего не перерезать, а то…

Приложил правый указательный палец к коже рядом с раной. Устроил локоть поудобнее, перестал давить, попробовал сосредоточиться и…

Отозвалось. Будто к пальцу добавился короткий невидимый кончик, которым можно было что-то нащупать. Ну и хорошо. Щупом тогда этот дар или проклятие и будем звать.

Удерживал руку неподвижно, следил за лицом Фомича. Тот хмурился, но новой боли вроде не почувствовал. Осторожно направил Щуп к краю раны и наткнулся на что-то твердое.

Здесь, со стороны ладони и ближе к локтевому краю предплечья, под фасцией лежал локтевой сгибатель кисти. До кости я не добирался, а твердый участок ощущался поверх мышцы. По одной твердости природу не определишь. Анатомия подсказывала, где искать и куда не лезть. Нерв или сосуд задеть - раз плюнуть.

Убрал палец, и ощущение Щупа пропало. Может, все-таки сам себе напридумывал? Коснулся снова, без нажима, и опять нашел тот же твердый участок. Всего одну точку; остальная рука оставалась для меня такой же, как прежде.

Щуп подсказал, куда смотреть. Чуть изменив положение края раны, разглядел темный кончик. Деревянный обломок лежал неглубоко, косо под краем, оттого сразу его и не углядел.

Отнял указательный палец. Захватил выступавший конец и медленно извлек. Фомич шумно выдохнул. На ткани осталась узкая щепка с размочаленным кончиком, не особо большая.

— Вот что кололо, дядька. — Я поднес ее поближе.

Кондрат глянул на щепку, потом на свою руку. Я снова осмотрел рану. Больше ничего постороннего не видел, но за оставшиеся там крошки не поручился бы. И речную грязь мы отсюда всю до последней не вымыли.

Указательный палец чуть задрожал. Я распрямил его, опять согнул, но легкая дрожь не пропала. Кровь к вискам прилила сильнее, удерживать внимание стало трудно. Хотел еще раз проверить край, но остановился. Хорош! После двух коротких проб меня заметно повело. Значит, и за Щуп приходилось платить, хотя сколько тут от него, а сколько от моих ушибов, пока не понять.

Посидел, опустив руки. Потом закончил промывку, дождался, пока из раны перестало сочиться, и наложил подготовленное прокипяченное полотно. Края раны стягивать не стал. Повязку закрепил, проверил пальцы: все так же теплые, прикосновения Фомич чувствует, ну и слава Богу!

Из оставшейся части трофейной рубахи устроил перевязь через шею, уложил в нее предплечье. Кондрат осторожно повел кистью.

— Ну как?

— Ноет. Только как раньше уже не колет так. Терпимо, Даня, спаси тебя Христос!

— Береги руку, Фомич. Позже еще посмотрю. Если сильнее заболит, не терпи молча.

Он поправил перевязь здоровой рукой, снова посмотрел на извлеченную деревяшку.

— А говорил, ничего не помнишь.

— Я и объясниться толком не могу, Кондратий Фомич. — Пожал плечами.

— Добре. — Он помолчал. — Скажешь, когда опять перевязать надо.

Сложил использованные тряпки отдельно от оставшегося чистого полотна, отставил котелок. Прислонился спиной к дереву и закрыл глаза.

— Попей, Даня. Теперь и посидеть малость можно. — Он протянул мне трофейную флягу с водой.

Попил и снова откинулся к стволу. Позже по очереди переоделись в сухие запасные рубахи и исподнее. Фомичу я помог, осторожно проведя больную руку в рукав и поправив перевязь. Мокрое белье развесили, походную верхнюю одежду разложили на кустах просушиться. Парадное убрали обратно во вьюк. Фомич залил кипятком пару горстей толкокона, и мы смолотили его с хлебом и сыром. И я задремал. Проснулся от собственного неловкого движения.

Кондрат сидел рядом, поглядывая то на меня, то в сторону колеи.

— Полдень скоро. Очухался малость?

— Вроде того. Пока не дергаюсь, все путем.

Фомич велел подать ружья и патронные сумы. Бумажные патроны с отсыревшей оберткой отложил отдельно. Пока я придерживал одно ружье, он осмотрел замок, проверил крепление кремня и ствол. Все делал правой рукой, левую берег в перевязи.

— Это надо зарядить.

Покажи, как, Фомич. Я не помню ничего, словно не видал ни разу.

— Сам ведь заряжал, и много раз. Ну коли забыл, напомню, не впервой тебя учить.

Курок с зажатым кремнем, огниво, полка… Я переспрашивал, трогал детали, старался все запомнить. Огниво тут служило еще и крышкой полки. Дальше я делал все сам, под его руководством.

Надкусил бумагу патрона, отсыпал порох на полку и закрыл её. Остальной порох высыпал в ствол, следом отправил пулю с бумагой. Прибил заряд шомполом. Для меня этот длинный прут был внове; я уже потянулся вернуть ружьё, когда Фомич остановил…

— А шомпол на место кто уберет?

Черт. Свой ИЖ-27 я пятнадцать лет таскал по тайге под Киренском. Там все просто: переломил двустволку, сменил патроны — и готово.

Кондрат все проверил, оставил курок на предохранительном взводе и положил заряженное ружье рядом. Второе отставил к поклаже.

— Надо бы вызнать, где Денисов теперь, — сказал он. — Людей бы каких сыскать.

— Старым вестям я бы уже не доверял.

— Дык нам хоть какие бы тепереча.

Впереди Бородино, сожженная Москва, разгром Наполеона. Потом казаки в Париже. Но точных деталей, признаться, в голове совсем кот наплакал. И что толку от этих обрывочных знаний, если не представляю, кто за ближайшим поворотом? Нам бы этот день пережить и до своих добраться, а там видно будет.

Фомич вдруг повернул голову. Я тоже прислушался. Скрипели колеса. Со стороны колеи донеслись голоса, короткий хохот, потом женский вскрик и резкий окрик на французском.

Натянули подсохшие походные чекмени, как назвал их Фомич. Кондрат взял ружье правой рукой. Лошадей оставили и двинули вдоль кустов. На склоне я подхватил его под здоровый локоть; сам переждал дурноту, держась за ветку. Пригнувшись, добрались до густого орешника и сели за ним.

По колее от полей тянулись две подводы с мешками и охапками сена. На каждой сидел француз с вожжами. Еще трое шли пешком: темно-синие мундиры, белые ремни крестом, высокие кивера. На одном кивере темнел чехол. У пеших ружья были в руках, у сидевших лежали рядом на поклаже.

— Пятеро, — едва слышно сказал Фомич, разглядывая их.

За первой подводой шел бородатый мужик в серой суконной одежде, перехваченной поясом. Рядом две молодые женщины, лет по двадцать с небольшим: платки, светлые рубахи, длинные юбки. Позади тащился парень с огромным узлом за плечами. Местные, наверное.

Одна женщина отстала. Солдат толкнул ее меж лопаток, заставив прибавить шаг. Похоже, забрали и подводы, и припасы, и хозяев на кой-то потащили с собой.

Задняя телега накренилась: колесо село в разбитую колею. Сидевший на ней махнул парню. Тот сбросил узел, уперся плечом в задок. Мужик навалился рядом. Лошадь потянула, парень переступил, и его стопа подвернулась. Он вскрикнул, упав в колею.

Попробовал подняться, опираясь на ладони, но стоило подтянуть ногу, как снова осел.

Замыкающий схватил его за ворот.

— Debout! (Вставай!)

Парень мотал головой, показывал на ногу. Кажется, слов он понимал не больше моего. Француз отпустил ворот и ударил прикладом в плечо. Раздался глухой стук. Парень завалился набок, прикрыв голову руками.

К нему кинулась женщина. Солдат оттолкнул ее так, что она едва удержалась на ногах.

— Poussez, fainéants! (Толкайте, бездельники!) — заорал сидевший на подводе.

Двое других пеших французов закинули ружья на ремнях за спины, взялись за телегу вместе с мужиком. Колесо вылезло из колеи и подвода покатилась дальше. Женщина снова потянулась к лежащему, но ее схватили за руку и поволокли следом. Она постоянно оглядывалась. Кем ей приходился этот парень, я не понял.

Один француз все же остался над ним, держа ружье в руках, а остальные двинулись к большой дороге.

Я подался вперед. Фомич опустил ружье на колени и правой рукой ухватил меня за рукав.

— Погоди. Ведь и нас, и их перестреляют. — Кивнул он на солдат у подвод.

Те были недалеко. Одно заряженное ружье у нас, да и мы оба раненые. Щуп тут мне не помощник, потому я тиснул зубы и заставил себя сесть обратно.

Парень шевельнулся. Живой, значит. Вот только бы еще и этот лягушатник свалил… Я уже искал промежуток между кустами, через который смогу выбраться к парню. Четверка солдат и местные удалялась, а бедолаге самому сейчас не выкарабкаться.

Тут он повернул голову. Посмотрел прямо на меня, замер и приподнял руку.

Француз заметил этот жест и обернулся вслед за его взглядом — к нашим кустам.

Глава 3. Мимо не пройти

Вот же черт! Я пригнулся, стараясь не задеть ветви. Кондрат тоже опустил голову; ружье осталось лежать поперек его коленей.

Фомич нащупал под орешником сухую шишку. Правой рукой он метнул ее низом вдоль канавы, за спину французу. Шишка стукнула о корень и зашуршала в прошлогодних листьях. Солдат обернулся на звук. Мы прижались ниже, чтобы он не увидел нас между ветками.

Вот и последняя подвода скрылась за поворотом. Солдат оглянулся ей вслед, что-то буркнул парню. Тот прикрылся рукой, пытаясь отползти от сапога.

Сейчас добьет, сволочь! Я начал привставать, вытягивая саблю. Несколько шагов всего, но, если он штыком ткнет, не успею.

Фомич ухватил меня за пояс. Француз пнул лежащего в голову, и парень окончательно обмяк у канавы. Солдат перехватил ружье и торопливо зашагал догонять камрадов.

— Оглянуться может, — шепнул Кондрат, все еще удерживая меня.

Дождались, пока француз скрылся и затихли его шаги. Только тогда Фомич разжал пальцы. Я задвинул саблю в ножны и выбрался на колею.

Присел возле парня, проверил пульс на шее. Дышит, слава богу!

— Эй, слышишь меня?

В ответ послышался стон. Глаз он не открыл. Водой поить такого пока нельзя.

Кондрат стоял с ружьем в правой руке, поглядывая за поворот. Левая так и лежала в перевязи. Потом он отнес ружье за кусты и вернулся. Я стянул свою куртку. Вдвоем кое-как подложили ее под парня и утянули его с колеи.

До лежки всего-то сотня метров, а останавливались несколько раз. Я тянул за ткань, придерживая голову, Кондрат подхватывал сбоку здоровой правой рукой. Обоим досталось знатно. Особенно на корнях приходилось останавливаться и приподнимать лежащего.

Уложив его на сухом месте, я сел рядом. В затылке мерно отстукивало. Кондрат вернулся за ружьем, принес его и снова стал наблюдать за колеей.

— Слышишь меня, парень? Слышишь, говорю?!

На этот раз он открыл глаза. Я машинально глянул на зрачки — одинаковые, на свет реагируют.

— Как звать тебя?

— Якуб … Голова болит. Воды дай.

Отвечал толково, следил за мной взглядом. Пока не рвало, в забытье не проваливался. Помог приподняться, дал несколько глотков. Глотал нормально, но после такого удара еще всякое вылезти может.

Выговор напоминал польский. Русские слова Якуб подбирал с трудом. Как я понял, он прежде возил припасы нашим солдатам, от них и научился.

— Откуда тебя забрали?

— Двор Боровой. Тут близко.

— Меньше версты?

Он кивнул, показал тропку. Двор у леса, возле Олькеников. Часть домашних успела спрятаться в леске.

С переспрашиваниями разобрались, кого увезли. Мужик — его отец, Матеуш. Анна, которая бросалась к парню, — сестра, двадцати двух лет. Марья — соседка, ей около двадцати пяти.

— Подводы ваши?

Он не понял. Я указал на колею:

— Телеги. Ваши спрашиваю?

— Да, наши они.

Французы пришли утром. Забрали зерно, сено, еду; мужчин заставили грузить. Женщины тоже таскали мешки, а потом их не отпустили.

— Анну хватал. Тут… — Якуб ткнул себя в грудь и отвернулся.

— Кого-нибудь убили?

— Не видел. Отца били. Меня били.

Вспомнил, как женщина оглядывалась до самого поворота. Сестра, значит.

— Фуражиры, видать, — сказал Кондрат. — Харчи да корм коням собирают. Похоже, и впрямь война, Даня.

Я тем временем осмотрел плечо, затем ногу. Голеностоп припух, от прикосновения Якуб зашипел. Явного искривления нет, но перелом это не исключает. Насмотрелся всякого: с виду цело, а на снимке сюрприз. Сейчас надо его хотя бы от новой нагрузки уберечь.

Поддерживая стопу, ослабил теснившую обувь, развернул обмотку. Проверил пульс на стопе — есть. Уже хорошо. Пальцами пошевелить может. Кондрат положил ружье и подал полотно правой рукой.

— Кость-то цела?

— Пока не пойму. Наступать на нее ему нежелательно.

Фомич подобрал несколько подходящих прямых палочек. Я срезал мешавшие сучки и устроил из них шину на стопу и нижнюю треть голени. Подложил полотно, закрепил, проверил, чтобы пальцы не немели. Щупом ни кость, ни голову надежно не проверишь, а сил и без него мало.

Фомич принес еще и крепкую развилку. Я ножом убрал сучки, обмотал верх. С моей помощью Якуб встал, сделал шаг с этой опорой, но скривился от боли в плече. Пришлось усадить его обратно. Далеко так не уйдет, домашних бы позвать.

— Анна назад шла. Ко мне… Я ей хуже сделал, да?

— Ты французов на свой хутор не приводил, Якуб.

— За ней и отцом надо торопиться. Я с вами пойду…

Он потянулся к развилке, но подняться уже не смог.

— Нам до полка надо. — Кондрат посмотрел на меня, вздохнул и поправил перевязь. — Да поскорее.

Фомич поманил меня в сторону.

— В полк баб французам незачем вести. Видал, как их хватают? Пока начальства нет, чего угодно натворить могут, ироды.

— А потом, думаешь, отпустят?

— А бес их знает? Могут и не отпустить.

Вспомнились рассказы про немцев в сорок первом. Похожа ли эта война на Великую Отечественную, можно ли их сравнивать? На моих глазах били Якуба, явно не чай пить потащили беззащитных женщин. Да и нас драгуны резать полезли, не особо мешкая. И что, крестьянок этих заранее списывать, неужели их уже не спасти?

— На пятерых полезем, и нас порешат, да и Якубу этому не поможем, мы с тобой и сами пока… калечные, — вздохнул Фомич, проследив за моим взглядом.

Спорить не стал, прав Бирюков. Сперва передохнуть, собраться, посмотреть, как Якуб оклемается. Где остановятся подводы, мы не знали, а прям сейчас бежать вслед смысла большого нет. Это будет примерно то же самое, что стройными рядами на пулеметы маршировать.

Ехать Фомич собирался к Рудникам: по последним данным там был полк Денисова 7-го. Может, узнаем, там он или куда передислоцировался, но проверять придется издали и осторожно.

Якуб как мог объяснил, где пройти: меж полей, потом развилка у опушки, дальше дорога на Рудники. По моей просьбе все это еще раз повторил. Кондрат кивнул: мол, вроде все так. До Рудников с обходами таким путем насчитал верст двадцать пять — тридцать.

Еще часа два лежали, чутка подкрепились из скудных запасов: к остаткам нашей еды прибавились французские хлеб и сыр. Дремали по очереди, костра не разводили. Я окликал Якуба, тот отвечал связно, его не рвало, но на головную боль жаловался всякий раз.

Перед сборами подложил Якубу травы, забрал куртку, которой его укрывал. Расправляя ткань под перевязью Фомича, спросил, давно ли у него эта куртка.

— Чекмень-то? Дык до льготы ешо, когда в полку служил. Ворот теперь другой уже велят справить. За ними не угонишься, чуть ли не кажный год меняют? — Он ткнул пальцем вверх. — Мы-то сами, за свой кошт шьем, не гвардия, чай. Сукно в полку выдадут, поглядеть дадут, как делать надо — и тому рады, а там кто во что горазд.

Темно-синее сукно выцвело, у скошенного спереди воротника и обшлагов шла красная выпушка. Левый рукав разодран, в крови. Синие шаровары с красными лампасами по бокам уходили в разношенные сапоги.

Мой темно-синий чекмень поновее был и имел немного другой крой. Еще на мне сухая сменная полотняная рубаха и темные широкие перепачканные штаны. Я поправил шерстяные носки — чесанки, как назвал их Фомич, — и натянул сапоги.

Фомич надел черную смушковую шапку с красным суконным донцем. У меня была похожая, только мех чутка посветлее; свою одел, чтобы не давила на затылок. Эти походные, а во вьюках Машки имеются еще и парадные с красным шлыком.

Мы проверили все оружие. Кондратий обо всем рассказывал, понимая, что со мной приключилось. У нас были две наши сабли, два боевых ножа; два трофейных ружья, две патронные сумы, штыки и палаш. Пистоль Фомича после купания пока отложили: им ещё предстояло заняться. Я дважды махнул саблей. Клинок оттягивал руку, уверенного движения не получилось. Но чувствовалось, что рука к сабле привычна, надо только восстанавливать мышечную память. Надеюсь, будет так же, как и с верховой ездой.

— Не маши попусту, Даня. Силы береги.

Первое ружье Фомич проверил, заряда не трогали. Второе я зарядил с его подсказками. Всего у нас осталось тридцать шесть сухих патронов в двух сумах, по заряду в стволах. И еще сырые лежали отдельно.

— Может, стрельнуть разок, вспомнить хоть?

— Успеется, не то еще французов накличешь.

Подсохшее белье снял с веток, свернул отдельно от чистых вещей. Котелок, две фляги, припасы нехитрые и полотно убрал во вьюки на Машке. Якубу оставил немного хлеба и приготовленную деревяшку-костыль, дал вдоволь воды напиться.

— Полежи хоть полдня, не торопись теперь уж. Как голова шуметь перестанет, с палкой этой ковыляй потихоньку на свой хутор, больную ногу подогни, старайся не приступать.

Оставлять его одного не хотелось, но какие у нас варианты? И к тому же хутор его совсем рядом, он местный, не пропадет.

Сел на Баловня, взял повод Машки. Фомич устроился на Звездочке и повел обоих драгунских меринов. Гнедой шел смирно, серого дядька держал подальше от кобылы.

— Данила, смотри в оба. Ежели поворот углядел, махни мне, будем останавливаться и проверять от греха подальше.

Мы тронулись шагом, оставив Якуба в нашей лежке.

На поворотах Машка норовила отстать. Когда она обошла справа, повод зацепился за куст; пришлось осадить своего коня и расцепляться. Фомич переждал, потом пропустил меня вперед, сам замер прислушиваться.

Версты через две-три донеслись голоса и стук. Я остановился, не выезжая из-за поворота. Кондрат показал в сторону. Мы тихо увели коней в кусты и привязали каждого отдельно. До голосов оставалось с сотню метров. Дальше в ту сторону пошли пешком.

На поляне у заросшего спуска к воде стояли знакомые подводы. Те же мешки с припасами, сено. Одна лошадь пила из бадейки, другая щипала траву. Хорошо устроились, сволочи.

Пересчитал солдат. Пятеро, как и раньше. Один что-то сказал, взял ружье и ушел дальше по ответвлению колеи. Мы дождались, пока он скрылся, но далеко ли и надолго ли — было неизвестно.

Матеуша привязали к дереву у передней подводы. Возле него сидели женщины. Анна попыталась встать, но солдат толчком усадил ее обратно на пятую точку. Его я узнал: Якуба в голову пинал именно этот ублюдок.

Другой отошел к лесу, чуть скрылся за кустами, прислонил ружье к стволу и, видать, стал расстегивать штаны. Возле Матеуша остались двое, у одного ружье в руках. Еще два ружья торчали с борта передней подводы.

Тот, что бил Якуба, рывком поднял Анну, полез к завязкам на груди. Она отмахнулась, пытаясь ударить его по руке, закричала:

— Тату!

Матеуш дернулся в веревке. Француз с ружьем приложил его прикладом, несильно, скорее показывая, что будет, если не угомонится; его сосед засмеялся:

— Jean, fais vite! Après, c'est mon tour! (Жан, поторопись! После тебя мой черёд!)

— Они ее сейчас… — шепнул я.

Фомич уже смотрел на того, кто отошел справлять нужду.

— Всех разом не осилим. А так, по одному, попробовать можно. Вон с того и начнем. Я за тобой.

Оставили ружья за орешником. Стрелки из нас пока аховые: один однорукий, а второй никогда из такой фузеи и не стрелял. Да и пробираться по кустам с длинным стволом несподручно. Фомичу свободная рука пригодится для сабли. Если придется отступать, сюда и вернемся, можно будет попробовать пальнуть по погоне.

Я вытащил свой боевой нож. Прямой клинок, шириной примерно, как у сабли, тёмная деревянная рукоять, крепко сидит в ладони. Нож взял в правую руку, саблю пока оставил в ножнах.

— С ножом мне сейчас сподручнее, Фомич. С саблей пока не очень дружу, — ответил я на вопросительный взгляд дядьки.

Еще со службы в Чечне привык следить, успевает ли за мной напарник. Так и тут краем глаза поглядывал на Фомича: он был рядом, сабля в правой руке. Тут чутка качнуло, голову повело опять. Я остановился, оперся на ствол. Кондрат тоже замер. Глубокий вдох, выдох, потом еще два раза. Кивнул дядьке.

Первый француз стоял за кустами, с поляны, кажись, его не видели. Я сжал нож и шагнул к нему.

Он заметил меня, когда я уже вышел из-за куста, но было поздно. Пока разворачивался, я сделал шаг и ударил ножом в бок, целя в печень. Эта собака вскинула руки, которыми удерживала портки, и я грудью налетел на его оттопыренный локоть. Меня качнуло; француз потянулся было к ружью у дерева, хватая ртом воздух. Видать, хотел заорать, но успел лишь сипло вскрикнуть.

Справа мелькнула сабля Фомича, оставив страшную рану от шеи до груди. Этого солдату хватило, готов! Он рухнул на колени, и под ним хрустнула ветка. Вскрик оборвался, но мне показалось, что его слышали и за версту.

Мы замерли как вкопанные. С поляны донесся женский крик, следом брань. К нам пока никто не шел. Видать, еще не поняли.

Вытащил нож и вытер о мундир. Ружье отволок за куст и прислонился плечом к дереву. Грудина от удара локтем опять напомнила о себе, сперва даже вдохнуть полностью не выходило. Фомич смотрел на поляну и ждал. Тело осталось под нашими ногами. Один. Здесь еще трое, и пятый где-то ходит-бродит, ни дна ему ни покрышки!

Анна упиралась каблуками в землю, а Жан, если я правильно расслышал, уже потянул ее за руку. Свободной ладонью она зажимала порванную на груди рубаху. Солдат дернул ее, чуть не свалив на землю. Он стал затаскивать ее в кусты, видимо, не хотел делать все прилюдно. А нам, чтобы до него добраться незаметно для остальных, пришлось обогнуть заросли.

Пока мы, пригнувшись, двигались, послышались вскрики девушки и два удара — по звуку крепкие такие пощечины. И вот показалась спина лягушатника.

Фомич показал мне рукой: мол, я сам, — и шагнул вперед, готовясь рубануть супостата.

Но тот каким-то звериным чутьем, не иначе, почувствовал опасность и схватил Фомича за правое запястье, не дав завершить секущий удар. Кондрат подался назад, вырвал руку и все-таки рубанул. Солдат упал, попытался приподняться. Фомич сделал контроль, полоснув того кончиком клинка по шее. Лишь когда француз затих, Кондрат выдохнул и плечом поправил съехавшую перевязь.

Я подхватил поднимающуюся Анну за плечо. Она шарахнулась, пытаясь отползти, раскрыла было рот. Но я успел прикрыть его левой ладонью:

— Тихо. Якуб жив. Мы от него.

Она замерла, глядя мне в лицо, кажется, понимая. Я тут же убрал руку, отвел нож в сторону.

Анна пыталась запахнуть порванную на груди рубаху, одернула юбку. Я повернулся к поляне, дав ей поправить одежду.

— Где Якуб?

— У тропы к вашему двору, там примерно, где и свалился, он жив. Нога повреждена. Как доедете, заберите его на хутор, оклемается парень.

Она вцепилась в мой рукав:

— Там отец. Марья… Я не уйду без них.

— Мы знаем. Пока стой здесь.

Увел ее за ствол толстого дуба, на закрытую от поляны сторону. Отсюда ни Матеуша, ни Марьи с французами видно не было.

— Жди, пока позову.

Фомич уже высматривал пару оставшихся. Тот, что стоял с ружьем, повернул голову к лесу.

— Jean! (Жан!)

Мы молчали. Второй тоже подхватил свое ружье с повозки. Первый наотмашь влепил пощечину Марье и шагнул к нам.

Француз быстро двинул вдоль кустов и увидел лежащего Жана. Фомич не стал пятиться к дубу, за которым пряталась Анна, а выступил навстречу. Солдат вскинул голову, заорал и бросился на него, выставив штык.

Ружье у него было подлиннее наших драгунских, со штыком совсем на копье походило. Не заряжено, видать, раз не стреляет? Кондрат бросил на меня взгляд и пошел навстречу противнику.

Второй у передней подводы возился со своим ружьем, зарядить пытался. Шагов двадцать пять до него. Если успеет, схлопочу пулю, ну или Фомич. От свинца я уворачиваться не умею.

Рванул к нему. Грудь отозвалась на первом же шаге, воздуха не хватало. Но останавливаться нельзя. Француз выдернул шомпол; увидев меня, бросил его и перехватил ружье с примкнутым штыком. Он оскалился и подался вперед.

За пять шагов я притормозил. Лезть на такое копье с саблей, которой толком не владею, дураков нет, а с ножом и подавно. Перехватил нож, замахнулся, но не метнул. Француз дернулся в сторону, вот туда и отправил его.

Такой обманке меня учил еще сержант Круглов — в девяносто четвертом.

Нож хорошо так вошел в плечо. Француз вскрикнул, выпустил приклад из правой руки и схватился за рукоять. Ружье повисло в левой. Вот сейчас, пора!

Выдернул саблю, подскочил и нанес удар, но тот успел довернуть свой карамультук. Клинок угодил в цевье. Кисть прострелило болью. Черт!

Француз снова ухватил ружье обеими руками, отмахнулся им от меня. Я отшатнулся, сунулся вперед и рубанул. Он начал оседать, я ударил еще раз. Теперь точно готов!

Уперся спиной в повозку, продолжая сжимать рукоять. Надо учиться, иначе в следующий раз прирежут. Никакая память из будущего и Щуп тут не спасут.

Только теперь глянул на Фомича. Его противник оттянул ружье и снова ткнул казака. Кондрат шагнул в сторону, пропустил штык мимо и ответил коротким ударом. Француз упал. Левая рука Фомича так и оставалась прижатой к телу.

Стало тихо. Я ждал, что кто-то еще поднимется. Или выстрелит.

Ближайшие двое больше не шевелились. Фомич заглянул за кусты к первым двум, вернулся, покачал головой: с теми тоже все. Но пятый-то ушел живым…

Забрал нож, вытер лезвие о мундир. Осмотрел саблю: клинок в порядке.

Марья сидела у колеса, дрожа всем телом.

— Анна! — позвал Матеуш.

Она выглянула из-за дуба.

— Цел? — спросил Фомич.

— Угу. Тебя не зацепили?

— Да не, токмо руку растрясло.

На повязке свежей крови не заметил, перевязь тоже держалась. У меня самого руки немного потряхивало, отходняк, видимо.

— Ножом ты его так?

— Свезло, Фомич. Сначала ножом, потому уж саблей достал, сам видел, что я едва не напортачил.

Он задержал на мне взгляд, потом повернулся к дороге.

Анна подбежала к отцу. Я протянул ей нож рукоятью вперед, а сам следил за дорогой, привалившись к повозке. Она перерезала веревку, и Матеуш, высвободив руки, обнял дочь. Потом он посмотрел на дорогу и на нас:

— Благодарствую, люди добрые, поспешать надо!

Я оттолкнулся от борта и выпрямился.

Марья держалась за край повозки. Анна спросила о брате, и я объяснил, где оставили Якуба, попросил приглядеть, чтобы не наступал на больную ногу.

— Если ушел, ищите на тропе к вашему хутору.

Матеуш закивал: мол, место знает, заберет сына.

Я глянул на его запястья, потертые веревкой. У женщин на руках краснели следы пальцев. Анна, заметив мой взгляд, отдернула рукав. Ладно, не буду лезть. Что под одеждой, мне не видно, но держатся вроде, значит, сами справляются.

Про пятого Матеуш объяснял больше жестами: ушел к большой дороге, велел ждать. Куда дальше, не знает. На вопрос почему надолго остановились тут, он объяснил, что пока солдаты ели, его заставили возиться с расшатавшимся колесом. Матеуш принялся снова благодарить нас.

— Все потом, лошадей запрягайте, — перебил Фомич.

Анна вернула мне нож, и они втроем подвели лошадей к подводам. Я помог протянуть застрявший ремень и отошел отдышаться. Марья уже сама занималась второй упряжью.

Кондрат убрал саблю, сходил за нашими ружьями. Я вывел Баловня, привязал у подводы, вернулся за Машкой и обоими драгунскими. Отвязал Звездочку; на голос Фомича она потянулась сама. Ружья приторочили у седел.

Из французских патронных сум Кондрат отобрал двадцать четыре годных патрона и переложил их в наши сумы. Из одного ранца я взял кусок полотна для перевязок и сверток с двумя иглами и нитками, убрал их к нашим, сгодятся. В кошельке одного солдата нашел серебряную монету. Наполеон в венке, на обороте «5 FRANCS», внизу — 1811. Сунул в свой кошелек.

Матеуш протянул хлеб и сыр. Я отмахнулся, но он продолжал держать.

— Бери, Даня, — сказал Фомич.

Две ковриги, сыр и кусок соленого сала убрал в дорожную сумку. Вместе с тем, что оставалось у нас, дня на три двоим, если поберечь. Остальные припасы оставили хозяевам.

Пока женщины держали лошадей, Матеуш стаскивал убитых в неглубокий овраг у спуска. Прикрыл сучьями, убрал туда же четыре ружья и ранцы французов. Фомич уже дважды поторопил его. Кровь с травы все равно никуда не денешь.

Перед отъездом Матеуш показал сухой объезд к Рудникам; дальше ближайшей развилки не ручался.

— Нужда будет — приходите, — сказал он и показал в лес.

Там у него избушка, в ней он собирается укрыться с семьей. От хутора тропой вдоль ручья до раздвоенной сосны, за ней вправо, на сухой бугор.

Я повторил, он кивнул. Надеюсь, правильно запомнил.

— Якуба мы заберём, — сказала Анна, забираясь на подводу к отцу.

— Он у лесной тропы. Заберите его скорее, пока сам не попытался идти с больной ногой.

Матеуш кивнул и повернул лошадь к лесу. Марья правила второй подводой. Я дождался, пока обе телеги свернули с колеи: отец ехал за сыном, и женщины были свободны. Сами мы не могли ждать, пока они доберутся до Якуба. Сели верхом и двинулись прочь от дороги.

Первую остановку сделали уже через час или около того. Я слез, сел и долго пил мелкими глотками. Съели по куску хлеба с засохшим сыром и дали передохнуть коням. Баловню я ослабил подпругу, провел ладонью под седлом, проверяя, не натер ли. Фомич показал, где потник сбился. Расправил складку, почесал коня под гривой. Тот потянулся ко мне губами, будто ища угощение. Протянул ему небольшую сухую горбушку, оставленную в кармане на такой случай.

Когда снова тронулись, старался сидеть прямо. Получалось плохо: при каждом шаге отдавало в грудь, и плечи сами поднимались.

— Не зажимайся, Даня. Ослабни в седле, не то всего растрясет, сотрешь еще задницу, не дай то Бог... Ты шибко не переживай, скоро привыкнешь, да и Баловня слушай, он у тебя ученый, подскажет!

Я отпустил плечи, и чуть полегчало.

Сухая колея вилась между соснами. Под копытами светлел песок, потом деревья расступились, и впереди показалось сырое место, поросшее ольхой. В застарелых колеях от колес стояла черная вода. Туда не полезли, обошли по краю леса, потеряли колею, но нашли другую. Машка норовила остановиться и хватануть травы. Приходилось ждать.

На развилке Кондрат долго смотрел то на солнце, то на следы.

— Нам сюда? — спросил я.

— По направлению вроде бы так. Токмо куда выведет, не скажу.

Попробовали. За деревьями снова показались поля, дальше широкая дорога. До нее не доехали: Фомич поднял руку. А потом и я услышал стук копыт.

Свернули за кусты и придержали коней. Всадники прошли мимо, мелькая в просветах. Кто такие, сколько их, я толком неразобрал. Фомич и после того, как стук затих, не сразу разрешил выехать, пришлось ждать.

Солнце опускалось, а Рудников все не было. Еще останавливались у воды, поили коней, отдыхали сами. С каждым разом слезать с седла становилось труднее. Затылок ныл, во рту быстро пересыхало. На передышке попросил Фомича показать руку.

Повязка держалась и кровь не шла. Пальцы припухли; он пошевелил ими по моей просьбе и поморщился.

— Ноет?

— А то.

Поправил перевязь, чтобы рука удобнее лежала, больше ничего трогать не стал. Сам пока ехать могу, и на том спасибо. Снова сегодня так поскакать с ножом — вряд ли получится.

Кондрат смотрел, как я устраиваюсь у ствола.

— Мне Федор тебя привезти велел, так что ты не норови опрометью в любую замятню влезать.

— Знаю. И тебя, Фомич, живым довезти надо, — подмигнул я ему.

Он кивнул и потянулся за флягой.

На пустую колею я оглянулся уже перед отъездом. Хотелось верить, что Матеуш нашел сына и теперь Якубу не придется одному ковылять домой. А у нас целью были Рудники, где когда-то стоял полк брата.

Дальше ехали молча. Нижние ветви сосен потемнели, солнце скрылось. Над открытыми местами еще держался свет; под деревьями приходилось всматриваться в дорогу, чтобы не завести коня в какую рытвину.

Потом над лесом показался дым. Несколько столбов, в разных местах. Я обрадовался, надеясь, что наконец-то добрались. Фомич же остановился и прислушался. До нас донесся скрип колес, крик, лошадиное ржание. Голосов было много, очень много!

Он повел в сторону от дороги. В кустах под невысоким бугром привязали коней. Ружья оставили у седел; сквозь ветки с ними не полезли. Пригибаясь, мы поднялись к опушке.

За деревьями виднелись крыши. Ближе, на открытом месте, горели костры. Люди сидели вокруг них, ходили между повозками. В огне чернели закопченные котлы, за спинами солдат торчали низкие навесы из веток. Дальше белели два полотняных ската; палатки, похоже. Кто там расположился, отсюда не понять, видать, офицеры.

Я перевел взгляд на множество коней на привязи, на поставленные пирамидами ружья. У ближайшего костра поднялся солдат, и на темном мундире ясно виднелись белые перевязи.

— Французы, — сказал Фомич.

На дороге перед стоянкой ходил часовой. Пока мы смотрели, к нему подошло несколько солдат, задержались ненадолго и двинулись дальше, вдоль края лагеря.

— Рудники?

— Они, — вздохнул Фомич.

Я еще поискал глазами казаков, мохнатые папахи, но ничего. Только эти люди у огня, а за ними еще и еще. Мы шли сюда к брату. Можно было бы справиться про Федора, отдохнуть, получить помощь.

Но полка Денисова 7-го тут нет. Вполне мог уйти, кто знает, что довелось пережить им в первые дни войны.

Фомич долго молчал, потом подался ближе ко мне:

— Да, Данила… Вот и война пришла на нашу землю.

Глава 4. Память тела

У ближайшего к нам костра кто-то засмеялся, послышалась французская речь. Я отвернулся. Отдохнем у брата, ага. Теперь бы самим под раздачу не попасть.

От края отползли, потом спустились к коням. Звездочка потянулась к Фомичу, тот придержал ее за уздечку.

— Куда теперь?

— Хоть бы разъезд наших сыскать. Там уж спросим, куда полк Денисова ушел.

Я прислонился к боку Баловня.

— Сперва поспать бы, Фомич. Я из седла чуть не валился, ты гляди, как с рукой маешься. Далеко мы так уйдем?

— А Федору я что скажу? Велел же тебя доставить…

— До него еще добраться надо, сам видишь, что творится. Федор, когда письмо отправлял, и близко не знал, что война начнется.

— От лагеря отойдем подальше. — Кондрат помолчал, глядя на свою перевязь. — Тут оставаться нельзя.

— Может, к Матеушу тогда? Он звал.

— Назад столько же верст отмахать? Да еще и в ночи?

Я вздохнул. Всю дорогу повторить сейчас сил у нас не хватит. Сегодня гостеприимством семьи Матеуша не воспользуемся. А утром поищем место получше: нам бы день-два отлежаться, а там и за поиски полка приниматься.

Отвязали коней, Фомич повел Звездочку назад, я взял Баловня и Машку. Драгунских вывели следом. Некоторое время шли знакомой колеей, потом Кондрат свернул меж соснами. Прежде чем вести Звездочку, пробовал ногой землю. Впереди темнела низина, сыро тут; туда не полезли, забрали выше.

Остановились среди густого подлеска. Земля под ногами сухая. Из вражеского лагеря сюда уже не доносились голоса, но мы все одно старались не шуметь.

Коней привязали, я снял седла с верховых, стащил поклажу с Машки, отдышался, опираясь на ствол. Фомич велел огня не разводить. Пожевали молча хлеба с салом. Одно ружье он положил возле себя, второе я устроил рядом со своей лежкой.

— Ложись, Даня, спи. Опосля разбужу, меня сменишь.

Уговаривать меня было не нужно. Об этом я мечтал, наверное, с того самого момента, как схлынул адреналин после утреннего боя с драгунами. Улегся на бок, подложил под голову свернутую сумку. Сквозь ветки едва проглядывали небо и несколько звезд. Завтра надо найти стоянку понадежнее. С этой мыслью и уснул.

К утру я успел и посторожить, и еще поспать. Поднимался со стоном: грудь ныла, шея затекла. Зато в голове уже не так шумело. Фомич обошел нашу лежку, присел над примятой травой.

— Наши следы. Других не видать.

Французов мы не слышали, но задерживаться здесь не стали. Оседлали Баловня, Звездочку, навьючили Машку и тронулись. Серого и гнедого повели следом без седла. Фомич выбирал проходы на юго-восток, обходя дороги. Сырые низины заставляли сворачивать; я запоминал развилки, раздвоенную березу, сосну со сломанной верхушкой. Думаю, смогу пройти и в обратном направлении, если понадобится.

Через несколько верст попались старые пни, небольшая вырубка, а за ними колея. По ней вышли к ручью. Выше по склону между стволами темнела бревенчатая избушка, а сбоку тянулась полоса высокой травы.

— Косили тут, видать, раньше, — сказал Фомич.

Он обошел постройку, заглянул за угол и поманил меня. Привязав лошадей, я подошел к двери. Внутри пахло сыростью. Земляной пол, лавка, лежанка из жердей. В очаге старая зола, поверх нее натасканные мышами сухие стебли. Сквозь щели в крыше проходил свет.

— Давно пустует. Может статься, что с зимы никого не бывало тут. — Фомич оглядел закопченные бревна. — Лес тут рубили, вот и ночевали, да сено заготавливали, но для него еще рано.

Ну хоть крыша есть. Воду нашли, коням травы хватит, можно вещи просушить. Только колея вела прямо к двери, а дым над деревьями могли заметить издали.

За избушкой проверили проход между соснами: сухо, лошадей провести можно и, если что, споро уйти.

— На два дня останемся? — спросил я.

— Коли супостат какой не явится. Огонь большой разводить нельзя, чем меньше дыма, тем лучше.

Пока он смотрел за колеей, я снял с Машки поклажу, потом седла с верховых. Тяжелые вьюки удалось стащить только со второго раза. Коней устроили на краю покоса; Фомич показал, куда их перевести лошадей, когда те объедят траву. Затем я остался приглядывать, а он разбирал общую поклажу, откладывая наши скудные припасы.

Хлеба заметно убыло, сыр подсох. Сало тоже не бесконечное. Толокона оставалось три-четыре горсти, в мешочке с крупой тоже не густо. Сухари еще трофейные, которые Фомич растолок, но и на них долго не протянешь.

— У Матеуша побольше взять надо было, — сказал я.

— Угу, задним умом все думать горазды… Теперь беречь будем. На два дня-то растянем, а потом кукиш с маслом останется. Надо бы нам харчами разжиться …

Сидя у двери, я очистил саблю и свой боевой нож, проверил ножны. Фомич занялся пистолем. Я придерживал оружие, пока он здоровой рукой убирал грязь и влагу. Кремень шатался; казак поправил его крепление, протер замок и оставил пистоль сохнуть.

На лежанке он устроился боком. Я подпихнул ему под спину свернутый чекмень.

— Так полегче?

— Угу, спаси Христос, Даня! Через часок подыми меня! — сказал он и прикрыл глаза. Я уселся у двери: теперь моя очередь смотреть за колеей.

Разбудил я Фомича, когда солнце поднялось над крышей. Дело шло уже к полудню, пожалуй. Он посидел, поморгал и перебрался ближе к двери, чтобы наблюдать за дорогой.

Я отмыл котелок, принес воды и развел в очаге небольшой огонь. Дым поначалу потянулся к двери, но потом огонь разгорелся, и тяга пошла как надо. Вскипятил воду и отставил котелок остывать. Фомич следил за мной от двери.

— Опять руку мыть будешь?

— И руку тоже, но сперва во фляги налью для питья.

— Эка невидаль, воду для питья варить. В ручье-то она чистая! Вина бы туда плеснуть, чтоб животом не маяться, это да.... У нас в полку и водкой сдабривали, а дома, на Дону, вином в основном.

— С виду только чистая, Фомич, а что выше по ручью в нее попало, мы не знаем. Вино или водка конечно помогают, но не до конца. А вот если возможность есть вскипятить, то это куда лучше…

Он покачал головой, но спорить не стал. Когда вода остыла, я сполоснул фляги и наполнил их. Потом занялся перевязочным материалом. Грязные тряпки сложил отдельно, надо будет состирнуть. Те, которые планировал использовать на перевязку руки Фомича, опять прокипятил.

Мылись по очереди возле избушки, поливая из котелка. Засохшая кровь плохо отмывалась, воду пришлось таскать и греть несколько раз. Волосы и вовсе разбирал пальцами, осторожно обходя шишку на затылке.

— Дай погляжу. — Фомич раздвинул пряди здоровой рукой. — Эка, вздулося крепко, но кожа вроде цела.

Я наклонился, а когда выпрямлялся, грудь опять прострелило болью. Сегодня мутило меньше вчерашнего, но списывать все на усталость нельзя. В грудную клетку мне знатно прилетело; по ощущениям, похоже, ребро наджабил. Вчера еще и с саблей бегал, идиот отмороженный. Возможно, это возраст Дани так на меня влияет. Хотя чего греха таить, в прошлой жизни было примерно так же, разве что декорации вокруг другие.

— Теперь твою руку давай, — сказал я Фомичу, отогнав размышления на тему «Как я докатился до жизни такой…».

Присохшую повязку сначала размачивал и снимал понемногу. Пальцы на этой руке оставались припухшими, но цвет уже нормальный. Сгибать их Фомич мог и прикосновения чувствовал. Боль, по его словам, прежняя, разве самую малость полегче. Рана выглядела примерно, как вчера. Главное, что хуже не стало.

— Если сильнее заболит, краснота поползет или знобить начнет, сразу говори. Тогда уже решать будем, где искать помощь.

— Угу, коли заболит, то до лагеря съездим и у французов лекаря найдем, — хохотнул он.

Смыл то, что легко отходило, прикрыл рану подготовленным полотном, устроил перевязь, проверил, не давит ли.

После грязной работы снова вымыл котелок. Сперва выстирали у ручья рубахи и исподнее, снятые после купания в реке: со вчерашнего дня они успели высохнуть, но чище не стали. Сами пока оставались в сменных рубахах. С Фомича я снял походный чекмень, оттер с разодранного рукава кровь и разложил ткань просохнуть. Потом достал из нашей дорожной поклажи иглу с нитками и принялся чинить.

— Вчера с саблей я едва сам у телеги лежать не остался, — сказал я. — Благо нож выручил.

— Ты ж раньше-то умел все, — покосился на меня Фомич, — и из ружья, и из пистоля бил на загляденье. Саблю с ножом держать я тебя учил. У нас в полку, окромя меня, троих таких знал, что обеими руками владеть могли. Наука непростая. А вот ты к своим годам уже умел!

— Неужто у меня выходило?

— А то! Помнишь, на базу́ палками занимались? Ты всё левую руку к животу норовил прижать. Я тебе по пальцам легонько стукну, ты сердишься. А если боевой нож в бою к себе прижимаешь, то толку от него?

Ни двора, ни палок я не помнил. Посмотрел на собственную левую руку.

— На базе?

— Ай, — махнул Фомич рукой, — на базу́ говорю, двор так у нас на Дону зовется, где курень стоит.

— Теперь понял. Это ты меня всему учил?

— Дед твой, Степан Федорович, начал еще. Года два с тобой возился, ты совсем малым еще был. После отец, когда домой приезжал. Они больше тебе свои ухватки, родовые давали. Их уж я не ведаю, они ваши, Бодровых.

Я прикрыл глаза. На миг почудилась ладонь под локтем: приподняла, повернула руку. Ощущение исчезло, даже никакого лица в памяти не промелькнуло. Может, просто представил, почудилось?

— Все, что сам умел, я тебе передал, — продолжил Фомич. — Теперь вспомнить надо. Токмо сегодня сиди смирно, рано еще!

В седле, кажется, тело само освоилось, вспоминало выучку понемногу. Может, еще не до конца, но уже что-то. Стоит проверить, как сработает мышечная память, если пробовать управляться с ружьем или саблей.

— Федора тоже по пальцам бил?

— А то, как же! Он-то еще и спорить любил. А нынче, гляди, сам других поучает, офицер как-никак. — Фомич усмехнулся.

Я тоже улыбнулся. Вдруг в памяти всплыл размывчатый обрывок: «Даня, не гони». Голос ниже, чем у Фомича, как-то я чувствовал, что он принадлежал брату; ни лица, ни места вспомнить не удалось. Видать, это память прежнего Данилы прорывается, а может, я сам надумал после разговора. Но отмахиваться почему-то не захотелось.

Фёдор ждал младшего брата. При встрече нам, похоже, обоим придётся знакомиться заново, вот только он пока об этом не знает.

— В полку, Даня, другая наука пойдет. Там мало самому ловким быть, надо еще свое место знать и товарищей не подвести.

Он потрогал выстиранную рубаху, висевшую возле двери.

— Подсохла. Подай-ка ее сюда.

Помог ему сменить рубаху, осторожно провел больную руку в рукав. Затем и сам переоделся в свою подсохшую. Снятые сменные рубахи выстирал и развесил рядом с починенным чекменем Фомича. На еду в этот раз пустили остатки толокона. Фомич велел сперва растопить в котелке немного сала, добавить воды, потом понемногу сыпать толокон и мешать, чтоб не слиплась. Соль у нас уже была с перцем и чесноком; я добавил щепотку и раскрошил кусочек сливовой ядрёной пастилы. Получилась густая саломаха, с кислинкой. Ел с большим удовольствием, а Фомич тоже не отставал и усмехался, глядя на мой аппетит. После еды меня сморило.

До вечера вставал то перевести коней на свежую траву, то сменить Фомича у двери. Подогревали воду, отдыхали. Голова уже болела меньше, но стоило нагнуться, грудь напоминала о приключениях. Перед сумерками еще раз проверил руку Фомича. Хуже не становилось, а это в наших условиях уже новости добрые.

Проснулся сам. В этот раз не от шума, а просто бок затек, и шея после сна на жердях словно одеревенела. Полежал, прислушиваясь. Кажись, тихо.

Поднялся осторожно. Голова еще напоминала о себе, зато уже не шумело от каждого движения. Фомич сидел у двери и шевелил пальцами левой руки.

— Гляди-ка, Даня! Полегче стало.

Кисть и правда двигалась свободнее. Руку он все равно берег, но настроение у него заметно поднялось.

Пока Фомич пошел к коням, я остался у двери и потянулся. Позавчера, когда щепку доставал, Щуп меня вполне себе послушался. Не сразу, конечно, напрячься пришлось, но послушался же. До того им я перерезал сонную артерию драгуну, вызвав страшное внутреннее кровотечение. Проверять такое на себе не хотелось. Зато понять, могу ли вызвать Щуп вот так, в спокойной обстановке, стоило.

Положил левую руку на колено, правым указательным пальцем коснулся предплечья. И ничего. Попробовал еще разок. Только кожу пальцем чувствую. Тогда устроил локоть поудобнее, перестал торопиться и сосредоточился. Скоро у кончика пальца появилось знакомое сопротивление. Даже не знаю, как назвать эту энергию или что там, но теперь она проходила сквозь плоть, при этом не травмируя. Я убрал палец, и ощущение пропало.

После небольшой паузы повторил. Вызвать Щуп получилось уже быстрее. Начал сам, подержал немного и прекратил по своей воле.

Никакой картинки руки, типа рентгеновского снимка или МРТ, не возникло. Только маленький участок под пальцем и странное сопротивление плоти внутри. Когда почувствовал тяжесть в голове, закончил. До изнеможения доводить себя не собирался.

Пришло время поменять Фомичу повязку, и он пожаловался:

— Тут, Даня, чего-то щипет, — сказал он, показывая с краю раны.

Я сперва осмотрел руку как обычно. Под присохшей корочкой темнела тонкая полоска. На глаз не поймешь, лежит она сверху или ушла глубже в рану, а ковырять наугад не хотелось.

— Руку сюда и не дергайся.

Палец коснулся кожи рядом с раной. Щуп почти сразу наткнулся на что-то маленькое, совсем близко к поверхности.

Я убрал руку, смочил край корочки и подождал. Когда сгусток размок, под ним показались темные волокна старой повязки. При промывании они, видать, не заметили.

— Ну как теперь?

Фомич несколько раз согнул пальцы.

— Во! Так, кажись, лучше.

— Сама-то рана никуда не делась. Просто в нее нитки старые попали, я их убрал.

Он посмотрел на меня.

— Как хоть понял-то?

— Понял и все, о том не знаю, — пожал я плечами.

— Добре. — Фомич вздохнул, махнул здоровой рукой. — Токмо впредь, коли соберешься чего учудить, сперва скажи, что удумал.

— Хорошо, Фомич! Буду предупреждать, — улыбнулся я.

На том и договорились. Постигать возможности Щупа на сегодня, наверное, хватит, дел еще много!

Проверили коней, сбрую и путь отхода. В стороне нашелся подходящий овраг, по краям заросший кустами.

— Тут с утречка с тобой постреляем, — решил Фомич. — Наверху не так слыхать будет.

Пока он мне объяснял завтрашний распорядок, у кустов мелькнул заяц и юркнул вниз. Вечерком я предложил добыть зайчатины, чтобы припасы поберечь.

— Возле избы палить нельзя, а в овраге давай пробуй. Вот только ты на размер пули глянь. Ежели такая в зайца прилетит, то от него дай Бог одни уши останутся. Ушастого лучше нагайкой, но там с коня сподручнее, да в поле, ну или силки поставить.

— Да я и сам понимаю, — улыбнулся я, но сегодня главное мне вспомнить как стрелять, а уж с зайцем или нет, то, как пойдет. — Пожал я плечами, а Фомич махнул рукой.

Проверили подходы и куда отступать. Риск быть услышанным имеется, но, если стрелять в овраге, то он все-таки поменьше. Фомич остался сверху с лошадьми и вторым ружьем. Уговорились, что он будет ждать, а я вернусь по тому же склону, где спускался.

И вот я с заряженным ружьем уже в овраге. Сел метрах в сорока напротив корней, где в прошлый раз скрылся заяц. Я думал, нора там. Но ушастый все не показывался, зато минут через двадцать вниз стал спускаться подсвинок, годовалый похоже. Пропустил его за куст, потихоньку развернулся и замер.

Ждать я умел, под Киренском насиделся в засидках на разного зверя и птицу. Там у меня был привычный ИЖ-27, а здесь незнакомое ружье с одним выстрелом, да еще такого сумасшедшего калибра.

Кабанчик остановился близко, на фоне голой земли и уткнул пятак в землю. Я подвел мушку, потянул спуск. У лица полыхнуло, грохот заметался между склонами. Приклад толкнул плечо, в груди отозвались наджабленные ребра. Удержал ружье, дождался, пока разойдется дым.

Есть! Подошел и глянул на добычу. Самка, килограмм 20–25 весу, наверное, будет пуля, конечно, разворотила бок, но ничего, съедим! Тут и Фомич спустился ко мне, оставив коней на привязи.

— Поглядел я, добре. Токмо голову от ложи чего оторвал? Вспышка тебе не враг.

А у меня в ушах звенело, да еще и дым этот от сгоревшего пороха. Прям ощущение, что я его поел.

— Ну ничего, не кручинься! Поучимся, и все вспомнишь. Давай-ка ты сперва еще из ружья пару выстрелов сделай, а потом из моего пистоля. Тут тоже вспоминать надобно.

Мишенью стала полоска коры, поставленная у земляной стенки. Перезаряжал я сам, Фомич подсказывал. Руки теперь увереннее находили нужное, шомпол убрал без напоминаний. Появилось устойчивое ощущение, что делал это раньше и далеко не один раз.

Первый учебный выстрел ушел в молоко, точнее, в стенку оврага.

— Крючок так не тяни, Даня! Плавнее надо, плавнее!

Пару раз вдохнул-выдохнул, кажись, грудь отпустило. Снова зарядил, приложился. Надо не торопиться, это не моя двустволка. Выстрел, и пулей отщепило край коры.

Потом проверили пистоль. Припас к нему Фомич достал отдельно. Дважды заряжал и стрелял, со второй попытки зацепил мишень. Рукоять ложилась привычно, но кисть уставала: тяжелая все-таки бандура.

— Вспомнишь, Даня, помяни мое слово, все вспомнишь! Но для того пороха еще пожечь придется немало.

Обратно шли прислушиваясь. Подсвинка я сам разделал, опыт с прошлой жизни в этом деле имелся у меня богатый; дядька помогал здоровой рукой. Мясо тушил с водой в котелке на небольшом огне, всыпал щепотку казачьей соли с перцем и чесноком, раскрошил остаток кислой пастилы. Под конец вытряхнул из мешочка последнюю пшеничную крупу.

— Дивная саломаха вышла! И ты хорош в охоте! — Фомич облизал ложку, — Федор сперва ждать не умел, все ерзал на месте. А ты сидел тихо, терпеливо, вот и дождался ушастого! И приварок нам не несколько дней хороший вышел.

Похлебали горяченького, еще и с мясом. Сало осталось на дорогу, а там, глядишь, и еще чего попадется. Под присмотром Фомича вычистил оружие и зарядил. В сумах осталось пятьдесят семь ружейных патронов, теперь оба ружья снова были готовы к бою.

Дежурить уговорились по очереди. Я сел у двери, Фомич лег отдыхать. После нашей пальбы мы были на стороже. Надеюсь, овраг скрыл от чужих ушей выстрелы.

К утру девятнадцатого июня мы уже собрали поклажу, приготовившись покинуть это место. Когда поднимал седло, и грудь напомнила о себе. Точно определить, что там, я не мог, пальпация тоже ясности не давала. Если ушиб, то заживать будет две-три недели, а вот трещина может беспокоить месяц, а то и полтора. Рана Фомича, если обойдется без нагноения, за ближайшую неделю-две должна зажить, но рука не сразу придет в норму. Ладно, нечего киснуть, обоим ведь за эти два дня стало полегче, и то хлеб!

— Ну, Даня, давай-ка поглядим, чего ты помнишь, — сказал Кондрат. — Шибко тужиться не станем, еще ехать сегодня. Понемногу, да каждый день, но вспоминать нужно!

Он попросил показать, как я держу саблю с боевым ножом. Правая рука нашла привычное положение, левая замерла у живота. И куда ее теперь?

— Во! Опять нож к себе прижал. Поначалу ты ровно так и делал, когда я тебя учить взялся. Саблю взял верно, а про левую руку совсем забыл.

Убрал оружие, подобрал две гладкие палки, длинную и короткую. Фомич здоровой рукой отвел мой локоть.

— Эта за саблю, короткая за нож. Пока правая пошла, левая тоже не спит.

Длинная палка описала косую дугу, короткая вышла вперед, прикрывая меня сбоку. Я переступил, и руки сами поменяли положение. Получилось это даже раньше, чем успел подумать.

Попытался повторить по частям. Сначала правая, потом левая… Палки сошлись перед грудью, и я едва не ударил себя по пальцам.

— Погоди. Опусти руки. Теперь как прежде давай, вот, левой веди сюда.

Выдохнул, начал заново. Короткая палка двинулась следом за длинной, не мешая ей. Вот оно! А стоило сосредоточиться на каждом движении, начинал путаться.

— Этому ты меня учил? — спросил я, когда мы присели передохнуть.

— Обоерукому бою — я. А у Михаила свои ухватки были, не все их я даже видел. Да и дед тебя учил, было дело.

Стало интересно, что за особые ухватки у Бодровых передавались из поколения в поколение. О том спрошу у Федора, как возможность выдастся. Пока же даже лиц отца с дедом вспомнить не могу.

Напоследок взял свои саблю и боевой нож. Они были явно потяжелее палок. Медленно повторил движение.

— Стой.

Замер. Сабля впереди, нож чуть сбоку, руки друг другу не мешают. Во второй раз поспешил и снова прижал левую к себе.

— На сегодня хорош, — остановил Фомич.

Оружие я убрал. Мы осмотрелись, собрали вещи, забрали Звездочку, Машку, Баловня, обоих драгунских и двинули к оврагу.

У земляной стенки я поставил широкий кусок коры и нацарапал на нём крест. Фомич устроился у привязи: оттуда ему были видны и я, и подходы. Второе заряженное ружье положил рядом.

— Пять раз, с передышками. Коли шибко устанешь — раньше кончим.

С двадцати пяти шагов я потянул спуск. На полке вспыхнул порох, я дёрнулся ещё до отдачи. Когда дым разошёлся, увидел, что пуля ударила ниже и левее креста.

— Сам понял? Мишень после спуска не теряй из виду, — сказал Фомич.

Перезарядил. Во второй раз попал в кору, третья пуля задела край. После передышки сделал еще два выстрела: оба легли близко к кресту. Каждый раз ждал, пока разойдется дым. К концу руки устали, и ребра снова ныли от отдачи.

— Все, Даня. Малость вспомнилось, остальное понемногу вертаем назад.

Вылез из оврага, напился воды, вычистил пострелявшее ружье и снова зарядил. Фомич проверил свое и кивнул мне на лошадей: мол, пора.

Я сел на Баловня, взял повод Машки. Кондрат тронул Звездочку, ведя драгунских следом. Место, давшее нам два дня спокойно отлежаться, скоро скрылось за деревьями. Увы, время не ждет, пора было искать полк брата.

До следующей лесной дороги не дошли. Фомич поднял руку, придержал Звездочку. Я остановил Баловня и прислушался. Копыта. Между стволами мелькнули всадники, послышалась французская речь.

Кондрат показал в сторону от просвета. Слезли, тихо стали отводить лошадей за кусты. Один из французов задержался на пересечении троп и повернулся к лесу. За его спиной скрипели колеса, кто-то покрикивал. Обоз, твою мать, а может, опять фуражиры шастают. Переждать пару верховых и спокойно проехать тут не выйдет.

Я оглянулся. Развилку эту мы недавно уже видели.

— Понизу пройдем, Фомич. Помнишь, вчера это место смотрели?

— Добре, Даня, токмо ветки придерживай и Машку не отпускай.

Первым повел Баловня. Между стволами пришлось протискиваться боком; мерин потянул морду к руке, осторожно переступил через здоровенный корень. На сухом пятачке я закрепил повод и вернулся. Фомич держал Звездочку правой рукой, поглядывая сквозь листву на дорогу.

Я взял Машку. Она шла за мной, пока левый вьюк не зацепился за торчащий сучок. Кобыла попятилась, пряжка стукнула по дереву.

— Тихо, Машка, тихо… Тихо, родная.

Всадник на дороге закрутил головой. Фомич накинул повод Звездочки на низкую ветку и снял ружье с седла, удерживая его правой рукой.

Я стоял у Машкиной морды. Она раздувала ноздри, собираясь еще податься назад. Погладил по шее, негромко начал говорить с ней. Хоть бы не заржала сейчас, дуреха.

Свободной рукой отвел сук. Сначала не вышло, но потом подал кобылу чуть вперед, освободил поклажу и медленно отпустил ветку.

Всадник все еще смотрел в нашу сторону. Я видел его плечо и руку на поводьях. За ним со скрипом остановилась подвода; возница прикрикнул на лошадь, затем кто-то окликнул верхового. Тот обернулся и тронул коня, нагоняя своих.

Облегченно выдохнул и провел наконец Машку, потом вывел по одному драгунских и вернулся к Баловню. Фомич вернул ружье к седлу, отвязал Звездочку и провел ее следом.

За перегибом склона остановились. Я проверил ремень, что так неудачно зацепился за ветку. Целый вроде. Фомич прислонился плечом к стволу, поправил перевязь.

— Посидим покуда. Пройдут все, тогда и поглядим.

Колеса скрипели как раз в той стороне, куда нам требовалось выбраться. Сколько их еще там, за поворотом?

— Надо глянуть, Фомич, чтобы ненароком с лошадьми к ним не выскочить.

Он согласился. Оставив животных в закрытом густыми кустами месте, мы вдвоем поднялись к краю леса. Теперь хотя бы врасплох нас застать не должны.

За листвой шли повозки. Несколько уже миновали заболоченную ложбину, а последняя стояла косо на деревянном настиле. Под колесом задирались ветки. Возница и солдат пытались подсунуть под еще, но лошадь пятилась, мешая им.

Еще двое с ружьями стояли поодаль: один возле упряжи, другой смотрел вслед уходившим. Четвертый держался у задка подводы. Рядом с ним я заметил человека в разодранной одежде. Тот шагнул к колесу, неловко споткнулся и едва не свалился.

Пригляделся. Запястья стянуты сзади, и от них тянется веревка прямо в руку солдата.

— Воды… Дай воды, Христа ради!

Бедолага осел возле колеса. Охранник дернул веревку и что-то зло сказал по-французски. Судя по тону, выругался.

— Наш это, — выдохнул Фомич. — Глянь, что от его мундира осталось. С какого полка, так и не разберу, — добавил он, пожав плечами в ответ на мой вопросительный взгляд.

На виске пленника темнела засохшая кровь, видно, что он истощен.

— Он про наших знать может, хоть что-нибудь… — вздохнул Кондрат.

Может. А может, про Денисова даже и не слыхал ни разу, мало ли полков в русской армии.

Ближайшая повозка с людьми еще не скрылась за поворотом. А возле пленного остались четверо солдат с ружьями и возница. Да и остальные не особо далеко, скорее всего, будут ждать отставший транспорт. Стоит пальнуть, сразу набегут.

— Подложат, вытянут колымагу свою и пойдут дальше. Долго уж точно тут не простоят.

Солдат уперся плечом в борт. Возница тянул за толстую ветку, подсунутую под колесо; оба при этом ругались.

Три дня назад у Рудников я думал только о том, где бы нам ночь пережить, да день продержаться. Теперь отлежались, какие-никакие силы накопили. Можно хотя бы прикинуть наши шансы, но точно не лезть очертя голову.

— Задержимся, Фомич? Поглядим, куда его… Здесь не подступиться, а вот дальше, глядишь, и получиться.

— Даня, тебе к брату надо. Опять завязнем тут.

Пленный облизнул губы, посмотрел на флягу у солдата.

— Он, Фомич, судя по всему, тоже к своим шел. Только вот видишь, где теперь!

Кондрат помолчал, глядя на сидевшего.

— Добре. Проследим за ними. А там поглядим, что сможем.

Наконец колесо удалось вытащить. Возница подхватил вожжи и прикрикнул; солдат навалился на борт. Подвода качнулась, скрипнула и вылезла.

Пленного подняли за ворот. Охранник привязал конец веревки к задку, оставив не больше трех шагов, чтобы тот шел следом. Возница полез на свое место.

Черт, ждать тут нам больше нечего. Пока будем сидеть да выбирать удобный случай, пленного просто уведут.

— Решили делать, Фомич, пошли и сделаем, не то поздно будет.

— Добре, — тяжело вздохнул он.

Пригнувшись, мы выбрались из-за кустов, чтобы вернуться к коням и следовать за подводой.

Глава 5. Свои

Мы с Фомичом без помех вернулись к оставленным лошадям. Я отвязал Баловня, взял повод Машки, Кондрат вывел Звёздочку с драгунскими. Он приметил узкую тропу, шедшую за деревьями параллельно дороге. Повели коней по ней. Нагонять обоз не стали: скрип колес и голоса возниц подсказывали, куда двигаться.

Если пленный не сможет идти, куда мы его денем? На себе ни я, ни Фомич не утащим. Оседланный гнедой у нас есть, но до него еще надо добраться, а потом удержать раненого в седле. Сперва бы понять, держится ли этот бедолага на ногах.

— Даже отобьем, Даня, еще довести его до своих придется, — тихо сказал Фомич. — Дело непростое!

Добрались до просвета, с которого была видна длинная полоса дороги. Мы остановились в кустах и пропустили обоз мимо. Семь подвод, при каждой возница. Пеших с ружьями насчитали двенадцать, двое из них устроились поверх груза. Шесть верховых держались по сторонам и впереди.

— Двадцать пять, — шепнул я. Многовато, твою ж…

— Для корпуса маловато, — отозвался Фомич. — К полку, поди, припасы везут.

На возах лежали мешки, тюки под полотнищами; из-под края одного торчала солома. У задней подводы солдат достал хлеб из мешка. Что везли толком было не разобрать.

Последняя подвода опять отставала. Колесо ходило неровно, и возница все оборачивался на него. Он спрыгнул, прошел рядом несколько шагов, приглядываясь, затем снова забрался на место. Похоже, потому и возились они так долго в прошлый раз. Что там с колесом приключилось, мы не видели.

Тропа вывела нас к месту, где дорога расширялась. Здесь обоз встал. Трава у обочины была вытоптана, за деревьями поблескивала вода. Кажись, ручей. Возницы стали оглядывать упряжь. Пленного подвели к задней подводе. Руки его оставались стянутыми за спиной, конец веревки тянулся к повозке.

Он сам переставил ноги и опустился на землю. Медленно, с трудом, но без чужой помощи. Может, и сможет на своих двоих дойти до наших коней.

Я искал глазами кусты поближе к подводе, когда Фомич придержал меня за плечо.

— Погоди. Сперва разобраться надо, как у них охрана службу несет.

Мы отвели коней в густой ельник, привязали и вернулись пешком. За двумя соснами нашлось место, откуда просматривался привал и пленный у задней повозки.

Особо легче пока не стало. Двое верховых проверяли дорогу впереди, остальные держались при подводах. Я пробовал прикинуть путь к пленному, но куда ни глянь, на открытом месте кто-нибудь стоял. Фомич лишь качнул головой: мол, заметят.

Возница задней подводы подвел к колесу человека, которому остальные уступали дорогу, видимо, офицера или старшего. Показал, как колесо болтается. Двое солдат принялись снимать мешки, складывать у борта, а затем приподнимать подводу. Возница выпряг лошадь и привязал ту к дереву.

— Быстро не управятся, — прошептал Фомич.

Так и вышло. Старший махнул рукой в сторону дороги. После короткой остановки шесть подвод тронулись. Из четверых солдат при последней он увел двоих. Возница и два пехотинца остались: один глядел за дорогой и время от времени подходил к колесу, другой не отходил далеко от пленного.

Мы ждали, пока последний всадник скрылся за изгибом. Скрип колес постепенно стих. Фомич прикинул, что обоз ушел на полверсты или около того. Возница все еще возился с колесом. Если услышат выстрел, верховые быстро вернутся. Потому действовать нужно тихо.

Подвода стояла боком к лесу. Пленный сидел у заднего колеса с нашей стороны; от дороги его закрывали кузов и снятые мешки. Один солдат маячил у заднего угла. Другой вместе с возницей был по ту сторону повозки, они продолжали возиться с неисправным колесом. До наших привязанных в ельнике коней отсюда около сотни шагов.

— Выведем его и подпалим груз? — Предложил я.

— Так только нашумим, да и на дым ихние быстрее вернутся. Главное, Даня, страдальца нашего вытащить.

— Гляди, Фомич, у них там и харчи, похоже, имеются, а нам еще неизвестно, сколько по лесу шастать. Поглядеть бы…

— Дело сначала, а там видно будет.

Я кивнул. И правда, если тревогу подымут, нам будет не до трофейных харчей.

Фомич еще раз проверил, заряжен ли его пистоль, взглянул на затравку и кремень. Свое ружье я оставил у наших лошадей: с ним несподручно тут ползать. Второе Фомич положил в кустах на пути к отступлению, а сам устроился с пистолем в правой руке, в десятке шагов от подводы.

— Режешь веревки и ведешь его сюда.

Я вытащил из ножен боевой нож. Сабля оставалась на поясе. Дождался, пока часовой отвернется и пойдет к товарищам, тогда уже пополз к кузову.

Кусты тянулись почти до самого края вытоптанной земли. Я прополз под их ветками и остановился: до сложенных у подводы мешков оставалось шага три. С дороги меня закрывал кузов, зато часовой у заднего угла мог обернуться в любую минуту. Подождал, пока он отвернется и заговорит с возницей.

Я махнул, и пленный заметил меня, глаза у него расширились. Еще бы: мальчишка с ножом из леса вылез, как черт из табакерки. Я приложил палец к губам и одними губами произнес:

— Свои.

Он все также смотрел на меня, словно все ждал, что из леса выйдет кто-то постарше. Я показал на деревья, где остался Фомич: мол, там свои. Потом указал на его ноги и снова на лес: идти сможешь? Пленный кивнул.

Возница что-то громко сказал солдат присел, прислонил ружье к борту: видать, помочь решил. За повозкой громко заспорили, что-то загремело. Я выскользнул из-за мешков и опустился возле пленника.

Быстро перерезал веревку, тянувшуюся к задку повозки, потом осторожно поддел ножом стяжку на запястьях и разрезал ее, стараясь не задеть кожу. Он повернул ко мне лицо, хотел что-то сказать, но я покачал головой. Спор за повозкой продолжался, их голоса заглушили нашу возню.

Пленник оперся на правую ладонь и дернулся от боли. Я схватил его за локоть, потянул в сторону кустов и показал, куда ползти. До них недалеко; дальше Фомич поможет.

Пленный пополз, прижимая больную руку к себе, не задирая головы. Я остался, прижавшись спиной к борту, и слушал, как рядом ругаются французы. Ждал, когда пленный подберется к кустам, тогда и я следом рвану.

Возница прикрикнул на солдата, борт повозки скрипнул. Еще немного — и я…

Но не судьба, видать. Послышались шаги: часовой возвращался. Он уже огибал угол подводы, и я приготовился его встречать. Других вариантов не находилось.

Я выскочил ему навстречу из-за колеса и ударил ножом снизу вверх. Часовой успел схватить меня за рукав. Я толкнул его к борту и вывернулся, но лезвие осталось в шее. Потянул за рукоять, но та не поддалась. А за повозкой уже зашевелились.

Второй пехотинец сидел у колеса; ружье стояло рядом. На шум он обернулся и потянулся к нему. Я успел схватить солдата за ворот. Тот дернулся и ударил меня локтем. Правым указательным пальцем я все же добрался до открытой кожи.

Щуп отозвался знакомым сопротивлением. Как тогда, с драгуном, я направил усилие туда, где должна была идти сонная артерия. Удержать касание оказалось трудно; я сделал короткое движение и отдернул руку. Рядом проходит и яремная вена. Одним движением можно было зацепить и ее. Что именно повредил, сейчас понять было нельзя.

Солдат дернулся, хрипло вскрикнул и вцепился в край повозки. На шее под кожей быстро наливалась припухлость. Он еще держался на ногах и тянулся к ружью.

Я шагнул влево, обходя его, и вытащил саблю. Возница уже поднимался. Он смотрел не на меня, а на солдата, который сползал по доскам, открывая и закрывая рот, как рыба. Возница начал что-то бормотать. С солдатами он говорил по-французски, теперь я расслышал: «Пане Боже…» Вспомнился выговор Якуба. Поляк, похоже. Как он оказался при этом обозе, я не знал. На нем была обычная рубаха, а не мундир.

Хотел уже закончить с ним, но тот отшатнулся, опустился на колени, прижал ладони к груди, зашептал быстрее, потом перекрестился. Возница молился. Я держал клинок перед собой, ожидая, что он вскочит или закричит, но возница смотрел в землю и бормотал. Зарубить безоружного, стоящего на коленях, я не смог.

Фомич вынырнул из-за задка подводы почти беззвучно. Поравнялся с возницей и правой рукой ударил его рукоятью пистоля по затылку. Тот повалился набок и затих.

Я убрал саблю. Часовой лежал у борта, второй — у колеса; оба не двигались. Возница дышал. Фомич ударил от души, но я не знал, как скоро он очнётся. Медлить с уходом было нельзя.

— Еще два, их оставим, — сказал Фомич, взглянув на лежащее ружье. — Верховые воротиться могут. Бери, что под рукой, и к коням.

Их лошадь стояла у дерева на открытом месте. Фомич было шагнул к ней, да остановился: из-за повозки и кустов пришлось бы выходить прямо на виду у дороги. Верховые могли вернуться в любую минуту. Оставили ее, скрепя сердце: Савелия бы унести. Нам нужны были припасы, да, может, еще чего полезного найдется. Под снятыми с воза мешками я заметил кожаный ремень и вытянул сумку. Широкая, с крепкими застежками, явно не солдатская. На клапане виднелось какое-то тиснение.

— На офицерскую похожа, — сказал Фомич.

Внутри лежал пистоль, сложенные бумаги, гребень, платок и еще что-то. Фомич вернул все на место.

— Чья была, после узнаем, а пистоль нам и самим пригодится.

В мешках были сухари и рис. Рядом нашлись два больших шмата копченого сала, килограмма по два каждый. Я выбрал мешок получше и стал быстро складывать в него то, что влезет. Даже пару караваев хлеба нашел, несвежих, конечно, ну и хрен с ними. На троих с нашими остатками это можно на неделю, а то и больше растянуть.

У борта стояли две бутылки в соломенной оплётке. В первой оказалась виноградная водка. На второй я разобрал французское «esprit-de-vin» — винный спирт. Откупорил, понюхал и забрал обе. Спирт пригодится, когда снова стану перевязывать Фомича.

Уложил бутылки поверх сухарей и туго затянул горловину мешка, сделав примитивный сидор. Когда закидывал его за плечи, в ребрах опять закололо. Чуть не оступился, придержал грудь ладонью. В висках глухо застучало, пальцы слегка дрожали. Еще раз вызвать Щуп сейчас я бы не решился. Сам бой занял считаные мгновения. На это время удалось как-то отстраниться от ран, но они никуда не делись.

— Даня, хорош, поспешать надо! — Фомич перекинул офицерскую сумку через правое плечо. — Верховые, говорю же, воротятся — и карачун нам придет!

Я кивнул и с тяжёлым мешком за плечами двинул к кустам. Фомич шел рядом, держа пистоль в здоровой руке. У самой кромки леса я остановился, скидывая мешок.

— Нож, черт побери, оставил! Я мигом! — сказал я, не дожидаясь, пока Бирюков меня остановит, побежал.

Вернулся к повозке. Возница лежал, как и прежде. Я выдернул нож из шеи часового и подошел ко второму: тот не дышал, а снаружи виднелась налившаяся под кожей гематома. Возница видел, как я держал солдата за горло голыми руками. Если очнется, расскажет, а потом начнут осматривать тело.

Я провёл лезвием по шее мертвеца. Кожа разошлась, и из-под неё выступила тёмная, густая кровь. Я поморщился, но не от вида крови, которой повидал за свою жизнь ее столько, что давно перестал рефлексировать, а от того, что приходится делать. Не знаю, поможет ли это удержать в тайне мой Щуп, но других вариантов пока в голову не приходит. Вытер нож и поспешил в лес.

Фомич ждал за кустами с сумкой. Я подхватил оставленный мешок. Мы шли по следам освобожденного: примятая трава и обломанные ветки показывали, куда тот отполз.

Нашли его шагах в тридцати от дороги. Он сидел, прижимая поврежденную руку, и пытался отдышаться. От повозки отполз на страхе; теперь без опоры уже не мог подняться. Увидев нас, он открыл рот.

— После поговорим. — Фомич поднял ладонь. — Сейчас уходить надо, пока твои дружки не воротились.

Фомич убрал пистоль за пояс и подхватил пленного с одной стороны, я — с другой. Тот попробовал идти сам, но на третьем шаге снова почти повис на нас. Идти с грузом и этим солдатом было нелегко. У места, где Фомич оставил ружье, остановились, чтобы подобрать его.

— Как звать-то тебя, братец? — спросил Фомич.

— Савелий Зорин. Я из...

— Опосля расскажешь. Сперва подальше уйдем. Еле ноги переставляешь, помолчи пока и силы побереги.

Наконец и до коней наших добрались. Савелий прислонился к сосне, пока мы привязывали сидор и офицерскую сумку к вьюкам Машки. Мое ружье, оставленное тут перед вылазкой, тоже закрепили на ней. Фомич свое к седлу Звёздочки повесил.

Мы подвели к Савелию оседланного гнедого и помогли поставить ногу в стремя. В седло он забрался со второй попытки, сразу ссутулился и вцепился здоровой рукой в луку. Я сел на Баловня, взял повод гнедого и держал его рядом. Фомич устроился на Звёздочке, повел Машку и серого. Тронулись ровным шагом; я все поглядывал на Савелия, готовый придержать, если начнет валиться.

Примерно через версту пути со стороны дороги донесся один выстрел. Я оглянулся на Фомича. Неужто верховые вернулись к повозке? Зачем тогда стреляли? Черт его знает! Прибавили шагу, насколько позволяли силы Савелия. Фомич увел нас с тропы на сухой, покрытый хвоей склон. Я высматривал впереди ручей или твердый каменистый участок. Нам нужно было скрыть следы.

Подходящий нашелся за елями. Я велел Савелию крепче держаться за луку седла, сам спешился с Баловня и взял гнедого под уздцы. Баловня повел рядом. Фомич направил Звёздочку в воду, ведя Машку и серого за собой. Прошли по руслу около сотни шагов и выбрались на камни. Теперь без хорошего следопыта пройти по нашим следам будет непросто.

Прислушались. Выстрелов больше не было.

— Много их, Даня, больно. На всех нас не хватит, — негромко сказал Фомич.

— А на всех и не надо. Мы ведь не одни воюем. Россия большая. Помяни мое слово: погоним их обратно ссаными тряпками в ихнюю Европу. Там еще и на Елисейских полях с тобой спляшем.

— На кой мне их поля? У нас на Дону своих хватает, — хохотнул он. — Пошли давай, неча тут стоять.

До подходящей ложбины шли шагом. За густыми елями помогли Савелию спуститься. На ногах худо держался, пришлось усадить его у корня.

Фомич остался у коней смотреть за подходом. Я подал Савелию флягу. Он выпил немного, отвечал связно. На виске была лишь засохшая кровь; других кровоточащих ран я не заметил.

— От повозки-то как дополз?

— Полз, пока мог. А поднялся, так ноги будто чужие стали.

Веревка содрала кожу с запястий. Правая кисть распухла, но прикосновение Савелий чувствовал, пальцами шевелил. Я сполоснул руки, смочил их винным спиртом, затем промыл ссадины оставшейся во фляге кипяченой водой и осторожно убрал приставшую грязь.

Протер спиртом целую кожу вокруг ссадин. На содранные места лить его не стал. Прикрыл запястья чистым полотном. Кисть велел беречь; что с ней, с одного осмотра не разобрать.

Фомич дал Савелию хлеба. Тот жадно ел, запивая водой из фляги. Когда я закончил перевязку, он поднял глаза:

— Спасибо вам, братцы, не бросили!

— До своих доведем — тогда и благодарить станешь, — ответил Фомич. — А в сухомятку много не ешь. Скоро чего горячего сварганить попробуем, у нас теперь и харчи для того имеются. — Он подмигнул мне.

Савелий отложил горбушку, и Фомич присел напротив.

— Ты из какого полка, братец, будешь? Хотел ведь рассказать, да договорить-то мы тебе так и не дали.

— Из Первого егерского. Мы при Дорохове службу несли, рядовой я.

Фомич повернулся ко мне. Я уже хотел спросить сам, но он опередил:

— Донцы при вас были? Про полк Денисова Седьмого не слыхал чего?

— Были. У Олькеник они к нам подошли. Их колонну сам видел, а фамилию эту, кажись, от своих слышал.

— Есаула Бодрова знаешь? — Я придвинулся к Савелию. — Фёдором его зовут.

Савелий покачал головой:

— Ваших поименно не знаю. Казаков только издалека видал.

Я вздохнул. А с чего егерю знать каждого казака? Зато Рудники больше не были единственной зацепкой.

— Где ты от своих отстал? — спросил Фомич.

— Вчера, возле Больших Солечников. От своей команды отстал, на неприятельский разъезд вышел. Сперва с собой вели, потом обозникам отдали. — Савелий потер забинтованное запястье. — Перед тем говорили, что к Ольшанам повернем. Дошли ли они, о том не ведаю.

— А если сперва к Большим Солечникам выйти? — предложил я.

— Там его и взяли. На большак к французам пойдем?

Савелий вспомнил про развилку у одинокого дуба, которую приметил еще до плена. От нее в лес уходила узкая дорога. Куда она выводит, он не знал, но по ней можно было попробовать обойти занятый тракт и уже там расспросить местных. Фомич согласился держать направление на Ольшаны, хотя отряд Дорохова мог уйти и дальше.

— До наших меня возьмете? — спросил Савелий. — Мне в роту надо. Оклемаюсь и, глядишь, еще повоюю. Вот где у меня эти черти! — Он приставил руку к шее.

— Доведем, — сказал я. — Куда тебя девать-то.

Фомич не стал спорить.

— Чуток переждем, поснедать надо, а уж потом пойдем тем обходом. У своих разузнаем, куда Дорохов направился. Там же и про полк Денисова Седьмого спросим. Не иголка же он в

стоге сена. Найдем, Даня, найдем. — Фомич похлопал меня по плечу и развязал мешочек с рисом, покачал его на ладони.

— Сорочинское пшено, гляди-ка. У нас дома такое в основном к празднику. В поход уж точно не берем. А тут у французов разжились, — он усмехнулся. — Сегодня, выходит, и у нас праздник будет.

Мы с Фомичом развели под склоном небольшой огонь. В котелке зашипело сало; потом покидали мелкие куски добытого недавно мяса, и когда оно чутка подрумянилось, Фомич плеснул воды, засыпал трофейного риса. Пока крупа доходила, мы прислушивались к лесу. Со стороны дороги больше не стреляли, да и попетляли мы прилично, найти не должны.

Получилась отличная саломаха, еще бы морковки, лука и у нас плов бы вышел. Но зато от сала она вышла наваристая и духмяная. Савелий орудовал ложкой левой рукой и ел не спеша.

— Давно такова не едал, — сказал он. — Последние дни все больше на сухарях, да и то не вдоволь.

— Ешь, сил набирайся, дорога у нас непростая будет, — ответил я, прожевав.

— Как вы столько сухарей трескаете, не пойму, — сказал Кондрат, пережевывая, — у нас больше водиться их растолочь, да кипятком залить. На кой зубы-то ломать, да и сытнее выходит.

Егерь не ответил, только улыбнулся и плечами пожал.

Пока догорали угли, я вымыл котелок и вскипятил еще воды. Дождался, пока остынет, сполоснул и наполнил опустевшие фляги. Фомич на сей раз ничего не сказал, только помог придержать одну за ремень.

Огонь залили водой и присыпали землей. Сухари, рис, сало и бутылки переложили из сидора во вьюки Машки. Фомич возился с ремнями, а я раскрыл офицерскую сумку. На клапане теперь разглядел буквы: «А. Н. С.».

Среди бумаг нашлись письмо, адресованное капитану гвардейской конной артиллерии Александру Никитичу Сеславину, и подписанная им расписка за фураж. Сеславин. Я помнил эту фамилию: кажется, читал в какой-то книге про партизан двенадцатого года. Неужели тот самый? Как сумка очутилась у французов, бумаги не объясняли.

В платок был завёрнут овальный медальон. Под стеклом лежала светлая прядь волос. Чья — я не знал. Закрыл медальон и убрал, чтобы не раздавить в дороге.

— Что там? — спросил Фомич.

— Похоже, сумка капитана Сеславина. Если встретим, то вернём.

— Сперва бы нам своих найти, — сказал Кондрат и достал из сумки пистоль.

На замочной доске стояло: «Тула 1810».

— Гляди, это кавалерийский, девятого образца, — сказал Фомич. — Такой же, как мой.

Я придерживал оружие, пока он здоровой рукой зарядил его и передал мне.

— Пользуй, Даня. Если найдешь хозяина, то вернешь, а пока он тебе нужнее.

Савелия подсадили на гнедого. Он ухватился за луку левой, а забинтованную правую устроил на коленях. Я взял повод и пока пошел рядом, ведя Баловня с другой стороны. Шли шагом: Савелия качало в седле, а у меня после возни с вьюками опять заныли ребра. Отпускать повод я пока не решался — Савелий едва держался.

На выходе из ложбины я оглянулся в сторону оставленной дороги. Там еще могли искать беглецов. Савелий качнулся в седле; я придержал мерина, пока он снова не ухватился за луку. От французов мы его отбили, а вот до своих еще надо довезти. Зато он помнил развилку, с которой можно обойти занятый тракт. Впервые за три дня после переправы у нас появился путь к людям, которые могли знать, где сейчас полк брата.

— Теперь знаем, у кого спрашивать, — сказал Фомич. — До егерей доберемся — глядишь и Фёдора сыщем.

Фомич направил Звёздочку между елей. И я повел мерина следом, высматривая развилку с одиноким дубом.

Глава 6. Чужая депеша

Дорога вымотала, и как бы мне ни пытался помочь Баловень, но в седле я устал неимоверно. А когда на корнях гнедой замедлил шаг, егеря повело набок. Осадил обоих коней, успел ухватить Савелия за пояс. Он выпрямился и снова вцепился в луку левой рукой. Пришлось держаться почти бок о бок: отпускать его одного я пока не решался.

— Недолго так проедете, — оглянулся Фомич. — Савелий-то наш еле держится. На корнях лучше спешивайся, Даня.

Проехали молча еще немного. У прикрытого кустами просвета Фомич поднял руку. Я спешился, придержал Баловня с гнедым. За деревьями, на другой дороге, застучали копыта.

Кто-то окликнул всадника по-французски; ответа я не разобрал.

— С тракта идут, — негромко сказал Савелий. — Голоса, кажись, оттуда.

Фомич указал на густые ели справа от просвета.

— Даня, за мной двигай.

Он направил Звездочку в ельник, увел Машку и серого. Следом и я со своим выводком. Под деревьями нашлась низина: с дороги нас закрывали кусты, а между стволами оставался просвет для обзора. Машку Фомич поставил глубже остальных.

По пути сюда мы дважды замечали вдалеке небольшие группы французов, но теперь всадники проходили совсем близко. Я насчитал около двадцати. Из-под дорожной пыли виднелись зеленые мундиры; на шлемах поблескивали гребни, сзади свисали темные гривы.

— Драгуны, — шепнул Фомич.

Гнедой переступил и подался к свету. Савелий левой рукой натянул повод, удержав его за кустами. Баловень замер рядом со мной, серого Фомич придержал у Звездочки. В тот же миг вьюк Машки зацепился ремнем за ветку и начал съезжать набок. Я подхватил его и придержал у седла, пока кобыла стояла спокойно. Фомич смотрел на дорогу. Лишь когда прошел последний всадник, он помог снять ремень с сучка.

Разъезд свернул к большаку, оставив за собой облака пыли.

— На главную пока нельзя, — сказал Фомич. — Эта, может, и свободна, но и то проверять надо, а не нахрапом переть.

Мне думалось, что с каждой остановкой полк брата, который мы искали, уходит все дальше. Но какие у нас, собственно, варианты… Прождали с полчаса и двинулись дальше.

Примерно через версту, может, чуть дальше, мы поднялись на небольшой пригорок. Егерь первым насторожился:

— Слышите? Опять конные. Далековато еще, но идут быстро, сюда вроде бы.

— Немного их, — сказал Фомич. — Трое, кажись.

С нашего пригорка между стволами виднелся длинный кусок проселка. По нему и правда быстро ехали трое. По виду двое прикрывали третьего, на охранение похоже.

— Посыльный, что ли? — шепнул Фомич.

— Давай возьмем и узнать попробуем?

— Даня, так мы после того обоза еще не отошли. Савелий вон, гляди, на ногах не стоит. Да и те два десятка драгун отсюда не шибко далеко ушли. — Фомич еще раз глянул на всадников.

— Если при нем бумаги важные, то, может, рискнем? А если сильно нашумим, в лес уйдем. — Я вопросительно глянул на Фомича.

Мы успели отвести коней в заросшую ложбину и привязали к деревьям. Потом помогли Савелию спуститься с гнедого и усадили у привязанного коня лицом к дороге. Я снял с Машки свое заряженное ружье и положил рядом с ним.

— Если за этими, кто еще покажется, дай знак, — велел Фомич. — Но сам не вставай.

— Может, повод натянем поперек? — предложил я.

— Непросто, но попробовать можно.

Узкий участок проселка давал хоть какой-то шанс. Мы приготовили повод Машки, чтобы сбить переднего, и разошлись по сторонам. Фомич держал пистоль в здоровой руке. Свое ружье он прислонил к дереву. Среднего сговорились по возможности брать живым.

Все вышло не совсем так, как представлялось. Передний всадник налетел на натянутый повод, не удержался и рухнул поперек колеи. Его конь шарахнулся, столкнулся с лошадью посыльного и исчез в лесу. Среднего выбросило из седла. Задний успел остановиться и потянулся за оружием.

Фомич выстрелил. Француз начал сваливаться под копыта, его конь отскочил к деревьям. Я выскочил на дорогу с пистолем в правой руке и ножом в левой. Того, кто свалился первым, было уже не слышно.

Посыльный ворочался у края колеи. Он поднялся на колено и потянулся к пистолю у пояса. Я направил на него свой, помотав головой.

Француз замер. Я указал стволом на оружие. Он снял пистоль и швырнул в сторону, потом поднял руки. Посыльный с трудом встал. Я забрал у него сумку, снял саблю. Надо торопиться: выстрел могли услышать с большака.

Конь первого всадника умчался в лес, похоже, с концами. Я убрал нож и пистоль, поймал поводья двух оставшихся лошадей, пока Фомич держал пленного под контролем. Отвели его к Савелию. Я хорошенько связал французу руки за спиной, а егерь направил на него заряженное ружье, чтобы чудить не вздумал. Если так дело пойдет, то у нас тут целый табун будет, подумалось мне глядя на наших лошадей.

Мы с Фомичом вернулись к дороге. Первого стащили за ноги в кусты. Он не дышал; шея была сломана. У третьего я тоже не обнаружил ни дыхания, ни пульса. Убрали его с колеи, подняли выпавшее оружие. Обыскивать убитых было некогда. Кровь закидали сухой землей и хвоей, хотя полностью следы произошедшего так быстро не скроешь. Фомич забрал свое ружье из-за дерева и подхватил трофейное.

Когда подтягивал тело, в ребрах опять прострелило. Пришлось тормозить и отдышаться.

— Рука как? — спросил я Фомича, когда мы уже возвращались с собранными трофеями к егерю.

— Пойдет. — Фомич поморщился, пошевелил пальцами раненой левой руки. — Давай поспешаем, пока никто не приехал.

Француза посадили на его же коня со связанными за спиной руками, Савелия на гнедого, потом сели на своих верховых и мы с Фомичом, ведя в поводу Машку и еще трех трофейных. Семеро теперь, целый табунок как ни крути. На тесной тропе с ними придется повозиться.

Сразу двинулись прочь от места засады. Глянуть, что он вез в сумке, можно и в более безопасном месте.

Версты три мы не выходили на открытое пространство. Фомич вывел нас к мелкому ручью, провел по воде шагов двести, затем поднялся на каменистый берег и свернул к сосняку в стороне от дороги. Пленный со связанными за спиной руками качался в седле. Я держал его лошадь на коротком поводу.

В густом ельнике спешились. Мы усадили пленного спиной к стволу, связали ему ноги и притянули к дереву, не развязывая рук. Савелий устроился неподалеку с ружьем на коленях.

Я раскрыл кожаную сумку и достал конверт с сургучной печатью. Вскрыл, попробовал прочитать. Разобрал фамилию Bordessoulle, название Солечников и две даты: «1er juillet» вверху, «3 juillet» среди строк. Дальше шла французская скоропись. Отдельные слова были знакомы, но смысл из них никак не складывался.

— Зря, похоже, за ней полезли, — сказал я Фомичу. — Знай мы французский, другое дело. А так на кой нам теперь этот посыльный?

Пленный вздрогнул. Быстро забормотал на своем, потом осекся и выдавил:

— Я… русский немного понимать. Сказать, все сказать!

Мы с Фомичом переглянулись.

— Для кого ты это вез? — спросил Фомич, и потряс в руках взятые у меня бумаги.

— Люди генерал Бордесуль. Пост… Солечники. — Пленный кивнул назад, откуда мы приехали.

— Что в них написано?

— Artillerie. Canons. Пушки… три июля. Утро. Здесь брать. — Он начал мотать головой в сторону дороги.

Пленный путался в русских словах, пришлось больше догадываться, и активно жесты использовать.

— Ты сам оттуда едешь? — спросил я.

Разобрались не сразу, но кое-что прояснилось. Утром он был на дорожном посту, потом ездил к начальству и теперь возвращался с приказом. Две повозки с артиллерийским припасом находились там еще при нем. Орудия должны подойти позже и забрать приготовленное. Так я понял из его объяснений, но за каждое слово ручаться бы не взялся.

Третье июля по французскому календарю — двадцать первое июня по-нашему. Сегодня девятнадцатое, у них первое июля. Первая дата, выходит, сегодняшняя, а вторая — через день. Я показал сперва одну, потом другую, пересчитал дни на пальцах. Пленный торопливо закивал.

— Послезавтра, — сказал Фомич. — А не завтра?

— После завтра. Утро.

О числе пушек спросили дважды. Француз подумал и сказал, что их будет восемь, но потом поправился на десять. Сам, похоже, точно не знал. Я хотел спросить подробнее, что именно должны забрать на посту, но быстро уперся в предел его русского и моего французского.

— Почему припас на посту оставили? — спросил Фомич.

— Chevaux. Лошади… нет. Потом брать.

Пленный кивнул на свою лошадь. Не хватило упряжек, пали кони или просто отбились от своих — тут нам оставалось только гадать. Зато про даты он повторял одно и то же. Депешу надо сохранить, у наших должен найтись офицер, который поймет ее содержание.

Савелий сказал, что, возможно, ближе к Ольшанам мы найдем русских и передадим сведения, но успеем ли — он не знал.

Я кивком позвал Фомича к Машке, подальше от пленного.

— Чего делать станем, Кондратий Фомич? — спросил я.

— Даже и не знаю. — пожал он плечами.

— С одной стороны, к Федору спешить надо, а с другой — война идет, а тут у нас под боком такой подарок храниться, — добавил я.

— Мы и так шибко от них отстаем, — вздохнул Фомич, покусывая сорванную с ели веточку. — Да и егерь наш пока еще худой больно. Но и с пушками энтими…

Он помолчал и продолжил:

— Восемь пушек, Даня, много нашей крови прольют. Но как ты к ним подступишься? Мы вон егеря насилу довезли, сами еле ходим.

— А если их припаса лишить? Пушки пусть едут, но стрелять-то чем будут?

Фомич потер ус здоровой рукой.

— При них тоже припас есть, пусть и немного. Не пустыми же они совсем идут. Только на хороший бой может и не хватить, иначе не гоняли бы они посыльного. Если здесь пополниться не смогут, то будут ждать пока другие припасы подвезут.

— Вот пусть и ждут, глядишь несколько дней по нашим войскам стрелять не смогут.

— Сперва поглядеть надо, что там за пост эдакий. Может, нам и на версту к нему не подступиться. Бумагу-то своим отвезти уже дело большое.

— Поглядим. Если не выйдет, то сразу уйдем.

— На том и сойдемся, — махнул Фомич рукой, — только, Даня, ты смотри у меня, сам на рожон не лезь!

Я кивнул, подтверждая, мол понял.

Мы договорились сначала посмотреть. Я убрал депешу в сумку. Если на посту окажется много людей, например, как в Рудниках, то мы точно не полезем. Тогда уж попытаемся поскорее прорваться к нашим и передать бумаги. Вот только где их теперь сыскать? Савелий знал направление, но отряд Дорохова нас ждать не станет.

Я дал пленному воды и ослабил веревку на запястьях. Он зашевелил пальцами. Потом перевязал ему руки спереди, чтобы мог есть сам.

Пока Фомич смотрел за пленным, я расседлал верховых и проверил. Коней сводил к воде по очереди, растянул привязи между деревьями: семерым места требовалось немало.

В переметных сумах нашелся овес. Отсыпали коням, а уж после сами поели толченых сухарей, кипятком заваренных с салом и француза покормить не забыли.

После еды помог Фомичу перезарядить пистоль и проверили все ружья.

К посту двинулись, когда спала жара. Пленного посадили на его коня, руки оставили связанными. На развилке он кивнул в сторону широкой колеи. Фомич остановил нас, не доехав до нее, свернул в лес. Савелий остался с конями и французом. Мы с дядькой отошли, чтобы поглядеть на него с опушки.

Пост оказался возле покинутого двора местных жителей. Жилой дом стоял не далеко от дороги, поодаль темнели сарай и длинный навес. Между ними ходили солдаты, у ворот двое держали ружья в руках. Позади дома виднелись привязанные лошади. Через двор протянули веревки с мокрыми рубахами; значит, расположились здесь надолго, раз даже стираться вздумали.

Я насчитал восемнадцать человек, потом из дома вышли еще трое. Сколько оставалось внутри, пока не понять.

Две длинные повозки с закрытыми кузовами стояли за дальним краем навеса. Солдат с ружьем прошел возле них, остановился у старого забора. Другой держался ближе к воротам. Я поискал глазами пушки: ни лафетов, ни стволов. Значит в этом пленный не соврал.

— Гляди повозки распряжены, — шепнул я.

— Пока да. Видать, про упряжки хранцуз не соврал, может и правда что-то с лошадьми сталось у них.

От дороги подойти было невозможно. Обойти двор в первый раз не успели: за домом показались верховые. Мы спустились с опушки и вернулись к своим. Савелий сидел, вцепившись здоровой рукой в ружье. Пленный молчал, но на шум со стороны поста сразу поднял голову.

— Там они? — спросил егерь.

— Угу, — кивнул Фомич. — Народу там хватает. И повозки стоят, только что в них, покуда не разобрать.

— А если одни лишь ядра? — спросил я.

— Тогда, Даня, нам с тобой там делать нечего. Не съесть же их, и с собой не унести.

Ночевать возле поста не стали. Ушли к ручью, подальше от дороги; пленного привязали к толстой сосне. Дежурили по очереди, за ним тоже пригляд требовался.

К утру двадцатого июня я проснулся с затекшей шеей. Фомич сидел рядом, положив саблю на колени. Пленный лежал боком у дерева и не спал. Услышав, как я шевелюсь, поднял голову.

— Домой, — сказал он. — Я домой хочу.

— Да все мы хотим, — буркнул я, — потерпи козья морда, вот когда ваши кафе в Париже «Бистро» называть станут, тогда и вернешься, станешь нам там с Фомичом и Савелием кофий подавать в белом накрахмаленном переднике.

Француз ничего не понял, а Фомич, слышавший меня только глаза округлил, и о чем-то крепко задумался.

Лягушатнику дал воды и кусок хлеба. Потом мы с Кондратом поменялись, и дядька лег досыпать. До полудня время было: после вчерашней дороги и двух вылазок тело само о том не просто напоминало, а уже вопить начинало, требуя отдыха.

Когда Фомич поспал, я промыл ему рану, сменил повязку. Савелия тоже проверил и велел правой кистью ничего не хватать. До здорового ему было далеко, но выздоровление явно идет, пусть и не очень быстро.

С конями возились по очереди, много у нас их теперь. Они успели вытоптать траву возле привязей, пришлось переводить их на другое место. Фомич проверил оставшийся овес, в том числе снятый с двух новых лошадей, и покачал головой.

— На такой табун этого мало. На одной траве их держать нельзя, да и времени целый день пасти у нас нет. Так что надо корму раздобыть с запасом чтобы!

Пленный просил развязать ему руки. Я дал воды, проверил узлы. До наших вести его было далеко, отпускать возле поста нельзя. Фомич пообещал решить, когда вернемся от дороги. Я не возразил.

Савелий будет сторожить пленного, пока мы снова сходим к посту. Фомич заткнул французу рот свернутым платком, закрепил полосой ткани и проверил узлы на руках и ногах.

— Кричать начнет, не мешкай, — сказал он егерю. — Сам слышал, как близко они вчера ездили, — провел он большим пальцем по горлу, подсказывая что именно имеет в виду.

К дороге вышли после полудня. На посту грузили мешки в телегу. Две закрытые повозки оставались на месте; под навесом работали двое: какой-то мужик чинил колесо кажись, орудуя молотком, а его напарник стоял рядом придерживая.

Никакой артиллерийской колонны мы не дождались. По большаку прошли пешие вражеские солдаты, миновали два верховых. Они свернули на пост ненадолго, один передал какой-то документ, другой долго разговаривал с офицером в расстегнутом мундире. Потом обоим вынесли хлеб, и те уехали. Пушками пока не пахло.

— Похоже, завтра ждут, — шепнул я.

— Если опять чего не переменится, — отозвался Фомич.

Офицер походил, поглядел по сторонам и махнул работникам у колеса. Те отложили инструмент. Вчетвером вместе с присоединившимися солдатами оттеснили телегу с мешками, подведя ее ближе к дому. Между навесом и забором освободилось место; туда откатили обе закрытые повозки. К одной подвели лошадь, примерили постромки, потом опять увели.

— Готовятся, видать, — сказал дядька.

Я смотрел, как солдат пытается закурить возле задней повозки. Старший увидел, схватил его за локоть и отчитал по полной, ругался крепко. Тот вытянулся и засеменил прочь, не пререкаясь.

Позже открыли один кузов. Подошедший офицер что-то сверял с листом, обозник показывал ему груз. Фомич придвинулся ко мне.

— Картузы с порохом, — шепнул он. — Вон, в руках держит.

Я видел вытянутые мешочки, чем-то набитые, но раньше с таим не сталкивался. А дядьке по службе уже довелось видеть. Вторую повозку тоже осмотрели; офицер задержался возле нее, потом сложил бумаги. Крышки опустили, у повозок остался часовой.

Мы обошли двор издали. Позади ограды тянулась заросшая канава, от нее вниз к лесу уходила промоина. Я спустился и тут же увяз сапогом в воду. Фомич подождал, потом махнул к сухому краю. В темноте тут легко и по пояс вляпаться.

С новой позиции повозки были видны снизу. За оградой между колесами ходил часовой.

Пока разглядывал его через жерди, француз остановился и повернулся прямо к нам.

Я опустился ближе к земле и затих, а когда Фомич потянул меня за полу, начал отползать за ним.

— Он нас видел?

— Увидел бы, уже крик поднял. Но в следующий раз может и углядеть, пошли давай отсюда.

Когда выбрались подальше Фомич, увидев, как я усиленно пытаюсь соображать хмыкнул:

— Ну, чего надумал, Данила?

— Взрывать надо, Фомич, боле ничего не остается. Припас здесь, под навесом этим, рванет дай Боже!

— Так-то оно так, да вот токмо от огня и нам достанется, коли замешкаемся, порозу там не мало.

Мы вернулись к своим другим путем по сухой ложбине, прикидывая как будем отступать, если все выгорит.

В лагере было как-то тихо. Савелий не окликнул нас, хотя услышал шаги. Он сидел возле сосны с ружьем на коленях. Француз обмяк в веревках, подбородок лежал на груди. На рубахе темнела кровь.

— Патруль тут прошел, — сказал егерь. — По той стороне ручья. Этот кляп умудрился выплюнуть, да и заорать хотел. Я ему рот зажал, ну и …

Савелий замолчал, показав нож в руке.

Я присел возле француза. Дыхания не было, пульса тоже, я убрал руку от шеи и выпрямился.

— Я ж как велено, — вздохнул егерь.

— Бывает, Савелий… Это война, — пожал плечами Фомич.

Тело оттащили в промоину, прикрыли ветками и землей. Фомич перекрестился, даже молитву прочитал. Решили, что лучше тут не оставаться и уйти по дальше.

Ушли в другой ельник. Сперва занялись конями, потом поели сами. Про француза не вспоминали, правда Савелий как-то поник, может он переживал то, что довелось сделать.

Фомич предложил оставить егеря с лошадьми. Савелий сразу замотал головой.

— Один я тут уже сидел. Не надо больше, с вами пойду, — он говорил, глядя куда-то мимо нас и я присел рядом.

— К посту тебе нельзя, — сказал я. — Мы сейчас из канавы еле вылезли. Завязнешь там в темноте мы и тебя не утащим, и сами уйти не сможем.

— Ружье на опору положу. Ничего со мной не станется, хоть раз да пальну.

— А лошадей на кого оставим? Их у нас вон семь уже!

Егерь помолчал, потом перевел взгляд на Фомича.

— А вы-то сами как, управитесь?

— Потому тебя и просим ждать, — ответил дядька. — Если выгорит, то уходить споро придется.

Савелий провел ладонью по лицу и кивнул, согласившись.

Пистоль из сумки Сеславина заткнул за пояс. Шашка и боевой нож тоже были на своих местах. Одно заряженное ружье оставил Савелию.

Дядька проверил свой пистоль, взял саблю. Я помог ему подтянуть перевязь, чтобы рука поменьше болталась.

Собирались без лишних разговоров.

— Федору про все это сам потом рассказывать станешь, — сказал Фомич.

— Про повозки что ли?

— Про все по порядку: как решили оставаться, как Савелия раненого таскали, местных выручали. И как ты меня подбил французу подарочек устроить.

Я кивнул, и мы прилегли отдохнуть, пока было время, подложив под голову свернутые чекмени. Удалось поспать, хотя сперва лежал с закрытыми глазами, слыша каждый шорох Савелия, возящегося у коней.

К вечеру ушли в примеченную ранее ложбину. Дали коням напиться и пощипать травы. Перед уходом мы их оседлали свой небольшой табун, и навьючили пожитки, приготовившись к быстрому отходу. Егерь устроился, прислонившись спиной к сосне, и стал наблюдать за лошадьми.

Мы дождались, когда начнут сгущаться сумерки, хотя в июне темнота получалась условная. До утра остались не так-то и много времени и надо поспешить, пока артиллерия не успела пополнить запасы на посту.

Возле дома висел фонарь, освещая часть двора. Показалась телега; возница выругался, когда колесо на что-то наскочило, солдаты ее сразу пропустили, в догон осыпав непонятными мне ругательствами. Шатания еще хватало, все спасть этой ночью явно не собираются.

Я спустился вслед за Фомичом на колени, который вмиг промокли от росы. Дядька подождал, пока устроюсь рядом, и коснулся здоровой рукой моего плеча, кивнув, мол пора. Обе повозки стояли под навесом.

Через пролом в заборе виднелся часовой, которого оставили бдеть за важным грузом. Штык на его ружье, смотрящий в ночное небо, периодически поблёскивал, вылавливая свет фонаря. Солдат прошел вдоль кузова, вернулся обратно. Показалось, что его окликнули, но тот лишь негромко ответил, оставшись на посту.

Сначала я помедлил, глубоко вдыхая и сосредотачиваясь. Я уже тоже засомневался, получиться ли у нас раскусить этот крепкий орешек. Мы еще раньше сговорились. С Фомичом, что к повозке поползу я. Нам было понятно, что с одной рукой сделать это Кондрату будет практически невозможно, а потому он остался прикрывать у самой кромки леса.

Почувствовав руку Фомича на своей спине, я начал движение в сторону цели, передвигаясь на пузе по-пластунски. Хотя понятия не имею называют ли этот метод скрытного передвижения именно так или это понятие из будущего.

До повозок оставалось совсем немного.

Глава 7. Искра

Часовой, до этого мельтешивший возле цели, вдруг отошел шагов на двадцать ближе к дому. Во дворе он с кем-то заговорил. Слов я не разбирал, слышал только недовольные интонации. До ближайшего борта повозки мне оставалось проползти еще шагов пятнадцать по примятой траве.

Надо поджечь этот чертов порох и уйти как можно дальше. Еще мы проговорили, что, возможно, придется устранить часового, но тут уж как пойдет....

Вжимаясь в землю, я продолжил движение. Ладонь нащупала сухую ветку. Сдвинул ее, дабы не нашуметь, и пополз дальше.

Еще немного, и борт повозки заслонил фонарь. Я наконец добрался до колеса, укрылся и замер. С этой стороны меня не видно, но до часового было совсем ничего.

Только успел перевести дух, как услышал приближающиеся шаги. Француз закончил болтовню с камрадом и возвращался к повозкам. Сапоги сначала прошуршали по траве, потом стали отпечатываться на утоптанной земле.

Я осторожно поднялся, упираясь боком в повозку. Немного потянуло в ребрах, но, кажись, к этой перманентной боли я уже успел привыкнуть и не обращал на нее внимания. Тихо вытащил боевой нож правой рукой, левой придерживая ножны. Клинок держал низко, в тени кузова.

Фомича с моей позиции было не видать, но я был уверен: он сейчас уставился на повозки, следя за мной.

Я выпрямился, насколько мог, прижавшись спиной к борту повозки. На пару мгновений часовой остановился, видать, оглянулся на дом, а потом продолжил приближаться.

Я оказался у него за правым плечом. Француз повернул голову и уставился на меня. Глаза его расширились, рот уже начал открываться.

Я подался навстречу, одним выверенным движением правой вгоняя клинок ему в грудь. Левой рукой сразу зажал его рот. Обмяк он не сразу, дернулся даже и вцепился в мой рукав. Из-под ладони вырвался глухой звук. Ружье съехало с плеча, повисло на ремне; приклад ткнулся мне в сапог.

Колени у француза подогнулись. Его потянуло вниз, и я присел вместе с ним, прижимаясь к борту. Взрослый мужик, тяжелый, черт бы его побрал. Держать на весу я его не мог, оставалось понемногу опускать на землю и не дать ружью загрохотать. Пока не прекратились предсмертные судороги, руку ото рта я не убирал. Уложил его возле колеса.

Откуда-то из-за дома донесся смех, потом негромкая ругань. Кажется, получилось: нашу встречу никто не заметил.

Я вытащил нож из его груди и, вытерев о мундир лягушатника, убрал в ножны.

Оттащить тело подальше даже не пытался: сейчас мне здоровья не хватит, да и часы тикают. Пришло время разбираться с нашей главной целью.

Я потянул заднюю откидывающуюся часть борта. Оказалась она тяжелее, чем ожидал. Пришлось перехватить поудобнее и придержать обеими руками. Дерево чуть скрипнуло, и я тут же замер. Благо никто не заметил или не придал значения.

Я приподнялся на носках, заглянул внутрь. В кузове стояли бочонки. Между ними почти не оставалось места, да и вытащить такую тяжесть сейчас было бы не под силу. Ближайший стоял у самого борта. До него вышло дотянуться, не залезая в повозку.

С крышкой пришлось повозиться. Тут главное ничего не уронить, иначе все может сорваться в один миг.

Под крышкой обнаружились плотно уложенные мешочки из грубой ткани. Вот оно, что я искал: те самые картузы, мешочки, набитые порохом. Видел их еще днем.

Я осторожно достал один картуз и опустил рядом с собой, за ним достал еще и еще. Всего вытащил восемь штук. Начал потрошить их ножом. Как инициировать подрыв заряда, придумал еще раньше, обсудив свою идею с Фомичом.

Бикфордова шнура под руками у меня не имелось, а потому я высыпал порох из одного картуза прямо в бочонок на оставшиеся в нем заряды. Потом расстелил приготовленную заранее холстину примерно двухметровой длины. На нее ровным слоем, особо не жалея пороха, высыпал вдоль всей длины еще один картуз и начал сворачивать эдакую колбаску с порохом внутри, перехватывая ее тонкой бечевкой. Провозился минуты три по ощущениям.

Один конец оставил в бочонке с порохом, а второй пока на земле. Потом перешел ко второй повозке. Внутрь не полез и вскрывать не стал. Они стояли рядом, два шага было между бортами. Я рассчитывал, что взрыв первой зацепит и вторую, но, чтобы подстраховаться, решил потратить порох еще из двух картузов, принявшись надрезать те ножом.

Со стороны дома донесся смех. Кто-то заговорил громче остальных, ему ответили. Надо было спешить: в любой момент могли проверить не подающего признаков жизни часового, а может, и сменить. О том мне было неизвестно.

Я рассыпал порох на борт, стараясь сделать длинную дорожку, чтобы и за полог достаточно попало. Если искра сюда попадет, то полог должен загореться, а потом и бочкам, наполненным картузами, деваться будет некуда.

Инициировать подрыв решил замком, который мы с Фомичом сняли с одного из трофейных ружей, перед выходом проверив, как тот сработает. Оставалось его где-то закрепить. Огляделся и понял, что проще всего использовать для этого дела тело француза. Приподнял одну его ногу и установил замок так, чтобы тот не вырвался, когда я буду тянуть за веревку.

Бечевка была привязана к шепталу. «Кишка», наполненная порохом, свисала и лежала тут же на земле. Для гарантии все оставшиеся картузы с порохом рассыпал вокруг замка. По моей задумке возгорание должно случиться. Колхоз тот еще получился, но что имеем, то и имеем.

Проверил все еще раз и, выдохнув, стал отползать, разматывая бечевку. Когда в моих руках ее осталось около трети, я услышал окрик со стороны дома.

— Pierre! Pierre! Tu dors?

Твою ж! Это точно звали часового. Я замер, потом осторожно поднял голову. Из-за угла дома вышли двое французов. Один что-то говорил, второй слушал, повернувшись к нему вполоборота. Оба направлялись к повозкам. Пока не спешили, но вскоре обойдут кузов и увидят своего товарища возле колеса.

Ползти уже смысла не было, я поднялся и стал шагать дальше, замеряя, сколько веревки осталось в руках, поглядывая то на нее, то через плечо на французов.

Они все еще болтали, видать, решили, что их приятель и в самом деле задремал.

Я глянул в сторону ложбины, край ее был уже рядом. Мы с Фомичом приметили это место заранее, и я рассчитывал добраться туда, чтобы укрыться на время взрыва.

Но, видать, не судьба. Оставалось каких-то четыре-пять шагов, а конец бечевки был уже у меня в руке. Упс, ошибочка, батенька, вышла! Чертов глазомер. В темноте расстояние показалось меньше, а теперь придется действовать стоя на открытом месте.

У повозок вдруг резко стихли голоса. Я повернул голову и встретился взглядом с французом, который рассматривал мой силуэт в сумерках.

— Aux armes! — заорал один, за ним подхватил другой.

Я машинально перекрестился, выдохнул и потянул, глядя туда, где оставил все приготовленное.

Как только разглядел первую вспышку, развернулся и рванул к ложбине. Шаг, другой, вот уже и край, прыжок!

Сначала сапоги, а потом и задница проскользили по мокрому от росы склону.

Я еще не доехал до дна, когда за спиной рвануло. Зажать уши я не мог в таком положении, но вот рот открыл широко, как и положено. Может быть, позже мне это сильно помогло.

Сверху ударила волна воздуха, частично добравшаяся даже до моего укрытия. На какой-то миг небо осветилось, словно в солнечный день. А потом с него начали падать комья земли и еще какой-то мусор. Я знал, что это еще не конец. Скатившись на дно, вжался в склон, теперь уже зажал уши руками и ждал следующего удара.

Мысли высунуть башку и поглядеть как-то не возникало. Я начал считать про себя. Один, два, три... Сбился, снова поймал счет, вроде уже десять!

Полыхнуло опять, в этот раз я пригнул голову.

Перед глазами поплыло, в ушах стоял ровный звон, сквозь который пробивался гул и странный свист. Голова кружилась, и я никак не мог поймать взглядом землю под собой. Сквозь этот звон прорвался гул и странный свист. Я инстинктивно задрал голову и разглядел что-то черное сверху.

Сначала мне на голову упал приличный такой ком земли вместе с травой, я аж подался назад, а после буквально в шаге от меня в землю вонзилась какая-то массивная железяка, вероятно, деталь от повозки.

Я выдохнул, еще раз перекрестился. Вот ей-богу, в прошлой жизни таким набожным не был, а тут… Разглядел внимательнее. Одним рваным концом железяка вошла в грунт, другой еще покачивался в воздухе. На ней остались щепки, зажатые возле крепления болтов. Похоже, оковка от повозки. Вот же ж подарочек!

Я уставился на нее и сглотнул. Похоже, здесь я точно засиделся, надо валить!

Встряхнул головой, пытаясь избавиться от звона. Не помогло. Только муть подступила сильнее.

Во рту была земля или песок, даже не понял, откуда. Я выдернул пробку из фляги, сделал несколько глотков и стал выбираться.

Когда оказался на поверхности, лишь глянул, не найдется ли зевак, ищущих взглядом хулигана Данилу. Таких не оказалось, и я что есть мочи, уже не скрываясь, рванул в сторону Фомича. Ноги слушались плохо, будто ватные. Я спотыкался, но шел.

Кондратий вышел навстречу. Что-то крикнул, махнул рукой. Я плохо различал его голос, но жестов хватило. Он сразу подхватил меня под локоть и уставился мне в глаза.

— Получилось, только вот оглох малость! Скоро пройдет, — сказал я, показывая на уши и понимая, что, скорее всего, проорал эти слова.

Фомич нахмурился, крепче сжал мою руку и потянул в тень. Я шагнул следом, уперся свободной ладонью в ствол и оглянулся.

Там, где стояли повозки, уже клубился густой черный дым, из которого то и дело вырывались языки пламени. На земле лежала перекошенная рама повозки, тут и там хватало всякого перекореженного взрывом.

Обломки были разбросаны в разные стороны. Возле дома мелькали люди. У некоторых в руках уже появились ведра. Видать, они собираются дом облить водой, чтобы следом не запылал. Что делали остальные, я толком не разобрал, да и было мне сейчас не до этого. Главное, что у нас получилось, а теперь надо валить.

Фомич говорил что-то мне на ухо, потом дернул за рукав, и мы поспешили к своему лагерю. Всю дорогу он держался рядом, постоянно поглядывая на меня.

Раньше я чувствовал себя твёрдо на ногах, а сейчас будто по палубе шёл. В ушах звон, слова доходят с задержкой, голова кружится. Симптомы знакомые: контузия. Не тяжёлая, но пару дней придётся пожить с этим. Савелий поднялся нам навстречу и внимательно окинул взглядом обоих.

Савелий поднялся нам навстречу и внимательно окинул взглядом обоих.

— Живы, — сказал Фомич. — Припас хранцузов спалили. Нечем стрелять будет их артиллерии.

Я сел у дерева, пока Кондрат проверял коней и рассказывал егерю о вылазке. Голос дядьки доходил будто сквозь пробки в ушах. Долетала только часть слов.

Все семь лошадей были на месте. Задерживаться не стали: сели верхом, и Фомич сразу направил Звездочку западнее.

— Ольшаны в другой стороне, не туда разве?

— Разъезд у дороги, Даня, они в том направлении шерстить сейчас начнут. Нам лучше как раз в противоположную сторону. За такое порох этот нас крепко искать будут. А потом уж вернемся куда и шли, зато голову сохранить так больше шансов будет.

Я не стал спорить, хотя отклоняться от плана совсем не хотелось. Через некоторое время пересекли мелкий лесной водоток. Кони перебрались без труда, оставив следы на влажном берегу. Дальше вышли на каменистую землю. Фомич часто останавливал Звездочку и прислушивался. Он махнул нам следовать за ним и повел наш отряд инвалидов-мстителей дальше.

Солнце уже перевалило за полдень и припекало, а мы все двигались вперед. Сначала Савелий только немного отставал на поворотах. Я придерживал Баловня, дожидаясь, пока гнедой поравняется с нами. Потом егеря качнуло, но он удержался, благо успел ухватиться левой за луку седла. Я окликнул дядьку.

— Фомич, остановиться пора уже. Свалится ведь наш егерь, вон и ручей какой хороший.

Кондрат посмотрел на него и увел нас под деревья, к воде, в сторону от тропы. Сам прошелся между стволами, проверил подходы и только тогда кивнул: мол, здесь останемся.

Я помог Савелию спуститься с гнедого. Он хотел отмахнуться, но ноги худо держали. Усадил его на толстый сухой корень и сам сел рядом, прижав ладонь к груди. После тряски ребра давали о себе знать. Фомич умылся у ручья. Были мы сейчас не в лучшем виде, одежду нашу, а дядькину особо, постирать требуется и с этим делом не затягивать.

Лошадей расседлывал я, пока Фомич, забирая подальше, обходил и проверял нашу временную стоянку. Всех семерых сводил к воде по очереди и привязал там, где трава гуще. Оружие и поклажу вместе сложили возле седел под деревьями.

У Баловня под потником шерсть слиплась от пота. Я провел ладонью по спине, посмотрел, не натерло ли. Вроде обошлось. Расправил потник на ветке, а спину хорошенько вычистил. Когда почесал ему шею, он опустил голову и замер, уткнувшись мордой мне в плечо, словно благодарил.

Когда закончил с четырёхногим транспортом, то осмотрел товарищей. Повязка Фомича потемнела и требовала замены. Савелий попробовал разогнуть правую кисть, поморщился, после дороги она болела сильнее. Велел ему пока ничего ею не держать. Для перевязок нужны были кипяченая вода и чистое полотно, которое тоже стоило обдать кипятком. И во флягах оставалось воды на несколько глотков, надо было еще для питья приготовить. Потому врачевание я немного отложил.

Савелий сидел у берега и вдруг окликнул меня. За полосой ила была обмелевшая заводь, отрезанная от ручья после спада воды. Между стеблями что-то тяжело шевельнулось.

— Лини, — сказал егерь. — Гляди, Данила, какие добрые, грех упускать такой приварок! А вон еще один! — Этот калечный рыбак округлил глаза от возбуждения, прямо как мой сосед тракторист Семеныч из прошлой жизни, когда мы с ним выбирались на Киренгу или Лену.

— Ну давай же, попробуй, пока в ил не ушли.

Что поделать, ни сетей, ни крючков не имелось, но я вспомнил, как в детстве по осени таскал мелких щукарей из обмелевших луж. Взял кусок холста из поклажи и полез в воду. При первой попытке ткань выскользнула, рыба только ударила хвостом по ладони и скрылась в мути. Савелий указал на мелкое место у края. Со второй попытки я прижал холст ко дну и вытащил первого линя. За ним другого. Пришлось передохнуть, прежде чем поймал еще двух.

Егерь только показывал, где дрожат стебли, но радости у него в глазах было больше, чем после нашей вылазки.

Четыре рыбины лежали на траве — темные, скользкие, каждая фунта по два с лишним. Савелий довольно прищурился:

— Ну, братцы, сегодня по-барски вечерять станем!

Трофейный рис и сало решили поберечь на дорогу. Сейчас рыбы хватит, а там еще неизвестно, чем кормиться будем.

Я выпотрошил линей, чуть присолил, принес глины с берега, и мы, завернув рыбу в широкие листья, покрыли ее глиной и устроили в углях. Пока та пеклась, я вскипятил воду и отставил остывать. Фомич сам подал обе фляги. Наполнив их, набрал воды заново и прокипятил полотно для перевязок.

— Ну что, гроза французских артиллеристов Савелий Зорин! Давай-ка сюда твою руку, лечить тебя станем!— сказал я отмечая, что звон в ушах еще стоит, а голос мой звучит будто со стороны.

— Погоди, Данила. Я в седле держался? Держался, выходит, рука еще послужит. Чего ее постоянно глядеть-то?

Савелий потянулся правой рукой к фляге, остановился на полпути и подцепил ту левой за горлышко.

— Ишь, даже фляга не поддается, вовсе безруким быть хочешь?

— Да не, пальцы-то я чую. Только будто муравьи бегают. Француза вона как свалил, не подвела, а фляга — это не беда…

Фомич расхохотался. Савелий сам улыбнулся, вздохнул и все-таки протянул мне больную руку.

Я начал осмотр, сравнивая левую кисть с правой. Попросил пошевелить каждым пальцем. Двигались все, только указательный с большим слушались хуже, а сам Савелий морщился при этом. Голова кружилась, мне приходилось то и дело моргать, чтобы поймать фокус. Пальцы двигались все, но указательный, средний и большой слушались хуже — будто сил в них не хватало.

— После дороги стало хуже?

— Да не пойму, Данила, сперва ныло. По дороге под тряпкой уж как-то закололо.

Еще после французского плена кисть была не ахти. А сегодняшняя продолжительная тряска добавили отека; тугая повязка только усугубила это дело. Но боль на одну повязку я бы не списал. Осторожно развязал узел, снял ее.

— Ты чего там высматриваешь? Резать, что ли, собрался? — спросил Савелий, следя за моим лицом.

— Пока резать нечего. Смотрю, как проходит кровь к пальцам и не пропала ли чувствительность.

Через несколько минут он сказал, что стало полегче и колоть перестало, но распухшие пальцы мне не нравились. Я промыл загрязнившиеся ссадины кипяченой водой. Спиртом протер кожу вокруг ран, не касаясь содранных мест.

Повязку накладывать заново туго не стал - смысла нет. Вместо неё устроил кисть в нейтральном положении, подложив под ладонь сложенную в несколько раз тряпицу, чтобы запястье не сгибалось. Так меньше давления на нерв. Велел держать руку в покое.

— Если онемение и боль станут расти или пальцы начнут слабеть сильнее, сразу говори. Тяжелого тягать, из ружья стрелять тебе пока нельзя.

— Хорошо, — вздохнул Савелий.

Перешел к предплечью Фомича. Под повязкой кожа у раны покраснела, край был раздражен, но свежей крови не увидел. Осмотрел: ничего постороннего не заметил. Промыл рану,

сменил полотно. Выздоровление идет по плану. Жаль, что нет регенерации, как у ящерицы, но что есть, то есть.

Потом и до своих ребер добрался. Сделал глубокий вдох, и снова кольнуло. Каждое движение отзывалось в голове — муть подступала, стоило наклониться. Я делал паузы, пережидая, и продолжал. Осторожно ощупал болезненное место. Ушиб или трещина — так не понять.

Приложил голый указательный палец к коже рядом с болезненным участком и попробовал позвать Щуп. Знакомое сопротивление отозвалось под кожей. Проводя пальцем, я словно ощущал свои ребра и правда нашел небольшую трещину во втором ребре снизу с правой стороны. Не знаю, как это вышло, просто интуитивно, но я упер Щуп в нее, прикрыл глаза и как-то попытался направить туда энергию.

Просидел так, наверное, секунд тридцать, точно меньше минуты. Пальцы задрожали, и я чувствовал, что вымотался так, будто сам себя прооперировал. После этого отнял руку, дождался, когда отступит муть перед глазами, и снова попробовал сделать глубокий вдох, после чего довольно улыбнулся…

— Ты чего лыбишься так? — спросил меня Савелий.

— Да не, ничего, просто рад, что мы живы после всего этого, — покрутил я в воздухе рукой. — И вон глянь, сейчас по-царски дневать будем, — кивнул я на рыбу.

— Ну, братец, по-царски — ты это тож сказанул. Тут ведь не балыки от осетров копченых. Это, Данила, по-барски в лучшем случае.

— А вам не все одно? — хохотнул Фомич. — Нашли, о чем спор затевать!

А я, пока раскладывали наш сегодняшний ужин, продолжал внутренне радоваться. Ведь, насколько я успел понять, энергия Щупа, природу которой объяснить не могу, может помогать не только в диагностике и умерщвлении врагов, как пару раз уже бывало, но и в лечении. Правда, очень уж есть захотелось после такого, возможно, это тоже следствие. Но чудо, по-другому сам такое назвать не могу. Ведь когда я вдохнул после этой процедуры, то покалывало совсем чуть-чуть. Не знай, что должно болеть, может, и не заметил бы.

— Даня, не зевай, остынет ведь! — проворчал Фомич, увидев, как я завис, задумавшись.

Я взял горячую рыбу в руки и втянул ее аромат, прищурившись от удовольствия.

Глава 8. Право на тайну

Проснулся уже при свете. Фомич сидел у дерева, поглядывая по сторонам. Ему досталась собачья вахта, самая неблагодарная. Ночь прошла спокойно; дежурили все втроем, по очереди.

Я сел и прислушался к себе. В голове более-менее прояснилось, да и дышать стало полегче. Чутка потянулся, попробовал развернуться. Ан нет, чуда не произошло, малость все равно покалывает, но, признаться, много меньше, чем было раньше. Звон или свист, черт его разберешь, почти пропал из ушей. Разве что оставалось слабое напоминание, если вслушиваться в тишину.

— Ну что, Даня, выспался? — спросил Фомич.

— Выспался, дядька. Пойду, пожалуй, лошадок наших гляну, — ответил я и стал подниматься.

Баловень потянулся губами к моему рукаву. Я почесал его, а он, как всегда, фыркнул мне прямиком в ухо.

— Ну хорош! Ты чего, каждый день будешь мои уши своими слюнями ляпать? — хохотнул я и перешел к следующим коняшкам.

По одному отвязывал, проводил несколько шагов и возвращал на место, глядя, как те идут, все ли в порядке с копытами. Ночью мы как-никак по лесу да буеракам прошлись, могли чего и не углядеть.

У серого мерина на спине приметил участок странно свалявшейся шерсти. Сам проверять не стал, позвал Фомича. Дядька раздвинул шерсть пальцами и пригладил ладонью.

— Пот энто у него засох, Даня. Кожа-то цела, погляди сам. Вычистить просто надо, да и все, а потник сейчас класть нельзя.

Я привязал мерина и стал тщательно вычищать ему спину, пока дядька осматривал остальных.

Потом мы собрали весь запас овса из разных переметных сум в один мешок.

Фомич приподнял его, покачал в правой руке.

— Да уж на семерых негусто осталось, и на траву одну переводить никак нельзя.

Зевающий Савелий посмотрел на лошадей, потом на траву вокруг:

— Ничего, Кондратий Фомич, здесь-то они точно прокормятся, глянь, травы-то тут сколько!

— Эх, Савелий, вот сразу видать, что ты не лошадник совсем! Ну какой травы, скажешь тоже. Здесь они передохнуть могут да пощипать ее чутка, но, чтобы брюхо набить, энто надо их пасть всю ночь или весь день. А мы вообще-то в дороге постоянно. А вот коли овса запаренного дать, то можно коня за полчаса накормить. Да и несытная трава-то! Вот сам в походе попробуй на одной капусте продержаться, погляжу, сколько ты на ногах устоишь! — хохотнул он. — Так что корму раздобыть нам надо кровь из носу!

— Прав ты, Фомич! С конями я как-то особо и не возился. Мы больше все ногами да ногами.

— Так теперь поглядывай и на ус мотай, глядишь, наука эта и пригодится.

— Это я могу, — согласился егерь и повернулся к ближайшей кобыле, внимательно ее рассматривая.

— Как рука, Савелий? — спросил я.

— Самую малость еще ноет, но терпимо! Терпимо! Резать точно не будем! — Он поднял здоровую руку в останавливающем жесте, и мы с Фомичом расхохотались.

У дядьки повязка была сухой, перевязь держалась нормально. После долгих обсуждений Фомич предложил пару дней простоять тут и сил набраться. Коням разве что и правда тра-

вой придется питаться, но тут уж ничего не попишешь. Овес оставим или по чуть-чуть давать будем, меньше дневной дачи.

— Полк-то, Даня, нас не ждет, он все дальше уходит. Но вишь как: тут ежели сломя голову нестись, то можно без нее добраться али под кустом каким ее сложить. Сил поднаберемся чутка, да и пойдем, а то что ни день, то заваруха какая.

— Хорошо, — сказал я, вздыхая.

Дядька посмотрел на Савелия. Тот в этот раз не спорил, только глянул на руку.

— Добре. Пока тихо, останемся. Потом к Ольшанам повернем, глядишь, там и наших сыщем, овес раздобудем: купить али выменять попробуем.

— Ты сам-то как, Даня?

— Нормально, Фомич.

— Ну что, готов науку вспоминать, а то все, гляжу, недосуг тебе?

— Давай. Только где? — Я оглянулся по сторонам. — Тут и места подходящего нет. — Понятно, дядька собрался взяться за мою выучку.

— Вот место и погляжу. Здесь корни кругом, да и кони траву уже потоптали.

Фомич пошел вдоль ручья, а я остался с Савелием. Разложил потники на солнце, потом проверил, до чего Машка могла дотянуться на привязи: кобыла обглодала траву возле себя и теперь тянулась к соседнему кусту. Перевел ее немного в сторону. Егерь следил за остальными, сидя у дерева.

Дядька вернулся через полчаса.

— Ниже сыро, туда не пойдем. А за изгибом берег повыше будет, трава добрая. Под деревьями сухо, и тебя погонять местечко есть.

— Далеко?

— Рядом совсем. Только всем туда перебраться надо. Чего нам коней отдельно оставлять, бегать потом туда-сюда?

Новое место оказалось за густым ольшаником. Ручей здесь огибал пологий бугор; вдоль воды тянулась нетронутая трава, а выше, под деревьями, можно было устроиться и нам. Фомич показал проход дальше между стволами. Не придется в случае чего возвращаться к прежней стоянке.

Лошадей переводили за пару ходок, сразу навьючив на них всю нашу поклажу.

Коням отвели лужайку с густой травой, себе выбрали место повыше. Оружие уложили возле седел, не заваливая вещами, так чтобы можно было быстро подхватить. Фомич еще раз обошел нашу стоянку, и мы начали заниматься костром.

Ближе к обеду сварили трофейный рис, сдобрив салом. Поели, а котелок снова наполнили водой и поставили на огонь, чтобы и для питья было, да и для перевязок. Пока вода грелась, достал из Машкиного вьюка наше сменное белье.

Мылись и стирали по очереди, чтобы всегда кто-нибудь смотрел за подходами. Фомичу я помог снять рубаху, осторожно освобождая больную руку из рукава. Потом подал чистую и придержал, пока он одевался. Повязку старались не намочить. Сам переоделся в сменное, а снятые рубахи и исподнее выстирал у ручья. Дядькин чекмень тоже пришлось долго выбивать, особенно рукав и подол были извазюканы крепко. Развесили все на ветвях, расправив складки.

Когда я вернулся с постирушек, Фомич сидел и перебирал сбрую. Проверял ремни с обеих сторон, сгибал возле пряжек, смотрел швы.

— Подержи-ка, Даня.

Я взял Машкину суму, а дядька расправил перекрутившийся ремень.

— Вот теперь тут подтяни. Только суму поддерживай, да не тащи ты так!

Короче, разобрались мы с дядькой наконец с лошадиным хозяйством, а Савелий разбирал тряпки. Кое-что от французов осталось, да и нашего хватает. Мы же с Фомичом не на курорты Краснодарского края ехали, а как-никак на службу. Даже зимние вещи были с собой,

потому что неизвестно было, когда в следующий раз оказия случится и мы в станице окажемся. Мой снятый чекмень стирать не пришлось: я встряхнул его и повесил проветриваться, помогая егерю разложить наше добро.

Часа в два пополудни Фомич оглядел развешенную сушиться одежду, проверил все наши вещи и потянулся рукой к лежавшей рядом палке.

— Ну, Даня, тепереча можно и вспоминать.

— Можно, — согласился я. — Только сперва руки ваши еще раз погляжу.

Савелий вздохнул и протянул руку. Фомич тоже глянул на меня без особого восторга. Видать, надоели им мои досмотры. Но я и в Чечне видел, как пустяковую на вид рану запускали до нагноения. А уж здесь, при отсутствии нормальных лекарств, уступать этим двум товарищам я тем более не собирался.

Егеря попросил пошевелить пальцами: большой, указательный и средний еще двигались хуже остальных. Онемение в них уменьшилось, но не прошло. У дядьки краснота возле раны дальше не пошла. Промыл поврежденные места остывшей кипяченой водой, сменил повязки. При наклоне снова качнуло, пришлось переждать.

Убирая остатки чистой ткани, чуть повернулся и прислушался к себе. Бок тянул уже меньше. Похоже, и мои ребра понемногу зарастали.

Сел в стороне, приподнял рубаху и чуть надавил пальцем на беспокоящее ребро. Щуп отозвался знакомым сопротивлением. Попробовал повторить вчерашнее усилие. Посидел так немного, пока не начала тяжелеть голова, и убрал руку.

Когда закончил, поймал внимательный взгляд Фомича.

— Прилягу чуток перед тренировкой, дядька?

— Ложись, чего уж, — ответил мне Кондрат.

Лег в тени дерева и прикрыл глаза…

— Ну что, Даня, отлежался? Пойдем, руки вспоминать должны, без этого никак, — растормошил меня Фомич.

Поднялся, потянулся, сразу ощутив себя лучше, хоть и часа даже не покемарил. Дядька отвел меня чуть выше по склону, где между деревьями нашлось ровное место без торчащих корней. До лошадей было достаточно далеко, чтобы мы их не пугали лишний раз, а стоянка при этом оставалась на виду.

Я взял две гладкие палки: длинную в правую руку, короткую в левую. Фомич оставил себе только одну.

— Не драться будем, — предупредил он. — Пока тихонько, без ударов. Мне руку беречь надо, да и тебе скакать рано. А руки и голова все равно вспоминать должны.

Я поднял палки. Длинная прошла по знакомой косой дуге, короткая двинулась следом, чуть в стороне. Получилось без заминки. Попробовал еще раз, и руки опять не подвели, машинально выполняя простую связку.

Фомич шагнул, практически перетек вправо от меня.

— А теперь сюда гляди, я уже тут.

Повернувшись к нему, я попытался закончить прошлое движение.

— Стой, да не маши ты так-то!

Замер с нелепо сложенными руками. С двумя противниками мне пока сходиться точно рановато, я и одного не всякого вытяну.

Фомич указал палкой вниз.

— На ноги погляди. Куда ты отсюда пойдешь? Сперва переступи. Руки не тяни, вот, вот так! Дай им вместе с тобой повернуться.

Я медленно изменил положение, перетекая, как показал Фомич, и развел палки, не выворачивая при этом плечо.

— Вот, так уже лучше, и уставать меньше станешь! Теперь сначала.

Повторил движение, а Фомич снова отошел в сторону. На этот раз я успел переставить ноги, но короткая палка, заменяющая мне боевой нож, один черт немного не поспевала.

— Левую не бросай, Даня. Она ж у тебя не просто для вида.

Савелий, следивший за нами вполоборота, покосился на мое оружие.

— А на кой ему короткий клинок? Сабля-то всяко дальше достает. Пока с ножом этим подступишься, тебя уж и самого проткнут не один раз.

— Коли дурнем лезть будешь, то хоть как крутись, так и так проткнут, — согласился Фомич. — Нож саблю длиннее не делает. Зато в ближнем бою очень помочь сможет и для противника сюрприз будет хороший. Вот только для того обе руки работать должны. А ежели одна не поспевает, а только путает, то, конечно, второй клинок ни к чему. Вон, Даня, ты сам видел, как нож твой сабле мешал. Эх... Надо вспоминать и больше заниматься, раньше-то ты этому хорошо выучен был.

— Буду вспоминать, дядька, — согласился я.

— То-то же. Руки должны действовать быстро, Даня, голова порой и подумать не успеет, а они уже сделали что надо.

Дядька опустил свою палку, переждал, пока я выдохну и вытру пот со лба.

— Про троих умельцев, которых мне знавать довелось, я тебе уже рассказывал. Кажный со своей ухваткой был. Вот один, кажется, и совсем не движется, второй, наоборот, как кисель перетекает, а третий и вовсе не поймешь. Но каждый с двумя руками слад имел. Со стороны глядишь, будто по-разному учены.

Я кивнул и попробовал связку снова. Дуга, шаг, поворот, еще подшаг. Почти получилось в этот раз. Решил добавить скорости, чтобы работать не задумываясь, и тут же помешал «ножом» своей же «сабле».

— Остынь, Данила. От того, что запутаешься, лучше не станет. Лучше медленнее да правильней, а сноровка потом ж вернется.

Фомич снова переместился, теперь медленно. Я повернулся вслед за ним. Длинная осталась впереди, короткая пришла в движение, закрывая меня с новой стороны.

— Во! Еще раз так, ага-ага!

Сделал, потом еще один раз, и правда дело стало сдвигаться. В прежней жизни я саблей с ножом не работал, да и ножами такими боевыми тоже не доводилось. А тут уже убедился, что без этих знаний не выжить, тем более в двенадцатом году, еще и во вражеском тылу.

— Теперь обратно. — Фомич поменял сторону.

Еще два раза вышло. На третьем короткая палка запоздала, а правое плечо я слишком поднял и выставил вперед, получив по нему от Фомича.

— Хорош на сегодня, — остановил дядька. — Довольно.

Спорить не стал. Пошли к нашему лагерю, где первым делом я припал к фляжке с водой. Потом сели рядом с Савелием на сухую траву.

— Ты говорил, дед меня первым учил, а за ним отец. Что же они мне такое давали, если саблю с ножом ставил ты?

— Дед, Степан Федорыч, тебя еще совсем малым начал учить. Батюшка твой, когда домой приезжал, тоже с тобой много занимался, но то не шибко часто бывало. Они свои, бодровские ухватки тебе передавали. Мы с батей твоим тебя на две руки проверили еще по малолетству, тут хорошо заранее разобраться, чтобы толк в деле этом вышел. Вот он обрадовался и просил меня науку эту тебе передать.

— Эти ухватки уже без двух клинков были?

— Всех не видал, только малую часть, Даня. Да и ухватки родовые, они ведь не только в том, чем махать. Когда шагнуть, как человека на движении поймать, где не напирать. Одно покажут, другое поправят, пока сын за отцом повторяет. Ты сейчас вон шаг переменил, и руки сразу иначе двигаться стали. А сабля и нож, они да, те же самые. Еще дед твой, царствие ему

небесное, тебе их у хорошего мастера справлял. Хорошие клинки для такого обоерукого воина парами всегда мастера делают. Даже мои, вон погляди, мне долго подбирать пришлось. Хоть они и не такие, как у тебя, но с ними мне гораздо сподручнее. Они со мной уже почти двадцать лет!

— Значит, ты мне науку дедову показать не сможешь?

— Чего не знаю, тому учить не стану. Федор постарше будет, у него про то спросишь. А пока будем с тем, что есть.

Дядька поднялся, опираясь здоровой рукой о ствол.

До вечера больше за науку не брались. Убрали высохшее белье, поели, а перед сном снова поделили караул, как и в прошлый раз. Ночь опять прошла спокойно.

Утром я проверил лошадей. Возле привязей траву уже объели, пришлось переводить на новое место. Со всеми справился сам.

После завтрака Фомич кивнул на оставленные палки:

— Ну, Даня, будем глядеть, чего со вчерашнего осталось?

Мы вернулись на нашу площадку. Фомич встал поодаль, я начал, не торопясь: длинная пошла по дуге, короткая следом, потом шаг, подшаг и снова поворот. На этот раз левую не забыл, и дядька меня даже не оговорил и не поправил. Повторил связку дважды.

— Еще раз. Теперь сюда!

Он резко окликнул, сместился и неожиданно нанес удар. Я дернулся к нему, но, видать, поторопился, и опять движения вышли неловкими.

— Учись, Даня, думать и руками, и головой, — остановил меня Фомич. — На то тебе она Господом Богом и дадена! Давай еще, только без спешки.

Я начал заново, теперь следя за дядькой. Когда он переместился, успел подшагнуть, даже вроде перетечь вместе с поворотом. Обе руки в этот раз действовали слаженно.

— Добре. На том пока и кончим.

Я уже собрался отнести палки, но дядька задержал:

— Теперь своими клинками попробуй. Один раз, без меня. Только тихонько, не руби воздух со всей дури.

Когда вытащил саблю и боевой нож, сразу почувствовал разницу. Длинная палка была много легче сабли, да и баланс другой. Нож тоже отдельная песня. Пришлось чуть погодить, попривыкнуть к изменениям.

Фомич отошел в сторону. Я медленно повторил движение, переступил и повернулся. Левую руку хотелось прижать к себе, но я удержал ее на месте, не мешая сабле. Закончил и замер. Вроде получилось! Не быстро, не так свободно, как хотелось бы, зато сам, без дядькиной поправки.

Убрал клинки и сел в тени, мышцы приятно отяжелели.

— Федора мне тоже приходилось останавливать, — сказал Фомич, усаживаясь рядом. — А он еще, стервец, по малолетству спорить все любил, за что и прилетало ему.

— Угу, вон, а теперь и сам командует.

— Это да. Только нынче ему самому ловким быть мало. Есаулу за всю сотню, а то и более думать надо, чтобы казаки домой со службы вернулись, а не погибли в бою, от хвори или по дурости какой.

— Значит, про родовые ухватки Бодровых мне только у него теперь спрашивать?

— А то. И это тоже, но он тебя вызвал в полк не только чтобы ты одной саблей махать научился.

Да, сама встреча с братом меня волновала. Похоже, гормоны молодого тела Дани, его воспоминания все-таки пробиваются постепенно. Я прям нутром чуял, что меня тянет к брату. Но мой взрослый разум подсказывал, что вопросов при этой встрече может появиться больше, чем ответов.

Про родовые приемы у него спрошу обязательно. Только одними ими ограничиваться точно не буду. Надо бы побольше узнать о доме, о нашей семье. Хоть Фомич мне и многое рассказал, но, думаю, брат поведает не меньше.

Позже, уже отдохнув, я попробовал уединиться и заняться ребрами. Подспудно чувствовал, что Щуп этот помогает, вот только меру этой помощи пока определить никак не мог. Приподнял рубаху, коснулся кожи указательным пальцем. Знакомое сопротивление отозвалось сразу. Сосредоточился, попробовал повторить прежнее усилие, недолго подержал и отнял руку.

Вдохнул, осторожно повернулся еще раз. По ощущениям, покалывало меньше. Я невольно улыбнулся, очень уж хотелось от этого недуга избавиться.

— Все еще болит, Даня?

Фомич стоял возле седел, я и не заметил, когда он подошел.

— Меньше, дядька, да все одно времени еще надо.

Он задумчиво посмотрел на мою правую руку, а потом мне в глаза. Я ждал, что спросит еще что-нибудь, но Фомич лишь кивнул, не развивая тему. Не похоже было, что мой ответ его вполне устроил.

Больше на этот раз проверять не стал. На сегодня хватит, а то опять башка разболится, проходили уже! Я поправил рубаху, подхватил пустой котелок и пошел к ручью за водой.

На следующее утро я поднялся уже с настроением, хоть и ночь провел не на любимом диване. Звон окончательно пропал, и слух почти вернулся— разве что в тишине ещё слышалось слабое напоминание, и Савелия уже не приходилось поучать постоянно, он и сам следил за рукой. Конечно, бок чутка тянул, но обычным движениям почти не мешал. Небо и земля, если сравнивать с тем, что было несколько дней назад.

После завтрака пошли готовить наш транспорт к дороге: осмотрели лошадей и сбрую.

Они за это время отдохнули, паслись, считай, все время. Фомич глянул на остатки овса и вздохнул.

— Тут не больше чем на день ходу, Даня. Не гнать нам надо, а с остановками идти. Где трава добрая, дадим попастись. И людей искать, чтобы прикупить овса в дорогу. Без корму далеко не уедем.

— Купить попробуем, а не продадут, то, может, выменяем на что-нибудь.

— Вот и поглядим, что у них самих осталось. Фуражировать супостат уж точно не перестал.

Я только вздохнул, представляя, какой гребенкой прошлись французы по местному населению. Потом мы готовили оружие. Ружье, с которого сняли замок для нашего подарка французам, я отложил в сторону: оно пока некомплектное, но благо и других хватало.

Я помог зарядить ружья: Фомич и Савелий управиться одной рукой не могли. Потом и пистоли подготовили. Закончив, дядька занялся сбруей, а я собрал патроны из разных сум и переложил так, чтобы были под рукой.

В руки опять попала депеша из сумки посыльного. Отложил ее отдельно от бумаг Сеславина, проверил письмо, расписку и завернутый в платок медальон. Стекло было цело. Все убрал обратно и застегнул клапан.

Пистоль капитана заткнул за пояс. Им пока пользовался я, но своим от этого он не стал. Доберемся до наших, попробую отыскать хозяина.

— Теперь к Ольшанам поворачиваем? — спросил я.

— Угу, — кивнул Фомич. — Хватит нам западнее забирать.

Савелий поднял голову:

— Перед тем как меня взяли, наши туда идти собирались. Только дошли ли, о том не ведаю. Здесь я дороги худо знаю.

— Может статься, французы уже далеко вперед ушли, а мы теперь по пятам за ними двинем, — предположил я.

— Может, ушли, а может, у ближайшей дороги стоят. Глядеть будем, Даня, а не гадать.

Начал оседлывать Баловня. Уложил потник, седло, проверил, не сбилось ли что. Дядька поглядывал за мной и за подходами к стоянке. Когда дошел до Машки, он правой рукой придержал суму, пока я затягивал ремень, чтобы вьюк не съехал набок.

Савелий подавал вещи левой рукой. Тяжелое ему не давали, да он уже и сам не хватался за все подряд.

Уговорились, что Фомич поведет со Звездочкой двух заводных. Мне с Баловнем достались Машка и оставшийся мерин, а Савелий поедет на гнедом. Поглядим, как в дороге, может быть, тоже перехватит повод у кого из нас.

Проверили, ничего ли не осталось на месте стоянки. Утренний костер я разворошил, затоптал угольки и накрыл ранее срезанными кусками дерна, и еще раз по ним хорошо потоптался.

Все семь лошадей были готовы, но поводы пока оставались на привязях. Савелий уселся возле гнедого, я еще раз оглядел Машкину поклажу.

— Погоди пока, Даня, не отвязывай, — сказал Фомич. — Погляжу напоследок, как там сподручнее пройти.

Фомич вернулся и, задумавшись, остановился возле Звездочки.

— Савелий, погоди с конями. Мне с Даней поговорить надо.

Мы отошли шагов на двадцать в сторону. Дядька повернулся ко мне и заговорил вполголоса.

— Даня, послушай, — вздохнул он, — Федор тебя живым привезти наказал. Как доедем, спросит меня, как добрались. Мне ему и про мост сказать надо, и про память твою. И отчего столько времени мы по лесам шастали.

— Я и сам расскажу, Кондратий Фомич. Нечего тут скрывать, да и он, думаю, все поймет: француз-то не каждый день к нам наведывается.

— Расскажешь, но и я утаивать не смогу. Вы ж для меня как сыновья, Даня. Другой-то семьи у меня и нет. Так что как было, так и обскажу. А вот что с тобой творится, я вразумить никак не могу, сколько б ни пытался.

Я пожал плечами, но на этот раз Фомич не отвел взгляд.

— Дома своего не помнишь, меня не узнал. Движения восстанавливаем, словно сызнова. А с ранами возишься так уверенно, воду для питья кипятить стал и все эдакое, словно повзрослел ты. Я тебя этому точно не учил, да кто учил, даже представить не могу.

Я опустил глаза на свою правую руку, и Фомич это заметил.

— Еще сядешь в сторонке, руками водишь, а потом проверяешь, полегше стало или нет. Сначала думал, мне показалось, а вот потом...

— Скажи ты хоть, чего такое делаешь-то?

На языке уже вертелось привычное: мол, и сам не понимаю. Со Щупом так оно, по сути, и было, я и себе объяснить не мог. Но за раны брался не по наитию, опыт хирурга никуда не денешь.

Я не врал, когда говорил, что не помню станицы. Ни прежнего двора, ни занятий с Фомичом в голове моей не было. Только дядька спрашивал сейчас совсем не о них. Прятать за потерянной памятью то, что я прекрасно помнил, было уже совсем другое. Чувствовал я родство с этим человеком. И, признаться, такого мне сильно не хватало в моей прошлой жизни, с самой смерти отца.

Я поднял глаза. Фомич ждал и не торопил.

— Моих детей и жену Господь забрал, давно уж. Вот я вас с Федором и растил, привязался всей душой. Коли не разумеешь чего, так и скажи, глядишь, вместе сдюжим.

Он чуть помедлил, глядя на меня.

— Всего сразу выкладывать не прошу, это уж тебе решать.

Я оглянулся на нашу стоянку. Савелий стоял возле гнедого, ожидая нас. Можно было напомнить про дорогу и поторопить дядьку, но я не стал.

— Даня, ежели мне довериться не можешь, то я пойму. Это только тебе решать, — сказал Фомич, ожидая моего ответа.

Глава 9. Дорогой овёс

Солнечные лучи пробивались сквозь густую зеленую листву над нашими головами, и это прибавляло настроения. Фомич ехал впереди на Звездочке, ведя двух заводных. Савелий на гнедом держался за ним, а я замыкал на Баловне, вел Машку и оставшегося мерина. В низинах еще поблескивала утренняя роса на листьях, зато на прогалинах уже припекало. Глядя на дядькину спину, я задумался: а правильно ли сделал, попросив еще немного времени?

Перед отъездом признался, что привязался к нему практически с первого дня, и сам тому удивившись. Пусть и не по крови мы с ним родня, так по духу, это точно. Отца Данилы я не помнил, даже лица, и об этом тоже сказал. Но ведь Фомич спрашивал не столько о потере памяти. Пришлось признать, что он прав: со мной действительно что-то происходит. Сам еще в том не разобрался до конца и не понимал, как толком об этом рассказать, потому и попросил подождать. Пообещал, что непременно поделюсь с ним. Пока же предложил положиться на меня в одном: людей лечить я умел, и умел хорошо. Но это лучше в тайне держать. Дядька мог мне довериться в этом вопросе, даже не понимая, откуда взялись знания и что я такое делаю. Хотя отсутствие лекарств и привычных инструментов, конечно, никуда не девалось. В будущем хотя бы частично с этим надо будет что-то сделать.

Про войну тоже сказал: она большая, страшная, унесет много жизней, а закончится в Париже, но не скоро. Мы будем защищать свое Отечество, как поколения наших предков, и делать то, что умеем лучше всего, — бить врага всеми доступными средствами. Насчет Парижа я не сомневался, хоть подробности этой войны помнил через пень-колоду.

Фомич согласился подождать, но предупредил, что о моих странностях спрашивать все равно станет, тем более если от них будут зависеть наши жизни. Он и прежде просил предупреждать обо всем, что я собираюсь сделать, а после нашей диверсии и подрыва запасов для французской артиллерии тем более имел на то право. Ни про прежнюю жизнь, ни про Щуп дядька так и не узнал. Всей правды я не выложил, а стоит ли это делать, пока и сам не решил. Только обещание теперь придется исполнить, и хорошо бы самому к тому времени хоть с чем-нибудь разобраться.

На повороте Машка забрала в сторону, потянув повод. Я придержал Баловня, вернул кобылу на тропу и поглядел вперед: не отстать бы от наших за этими думами.

К хутору мы вышли уже после полудня, проведя в дороге часа четыре с короткими остановками. Тропа перешла в наезженную колею, а за деревьями показалась крыша. Фомич придержал Звездочку в тени, оглядел опушку и двор. Только потом двинул дальше.

У ворот нас встретил крепкий мужик с засученными рукавами. Двое парней, постарше и помладше меня несли жерди, которые тут же оставили возле сарая жерди. Из дома выглянула женщина, за ней девушка с двумя девчонками. Старуха придержала младшую за плечо. Сидевший под стеной дед отложил недоплетенную корзину.

— Здорово, хозяин. Овса купить можно? Али выменять? — спросил Фомич.

Мужик оглядел наших лошадей.

— Овес есть. Сколько надо? Чем платить?

Говорил он медленно, прислушивался к ответам, а некоторые слова приходилось повторять. Фомич объяснил, что корм нужен на всех семерых. Хозяин покачал головой: столько сразу обещать не хотел.

— Солдаты здесь были? Французы? — спросил я.

— Французы? Здесь? Зачем они?

— Война, хозяин, — сказал Фомич. — Через Неман армия французов перешла, война началась!

Мужик посмотрел на него, потом на Савелия с перевязанной рукой. Переспросил, будто ослышался. О вторжении здесь еще не знали. На большую дорогу он давно не выбирался, а к ним никто не заходил. На отшибе стоял этот хуторок, особняком они тут устроились.

Приходилось помогать себе жестами. Рассказали, как французы забирают зерно, сено и провиант, могут поколотить, а то и чего похуже сделать. Про наши вылазки я промолчал. Мужик заговорил с домашними на своем языке. Женщина прижала к себе младшую, старшая девушка стала о чем-то спрашивать отца. Дед смотрел на нас, пока бабка не наклонилась к его уху.

Про наши войска хозяин ничего сказать не мог. Вместо ответа позвал сыновей и показал в сторону колеи.

— Дорогу смотреть, — объяснил он нам. — Чужие идут, тогда предупредят заранее.

Он указал на узкую тропку за оградой, повторил что-то парням. Те ушли вдвоем, младший на ходу затягивал пояс.

Нас пустили во двор. Подъезд огибал бревенчатый амбар, дом с соломенной крышей стоял глубже. За ним через сад виднелся выход к лесу. Лошадей своих поставили вдоль ограды.

Фомич повернулся к хозяину:

— Ну, давай теперь об овсе рядить. Сколько уступить можешь?

Хозяин отвел нас к амбару и показал отставленный от прочих мешок. Фомич зачерпнул из него овса здоровой рукой, понюхал, перебрал зерна на ладони.

— Добре. А побольше уступить можешь?

Мужик покачал головой, показал на остальное:

— Это мне. Все нельзя.

Дядька спорить не стал. Вернул зерно в мешок и повернулся ко мне:

— И этот возьмем, Даня. Семерых кормить, сам понимаешь. Только пастись все одно останавливаться придется.

За овес предложили исправное трофейное ружье. Я снял его с поклажи, хозяин подошел ближе, вытянул шею, разглядывая оружие.

— Стреляет?

— Стреляет. Заряжено сейчас, за спуск не хватайся, — предупредил дядька.

Мужик показал на патронную суму. Одно ружье его, понятно, не устраивало. После недолгих объяснений сошлись: мешок овса за ружье с небольшим запасом припасов к нему да пулелейкой. Я отложил немного пороха и свинца, а к ним трофейную пулелейку. Хозяин еще раз переспросил про заряд, кивнул и унес оружие в амбар. Зерно осталось возле двери, теперь уже наше.

С погрузкой нас остановила хозяйка. Поманила под навес возле дома, где стоял стол с лавками. Старшая дочь принесла горшок, хлеб и глиняный кувшин.

— Поесть, — предложил хозяин.

— Поедим, благодарствую. Только давай и за это рассчитаемся, — сказал я. — А вы, если не жалко, еще в дорогу нам поснедать соберите.

Он не сразу понял. Я показал на еду, потом достал из французских вещей целую рубаху. Свои сменные нам еще пригодятся, да и деньги беречь надо.

Женщина развернула рубаху, проверила рукава, что-то сказала мужу. Тот кивнул.

В горшке на столе оказалась ячменная каша, в кувшине — кислое молоко. Каша была густая, еще горячая; после дороги ели с большим удовольствием. Хозяйка пододвинула нарезанный хлеб, а сама присела с краю лавки, поглядывая на перевязанные руки моих спутников.

Савелий ел левой, правую держал на коленях. Фомич тоже управлялся здоровой рукой.

— После дороги хуже не стало? — тихо спросил я егеря, пережевывая.

— Не, Данила, все, как и было.

Дядька на мой взгляд пошевелил пальцами:

— И у меня терпимо. Ешь давай, остынет, хорош языком чесать!

Закончив, поблагодарили хозяев. Рубаху хозяйка забрала, а ковригу, да еще кусок соленого сала я завернул и убрал к нашей еде. Ночевать здесь мы не собирались: пора было грузиться и в дорогу.

Фомич показал, на каких заводных повезем зерно. Машке с ее поклажей добавлять мешок сверху точно не стоило. Я поднес овес к лошадям, развязал переметные сумы. Дядька правой рукой придержал одну раскрытую горловину, а я начал пересыпать зерно, стараясь распределить равномерно с двух сторон.

Из сада выскочил младший хозяйский сын. Подбежал к отцу и затараторил, хватая ртом воздух. Я опустил мешок. Хозяин что-то переспросил парня и повернулся к нам:

— Две телеги едут. Люди с оружием.

— Какие люди? — Фомич отпустил пустой мешок.

Мальчишка провел ладонями крест-накрест по груди:

— Белое здесь. Одежда темная. Шапки высокие вроде… Не разглядел.

— Пешком идут? Верховые есть? Сколько их?

Отец помогал вопросами на своем языке. Возле телег шли пешие, всадников парень не видел. Сосчитать людей не успел; что за поворотом осталось, тоже не знал.

— Где их приметил? Брат-то твой где?

С переспрашиваниями разобрались: увидели у дальней вырубки, верстах в двух отсюда. Младший прибежал напрямик, а телегам придется огибать сырую низину — по колее все три версты выйдет. Свернули они точно к хутору. Старший остался поглядеть, потом тоже должен вернуться лесной тропкой.

Немного времени у нас еще было.

— Уйти мы успеваем, — негромко сказал Фомич, покрутил ус и вздохнул.

Я посмотрел на хозяйку с дочерями.

— Давай поможем, дядька. Сам погляди, как они нас приняли, накормили. Вон девчат схватят, знаешь, что с ними будет?

Фомич бросил взгляд на семейство и повернулся ко мне:

— Добре. Только сперва семью убрать и коней наших. Поглядеть, кто идет да сколько, чтобы мы могли отступить, ежели не сдюжим. Тогда уж и встречать.

— Я с вами, — сразу сказал Савелий.

Дядька кивнул ему и повернулся к хозяину:

— Если французы это идут, а особо больше некому, то баб своих прячь. Охочи они больно до молодых баб, видали мы уже такое. Самое ценное в узел хватайте — и в лес. А мы здесь встретим, ежели позволишь. Не то сами уйдем.

Хозяин крепко задумался, потом закивал и позвал дочерей:

— Магдалена! Агота! Барбора!

Старшая взяла младшую за руку. Хозяйка метнулась в дом и через пару минут вернулась с узлом. Дед поднялся, опираясь о стену, бабка подхватила его под локоть.

Я завязал остаток овса в мешке, стянул горловины сум, чтобы зерно не высыпалось. Фомич уже поглядывал на подъезд. Хозяин, подгоняя домашних стал их уводить.

Фомич прошел к углу амбара, выглянул на подъезд и вернулся.

— Пока никого, но скоро будут. Давай всех лошадей быстро уводи, Даня. Здесь встречать станем: за постройками они нас сразу не углядят.

За несколько коротких ходок я перевел всех семерых за амбар, ближе к лесу. Привязал по отдельности, рядом был выход к лесной тропе.

Хуторяне уже уходили между деревьями. Старшая вела младшую, хозяйка поддерживала деда с другой стороны. Из-за ограды показался старший сын. Махнул отцу в сторону дороги, что-то быстро сказал. Тот отправил его вслед за остальными, а сам задержался возле нас.

— Ружье твое на время дашь? — спросил Фомич. — После вернем.

Хозяин понял не сразу, потом кивнул и вынес оружие из амбара.

Исправных ружей теперь было два, вместе с одолженным. То, с которого сняли замок, осталось при поклаже: здесь от него толку не будет. Я взял хозяйское, наше передал Савелию. Зарядили мы их еще утром, оставалось проверить затравку. Пистоль капитана оставил у себя, а второй, трофейный, что остался от посыльного, дал Савелию. Свой дядька держал при себе.

Егерь сам выбрал место у боковой стены амбара, за невысокой поленницей.

— Отсюда въезд видать хорошо, а ежели ближе к дому, тогда телега все закроет.

Подложили под ружье свернутую одежду. Савелий сел, примерился с левого плеча, правую кисть оставив на коленях.

— Один раз выстрелишь, ну и пистоль у тебя останется, — сказал я. — И правую старайся не растревожить.

Он только кивнул мне: мол, разберусь, без сопливых.

Фомич отвел мне угол дома возле навеса, себе выбрал передний угол амбара. Теперь мы все могли стрелять. Мне еще думалось: будь у нас по автомату, все было бы куда веселее, а с этими дульнозарядными… Ну да ладно, что уж теперь!

— Данила, ежели сильно много их будет или поймем, что не сдюжим, то сразу отходим. И гляди у меня! — Он потряс правым кулаком.

— Добре! Сдюжим, еще как сдюжим!

Хозяин еще раз показался, перекрестился и ушел за своими. Теперь возле дома никого из домашних не оставалось, и лошади наши были выведены из-под огня.

Вскоре послышался скрип колеса. Из своего укрытия я увидел первую телегу, потом вторую. В каждой было запряжено по одной лошади. Возле подвод шли шестеро с ружьями, еще двое возниц сидело с вожжами. Темные мундиры, белые перевязи; кто-то прикрикнул по-французски. Офицера среди них я не заметил. Может, унтер какой за старшего.

Фомич, прежде чем окончательно скрыться за углом, напомнил:

— Возницы-то, может, здешние, по ним стараемся не палить, а там как Бог даст.

Я кивнул. Один солдат шел впереди, двое держались возле передней подводы, остальные растянулись до задней. Для стрельбы они расположились не особо удобно, но выбирать не приходилось.

Телеги начали огибать амбар, солдат прибавил шаг, направляясь к дому. Я прицелился и приготовился стрелять.

Первый француз уже миновал навес. Другой свернул к амбару, заглядывая за угол. Приблизилась первая телега; задняя чуть отстала.

Я уловил кивок Фомича, направил мушку на того, кто шел к дому, и нажал на спуск.

Полыхнуло у лица, приклад ощутимо толкнул плечо. Солдат дернулся, выронил ружье и завалился на бок. Почти одновременно хлопнул дядькин пистоль. Француз возле амбара качнулся, прижал локоть к боку, но ружья не выпустил и двинулся на Фомича.

Первый возница сразу выпустил вожжи и съехал на землю. Второй остался сидеть ошарашенно. Аккурат в шаге от него остановился француз.

Савелий все еще не стрелял: видать, не хотел зацепить возницу.

— Вниз, дурень! За борт!

Тот наконец согнулся, сползая со своего места. Только тогда за поленницей грохнуло. Француз у заднего колеса, уже вскинувший ружье, ткнулся в борт и сполз по нему под телегу.

Я отступил за угол, опуская разряженное ружье. Сквозь редеющий дым увидел, как раненый теснит дядьку к стене амбара. Пистоль у Фомича уже торчал за поясом, в правой была сабля. Француз сделал выпад, и дядька, казалось, чудом ушел от штыка, ответив рубящим ударом. Француз навалился плечом на бревна, потом сполз вниз.

У въезда другой солдат вскинул ружье в его сторону.

Черт побери!

Я выхватил пистоль капитана. Возницы заныкались под телеги. За этим французом виднелась только дорога, а Фомич был сбоку от него. Я вытянул руку и выстрелил — у солдата подломились ноги. Начал убирать пистоль за пояс, и едва успел. Из-за края навеса показался еще противник, со штыком наперевес. До него было шагов пять, может, и меньше.

Выдернул саблю, в левую взял боевой нож. Француз уже подался вперед. Чем еще он сможет меня удивить, я не знал. Подшагнул в сторону под навес и повернулся всем телом, не оставляя ноги на месте. Штык прошел возле рукава. Моя сабля разрезала воздух по косой дуге и зацепила плечо. Левая тоже двигалась как надо: я ударил ножом по руке, которая тянула ружье.

Француз вскрикнул, дернул оружие на себя и осел. Я подался следом, коротко полоснул ножом по шее и отступил. Он повалился у стойки, все еще сжимая свой карамультук в руках.

Обе руки сработали вместе в этот раз как надо. Только выдохнуть толком не получилось: на повороте кольнуло в боку. Я остался возле стены, не выпуская клинков.

— Фомич! За задней телегой! — заорал Савелий.

Последний француз уже целился. Дядька скрылся за углом амбара прежде, чем грохнуло От бревна отлетели щепки.

Савелий поднял пистоль левой рукой и выстрелил. Возле колеса взлетела земля, солдат пригнулся, но не упал. От задней телеги он рванул к проходу мимо амбара со штыком наперевес.

Фомич вышел сбоку, совсем близко от него. Телега на миг закрыла обоих. Потом я увидел дядькину саблю, его плечо, а следом француз вывалился в просвет между колесами и остался лежать лицом вниз, похоже, навсегда.

Я ждал еще выстрела. Прислушивался, глядя то на въезд, то под телеги. Но слышно было только, как одна из лошадей бьет копытом по земле. Возница, лежавший возле передней подводы, потянулся за упавшими вожжами.

— Не вставай пока! — прикрикнул Фомич. — Даня, этих погляди. Савелий, сиди, дорогу стереги.

Дядька остался у угла с саблей. Я вытер свои клинки о мундир лежащего, убрал их и присел возле того, кого встретил у навеса. Ружье сперва оттащил подальше от его руки. Потом проверил дыхание и пульс.

Ближайший к дому тоже не дышал. Я перевернул его настолько, чтобы добраться до шеи, подержал пальцы и поднялся. С остальными пришлось повозиться: один лежал за колесом, другой у самой стены амбара. Оружие отодвигал в сторону, не собирая пока ничего в кучу. Среди шестерых дышащих не оказалось; пульса я тоже ни у кого не нашел.

— Все, Фомич.

Он кивнул, не отходя от въезда.

Возницам я показал, чтобы выбирались из-под телег и садились возле ограды, подальше от ружей. Один поднялся сразу, второй сначала сел, ощупал себя, потом тоже встал. Крови на них не заметил.

— Зацепило? Ранены?

Оба замотали головами. Тот, который мешкал, что-то затараторил, показывая на Савелия. Слов я не понял, но егерь махнул ему разряженным пистолем:

— Сиди уж. Чуть сам под пулю не подлез.

Хозяина пришлось окликнуть дважды. Он показался со стороны сада, остановился, глядя на двор, потом обернулся к деревьям и позвал домашних.

Пока они выходили, я пересчитывал семейство. Младший выбежал последним и сразу ухватил отца за рукав. Все девятеро были здесь. Никого не задело.

Я обошел амбар и направился к нашим лошадям. Баловень натянул повод, переступая возле дерева. Машка стояла рядом, повернув уши к выстрелам. Все семеро оставались на привязях.

Баловень ткнулся губами мне в ладонь.

Почесал его под гривой и вернулся во двор. Фомич стоял возле амбара, убрав саблю в ножны.

— Руку не растряс, дядька? Покажи-ка.

Повязка оставалась сухой. Пальцами он пошевелил, поморщился, но сказал, что сильной боли нет. Савелий тоже не жаловался, хотя правую кисть по-прежнему берег. Я присел рядом с ним, немного отдышался. В боку покалывало на прежнем месте; пока сидел спокойно, то отпускало. Да и голова шумела, но благо не так, как в первые дни.

— Ты тяжелое не хватай, — заметил Фомич. — Хватит с тебя на сегодня.

Спорить не стал.

Возницы сидели возле ограды. Хозяин остановился перед ними, что-то спросил на своем языке. Один сразу заговорил, другой отвернулся. Пока они объяснялись, дядька позвал старшего хозяйского сына и показал на разбросанное оружие, и он все перенес в кучу. Потом хозяин со старшим сыном начали таскать тела к амбару. Савелий остался смотреть за въездом и за сидевшими возницами. Одолженное ружье я вернул хозяину первым.

На земле в ряд уложили шесть французских ружей со штыками, рядом патронные сумы и ранцы. Коротких сабель с широкими клинками оказалось две, нашлось еще и по пистолю. Я отложил их к нашим вещам, а кошельки и всякую дорожную мелочевку собрал отдельно.

Фомич осматривал ружья, пока я придерживал их, когда требовалось. Из шести выбрал три.

— Вот эти заберем. Еще наше есть, четыре будет. Теперь хоть запас есть, а то опять замок снять надумаешь — и останемся с голой задницей.

— Неужто остальные не повезем? — спросил Савелий.

— Куда больше-то? Сам понесешь разве?

Егерь разочарованно вздохнул.

Три остальных ружья со штыками и лишним хабаром отложили хозяевам. Туда же пошли обе короткие сабли, лишние ранцы и наше старое ружье без замка. Недостаток Фомич показал сразу, ничего за исправное выдавать не собирался. Припасы разобрали отдельно, оставив себе подходящие к выбранному оружию; часть передали вместе с ружьями, потом дядька подошел к возницам и указал на подводы:

— Телеги ваши? Лошади?

Оба замотали головами, отрицая. Пришлось переспросить, показывая по очереди на каждого, но ответ не изменился: не ихние они были.

Хозяину предложили забрать обе подводы вместе с упряжью и лошадьми. Мужик прошел вокруг первой, приподнял край лежавшей в кузове рогожи, осмотрел колеса. Потом долго объяснялся с Фомичом возле амбара. Денег за транспорт и хабар у него просить не стали: нам сейчас куда нужнее были овес для лошадей и еда для себя. Да и какие деньги у хуторянина?

За новый транспорт и отложенное имущество сошлись на дополнительном овсе, четырех ковригах, половине пуда ячменной крупы и двух фунтах соленого сала. Еще хозяин добавил соли, мешки для зерна и отрез чистого холста.

Савелий провел левой ладонью по прикладу одного из оставляемых ружей.

— Почитай даром отдаем, Кондратий.

— А то я не знаю, — буркнул Фомич. — Только куда нам с этим? На большак с телегами вылезать? Семерых своих бы прокормить да до полка довести.

Пока рядились, я попросил хозяйку вскипятить воды. Взвешивали овес в несколько приемов: первый купленный мешок потянул на три пуда, теперь получили еще шесть. Всего девять пудов овса на четырех лошадей нагрузить придется.

— На седмицу можно растянуть, — прикинул дядька. — Коли понемногу давать и пастись останавливаться.

— Уже кое-что, — кивнул я, — хоть ехать можно!

Хлеба, крупы и сала, по его прикидкам, тоже должно было хватить троим примерно на неделю. На добычу еды пока задерживаться не придется.

Монеты из новых кошельков высыпали на платок. Фомич пересчитал серебро, я медные сантимы. Набралось негусто, делить сейчас не стали, сложили в один кошелек на дорожные расходы.

С оружием пришлось повозиться: ружья вычистили и зарядили, новые трофеи проверяли отдельно. Я помогал обоим товарищам. Заодно и хозяйское оружие привели в порядок.

Наполнил фляги, чистую холстину убрал к перевязочному полотну, отдельно от еды и оружия. Хозяин со старшим сыном помогли распределить овес по нашим заводным.

Хозяин показал на сидевших у ограды возниц. Оказалось, что он знал обоих. Указав на того, который при расспросах отворачивался, пояснил:

— Этот сам к французам попросился. Не заставлял его никто.

Из дальнейших объяснений поняли, что и прежде его в округе недолюбливали. Гадкий экземпляр, одним словом. Второго, по словам хозяина, забрали силой.

Мужик позвал старшего сына. Первый возница поднялся неохотно, но пошел с ними за амбар.

— Это он солдат сюда послал, — сказал оставшийся, показывая вслед. — Он.

— Наших видел? Русских солдат? — спросил Фомич.

Возница показал в сторону дороги, начал объяснять. Дядька переспрашивал, я тоже пробовал помочь, но ничего нового толком так и не узнали. Дорогу до хутора он знал, а где чьи войска, понятия не имел.

Когда хозяин вернулся, мы уже собирались садиться.

— За дорогой глядите, — напомнил Фомич. — И семью берегите.

Хуторянин кивнул, пожал ему здоровую руку, потом мою. Хозяйку я тоже поблагодарил. Она что-то ответила, но разобрал я только свое имя.

Расселись по седлам, разобрали лошадей прежним порядком.

Всего-то собирались найти овса. Раздобыли, еще и едой запаслись, а без боя опять не обошлось. Похоже, таких дней впереди ждет немало. С утра уверенно обещал Фомичу Париж, а когда именно туда попадем? И попадем ли? Сначала Бородино, горящая Москва, потом француза из России погонят, а там еще через всю Европу до их столицы добираться. Попробовал вспомнить, когда эта война закончилась, но точной даты так и не смог выудить из памяти. Года два точно еще. Вот померзнуть лягушатникам придется знатно уже этой зимой, это я точно помнил.

Фомич направил Звездочку на тропу к Ольшанам, и мы двинулись следом, оставляя хутор за спиной.

Глава 10. Инвалидная команда

Фомич ехал по тропе на Звездочке, ведя в поводу заводных с овсом. За ним на гнедом двигался Савелий. Я замыкал на Баловне, вел Машку и мерина. С грузом нам приходилось выбирать место пошире.

Перед дорогой дядька поднял руку. Всех семерых лошадей оставили за густым подлеском с Савелием, сами пошли глянуть.

По большаку шагали солдаты. Донеслась команда на французском, скрипели повозки, а дальше снова мерно покачивались ружейные стволы со штыками. Колонна уходила за поворот, и конца ей было не видать.

Мы еще немного подождали, но появлялись все новые и новые солдаты.

Фомич потянул меня за рукав, и мы вернулись к Савелию.

— Я ведь только слыхал, что к Ольшанам пойдем, — сказал он, выслушав нас. — Сам наших там не видал.

— Это понятно. Узнать бы, где они теперь, — сказал я.

— На большак не полезем, — решил Фомич. — Поищем здешних, кто отход наших войск видел. Не может быть, чтоб такие не нашлись.

Мы с Кондратом пробежались, проверяя, как лучше обойти большак, и двинули по тропе чуть дальше от дороги, к старой вырубке. У края колеи я заметил небольшое кострище: от золы еще тянулся дымок. Показал дядьке: выходит, что кто-то совсем недавно тут сидел.

Вернулись к Савелию, сели верхом и направились туда. За поворотом Фомич придержал Звездочку, вглядываясь в сложенные жерди у обочины. Между ними что-то шевельнулось.

Дядька показал мне не приближаться. Я осадил Баловня.

— Эй, кто там? — негромко окликнул Фомич.

— Сперва сами скажите, кто такие будете? — ответили ему по-русски. Мужчина не показывался.

— Кондрат Бирюков, донской казак. С нами егерь из отряда Дорохова, а ищем мы полк Денисова Седьмого. Проходили здесь наши? Ты уж скажи, коли знаешь.

— А егеря-то вашего покажите. Тогда и поглядим…

Савелий подвел гнедого ближе к дядьке. Из-за жердей показался крепкий мужик в потрепанном мундире, с топором в опущенной руке.

Он оглядел одежду егеря, спросил, из какого тот будет полка и где отстал. Савелий назвал Первый егерский, рассказал про Большие Солечники и плен. Незнакомец выслушал, но подходить пока не стал.

— А сам-то кто таков? — спросил Фомич. — С какой командой шел?

— Егор я, из обозных. При отряде Дорохова мы и состояли. До службы плотничал.

Кондрат расспросил его о повозках и товарищах. Егор показал вдоль проезда:

— Здесь наши три дня назад прошли. Я с обозом следом. Потом отстали, телеги чинить, да разъезд драгун на нас налетел. Нас-то немного было, разбежались. В лес ушел, товарищей потерял. Только инструмент при себе и удалось сберечь.

— Три дня назад наши прошли али хранцузы появились?

— Наши. Ночь перед тем еще вместе стояли. С тех пор три дня один в лесу кукую. Дважды к дороге выбирался — все французы.

Куда дальше увел свой отряд Дорохов, Егор не знал. Федора Бодрова тоже, а был ли с колонной полк Денисова, подтвердить не мог. Ехать к прежней стоянке теперь не имело смысла.

— Покуда вместе держаться будем, — предложил Фомич. — К своим выход искать.

— Ну, это я согласный. Вместе-то уж всяко сподручнее.

Егор наконец вышел из-за жердей, подобрал сверток и поглядел на перевязанные руки моих спутников.

— Говорите, чем помочь надо?

— Сперва от проезда отойдем, — сказал я. — Да руки им глянуть надо.

Место подальше от колеи выбрал дядька. На стоянке я проверил его повязку: сухая. Пальцы двигались, прикосновения он чувствовал. У Савелия кисть оставалась припухшей, большой с указательным и средним слушались хуже остальных. Но после дороги и боя ни боль, ни онемение не усилились.

Дело шло к поправке. Только срок, когда они смогут полностью восстановиться, определить я бы пока не взялся.

— Тяжелого вам обоим пока таскать нельзя. И ты, Савелий, правой совсем старайся не орудовать, в покое держи. Так скорее заживет, иначе можно очень долго маяться.

Сам при наклоне опять почувствовал небольшое покалывание в боку. Я сел и прислушался к себе. В голове было ясно, звон в ушах больше не донимал, и слух вернулся почти полностью, разве что в тишине еще чудилось слабое эхо.

Егор без разговоров взялся за поклажу: снимал тюки, переносил мешки по одному. Мне остались легкие вещи и сбруя. Фомич указывал, где привязать лошадей, и выбрал место, откуда наблюдать за проездом. Савелий уселся смотреть первым.

Укладывая вещи, Егор задержал взгляд на наших ружьях.

— Французские?

— Они самые, — с гордостью улыбнулся Савелий. — Мы их уж не раз пощипали!

— Есть тут неподалеку еще их добро, видал. Пять подвод стоят. У колес возятся, стучат. Чинят, должно быть, ежели еще не снялись, конечно.

— Охраны сколько? — спросил Фомич.

— Не считал толком и к грузу не подходил, но, думаю, харчи какие везут. Я только высматривал, как бы ту стоянку обойти, да и не маячил особо.

— Может, поглядим, дядька? — предложил я.

— Поутру, после отдыха. Но только поглядим, Данила, — с прищуром глянул он на меня. — Ты уж не путай хрен с редькой.

Я кивнул, улыбнувшись. На ночь наблюдение поделили на четверых. Егор устроился с нами, положив свой сверток возле седел. Ему выделили одно из трофейных ружей.

Утром проверил болячки товарищей. Позавтракали наспех, осмотрели лошадей, и Егор повел нас к стоянке французов, заходя со стороны леса. Коней близко не повели, всех привязали по отдельности за густым ельником. Савелий остался приглядывать, а мы с Фомичом и Егором пошли смотреть.

Возле старого сарая, у бокового проезда на большак, стояли пять телег. Возниц оказалось пятеро, распряженных лошадей столько же. Солдат с ружьями насчитали четверых: один у въезда, второй возле коновязи, двое следили за ремонтом. Один то и дело покрикивал на работников.

У ближней телеги сняли колесо, под передком другой возились двое мужиков. Остальные три стояли на колесах. Дядька потянул нас дальше вдоль кустов. Проверили, что за сараем, потом опять залегли. Дополнительная охрана не показывалась, сменять солдат тоже никто не пришел.

При перекладывании мешков над одним поднялась белая пыль. Мука, похоже. Из другого доставали сухари, а возле сарая возница сыпал в котел крупу.

Обычные харчи. Всю французскую армию с этих подвод, конечно, не накормить. Но если отнять припасы, какому-то подразделению придется ждать нового подвоза или гонять по хуторам да деревушкам фуражиров.

С большака в отдалении два раза доносились окрики и слышался скрип колес. Если тут стрелять начнем, то времени у нас будет немного.

— Ось чинят, — шепнул Егор, указывая под передок. — Эти две быстро не покатишь. А у той, что ближе к нам, настил с краю разошелся. Вон мешок уже провис. На тряске к колесу сползет.

Он тихонько хохотнул:

— Тетери. Хоть бы доску поверх приладили, пока стоят.

— Ты сможешь починить?

— Доску-то положить да закрепить смогу, но на кой оно нам? А так у меня топор, долото, ручной бурав имеется.

Две сломанные телеги стояли отдельно от остальных. Коновязь была в стороне; от нее к проезду оставался свободный проход.

— Можно, конечно, — негромко сказал Фомич. — Только груженые телеги куда потом денем? У нас самих семь лошадок имеется.

Я еще раз поглядел. Прав Фомич, но тут, как говорится, и хочется, и колется. Если замешкаем, да застрянем с добычей — придется бросать ее подоспевшим французам.

К Савелию вернулись втроем, рассказали, что увидели.

— Сперва проверим дорогу, куда подводы уводить, и место, где их укрыть, — сказал дядька, поняв, что я хочу спросить по моим глазам. — Да и поглядим, можно ли следы скрыть.

Фомич с Егором ушли проверять проезд. Мы с Савелием остались при лошадях.

Вернулись нескоро. По их словам, проверили путь, куда уйти можно: ширины хватает, на поворотах колеса не зажмет, грунт держит. Верстах в трех нашли сухую площадку старой вырубке, закрытую лесом и холмом с другой стороны. Три телеги встанут одна за другой, выезда не перекроют. Вода там тоже имеется, но к ней спускаться надо. Свежих следов не приметили. Только готового места там нет, груз еще укрывать придется.

— И что хорошо: там почти половина дороги по камням идет, так что следы наши не должны разглядеть, особо если замести хорошенько. А на земле колеи останутся, не деться от них никуда, — сказал Фомич. — Место-то нашли. Но что теперь? Нам к своим надо. Мне тебя Федору довезти велено.

— И мне в роту, пора уж, — сказал Савелий. — С подводами энтими еще больше отстанем.

— И я тоже свою команду ищу, — добавил Егор.

В прежней жизни читал о партизанах Великой Отечественной. Они ведь не только на гарнизоны нападали, но и подвоз припасов срывали, поезда с рельс спускали. Короче, полным ходом нарушали снабжение. Так они помогали регулярной армии на фронте. Сейчас лето, тепло; лошади и оружие у нас имеются. Вполне можно и нам попробовать.

— Полк неизвестно когда найдем, а француз вот он. Можно ведь и тут его провианта лишить, глядишь какой отряд вовремя не поспеет к бою.

— Надолго остаться хочешь? — спросил Савелий.

— Летом или зимой — разницы нет, убивают всегда, Даня, — заметил Фомич. — А добычу эту потом еще вози да стереги.

Я поглядел на навьюченных меринов. Даже после загрузки овсом мы ощутили, что стали двигаться медленнее.

— Давай один обоз отобьем. Укроем добычу, потом снова решим, как быть дальше.

Егор почесал щеку:

— Ну, скажем, настил исправлю, мешки переложу. За остальное, пока не погляжу, не ручаюсь. А те две, что сейчас чинят, скорее всего, не поедут.

Фомич помолчал, потом кивнул:

— Добре. Появятся солдаты или драгуны, то сразу отступаем. Не сдюжим — добро бросаем. Савелий, с опоры стрельнешь разок, я тоже ружье на упор положу, одной управлюсь.

— Это дело! — сказал Егор.

Сговорились, как поведем телеги.

Проверили заряды четырех ружей, каждому досталось по одному. Егор осмотрел замок своего и зарядил. Заодно проверили пистоли. Запасное оружие закрепили при поклаже, патроны разложили по сумам.

— Ну что ж, на обоз согласен, — сказал Савелий.

Егор подхватил веревку и инструмент, кивнул, и мы двинулись занимать места.

Фомич задержал Егора у поклажи:

— Еще пистоль возьми. Ружье второй раз зарядить могут и не дать.

Я снял с вьюка один из хуторских трофейных пистолей и подал ему. Егор проверил полку, заткнул оружие за пояс.

На площадке все оставалось по-прежнему. Один солдат стоял у въезда, второй прохаживался возле коновязи. Третий смотрел на работу у снятого колеса, четвертый держался за исправной телегой, изредка показываясь возле заднего угла. Возницы копошились с другой стороны поломанных подвод и возле сложенных у сарая мешков.

Фомич еще немного понаблюдал за въездом, потом показал нам расходиться. Егор устроился левее всех, напротив первого охранника. Дядьке достался тот, что возле лошадей. Фомич уложил ружье на поваленный ствол, оставив левую руку в перевязи.

Савелий сел за широким пнем, положил на него цевье и приложился с левого плеча. Позади егеря оставался проход между деревьями. Я занял место правее, за толстой сосной. Отсюда был виден край телеги, за которой маячил четвертый солдат. До него насчитал шагов двадцать, до остальных ненамного больше.

Наши лошади остались за ельником. Упряжные стояли в стороне от выбранных целей. Солдат возле коновязи остановился так, что за ним виднелась только стена сарая. Возниц за намеченными целями тоже не приметил.

Фомич оглянулся на нас, нашел по очереди всех взглядом и кивнул.

Почти одновременно грохнули два выстрела. Охранник у въезда упал навзничь, за ним и второй возле коновязи ткнулся лицом в землю. Хлопнуло ружье Савелия. Его противник согнулся, опустился на колено, но не свалился: потянул свое оружие за снятое колесо.

Я поймал мушкой плечо четвертого и нажал на спуск. Только француз уже дернулся за кузов. Пуля ударила в борт, вырвав кусок дерева.

Черт побери!

Дым от выстрелов начал закрывать лежащих. Возница возле сарая бросился под телегу, другой присел за мешками. Остальных я потерял из виду.

Из-за кузова кто-то выстрелил. В ствол моей сосны прилетела пуля, в полуметре от уха, не больше. Я втянул голову за ствол. Разряженное ружье положил у корней, правой рукой вытащил пистоль Сеславина.

Слева Фомич уже оставил ружье на земле и, пригнувшись, двигался к ближайшей телеге. Пистоль он держал перед собой.

Раненный Савелием солдат выбрался сбоку от ремонтируемой подводы. Штык его смотрел вперед. Он пошатывался, но шел к егерю, волоча за собой ногу. До него оставалось всего несколько шагов.

Я высунул руку из-за сосны и выстрелил в грудь французу. Тот рухнул, ружье выпало из рук. Я продолжал смотреть за ним, пока тот не перестал шевелиться.

— Справа! Фомич, справа! — закричал Савелий.

Здоровенный солдат, последний из четверых, обогнул исправную телегу и двинул к Фомичу со штыком наперевес. Егерь попытался развернуть ружье на опоре, но не поспевал за противником.

Фомич был уже у другого края кузова. Француз двигался на него к нему, и дядька выстрелил, попав тому в левое плечо. Солдат дернулся, как от хорошего удара, но устоял и даже ружья не выпустил. Зверюга! Тут же попытался ткнуть дядьку штыком. Фомич ушел за угол телеги и выдернул саблю. Рубанул наискось, и здоровяк повалился возле колеса.

Я уже поднялся, собираясь двинуть к ним, но притормозил. Убрал пистоль, обнажил саблю и остался следить за проходом между телегами и сараем.

Егор тем временем вышел к въезду. Один из возниц, пробегая мимо упавшего охранника, наклонился к ружью.

— Назад, собака! Отойди от оружия!

Егор направил на него пистоль. Мужик выпрямился, поднял ладони и попятился.

— Остальные тоже вылазьте! — приказал Фомич.

Он показал саблей на свободное место возле сарая. Пришлось еще махнуть тем, кто прятался под телегами. Выбирались они неохотно, поглядывая на лежащих солдат. Всех пятерых усадили вместе, подальше от оружия. Егор остался перед ними с пистолем.

— Савелий, въезд стереги. Даня, этих проверь, — сказал дядька.

Убрал саблю и подошел к ближайшему французу. Сперва вытянул из-под него ружье — не хватало еще, чтобы мертвец напоследок на спусковой кпючок нажал. Присел, приложил два пальца к сонной артерии — пульса нет, грудная клетка застыла.

У снятого колеса пришлось отодвинуть оружие сапогом, прежде чем наклониться. Этот тоже был мертв.

Проверил лежавших у въезда и коновязи. Все четверо погибли. Я выпрямился и показал Фомичу: живых нет. Дядька кивнул, не переставая поглядывать в сторону большака.

— Сами-то целы?

Егор ответил, что его не задело. Савелий тоже мотнул головой, держа пистоль в левой руке.

С большака донесся скрип колес, затем окрик. Я замер, прислушиваясь. Едут дальше или уже повернули сюда? За деревьями не разобрать.

— Ранцы не трогать, — сказал Фомич. — Сперва три телеги на ход ставим. Егор, гляди телегу, да пошустрее постарайся. Живо, братцы, за дело!

Егор убрал пистоль, подхватил инструмент и направился к подводе с разошедшимся настилом.

Плотник пошатал колеса у всех трех телег, заглянул под кузова.

— До того места дойдут. Только эту сперва подправлю.

Он подвинул мешки, выбрал доску среди обрезков у сарая и подрубил ее по месту. Я подал веревку. Поверх поврежденного настила Егор закрепил накладку, потом вернул мешки на место, укладывая их ближе к середине.

Фомич поднимал возниц и заставил запрягать лошадей, а сам следил внимательно. Савелий тоже поглядывал за работниками и дорогой к большаку.

С двух сломанных телег Егор забрал несколько мешков с сухарями и небольшой с солью.

Муку и крупу оставили в выбранных кузовах, прикрыв разошедшуюся упаковку. Даже этого четверым хватит надолго. Насколько именно, сейчас считать было некогда, да еще и сохранить все надо.

Один из возниц, услышав наши разговоры, поднял голову:

— Пан, мы без оружия. Не надо нас.

— По-русски разумеешь? — Фомич остановился перед ним.

— Немного. Польский я.

— Кому харчи везете?

— Батальону. Там пешие солдаты. Большая мельница, там мост. Вчера возил, сегодня опять надо.

Дядька переспросил, сам ли тот вчера ездил и где разгружался. Возница закивал, показал дальше по дороге, на восток. Возле развилки надо сворачивать к мельничной запруде; мешки принимали у самой мельницы.

Я указал на телеги, потом туда, куда он показывал:

— Эти тоже туда?

— Да, пан. Туда.

Номера полка от него не добились. Сколько там людей и надолго ли стали, он тоже не знал. Остальные четверо молчали, сидя возле стены. Я бы еще порасспрашивал, но Фомич уже махнул мне к лесу. Вчера возница там разгружался, а сегодня солдаты могли уже уйти. Мы такое уже проходили.

Пока дядька с егерем смотрели за въездом и возницами, мы с Егором привели наших семерых лошадок. Овес с заводных снимать не стали. Собрали оставленные на позициях ружья; Егор уложил их в переднюю телегу, туда же сложил четыре трофейных карамультука и ранцы французов.

Шестерых наших лошадей привязали попарно за телегами, гнедого оставили Савелию. Коней от двух сломанных подвод я отвел подальше от будущего огня, к краю проезда.

Егор еще раз обошел готовые упряжки. Я подал ему огниво. Сухую рогожу и обломки упаковки он устроил у поломанного транспорта и занялся огнем. Вскоре пламя полезло по свисавшему краю первой телеги, потом разгорелось и под второй. Из-под мешков потянулся густой дым. Проверять, прогорит ли все до последнего сухаря, мы не собирались.

— Вставайте, — велел Фомич возницам. — Коней этих забирайте и идите отсюда, не мешкайте. Вон те харчи тоже берите, — указал он на мешок, который собрали для возниц. — И французу лучше не попадайтесь на глаза!

Он указал вдоль дороги, в другую сторону от нашего будущего маршрута. Поляк поднялся первым, остальные потянулись за ним. Двое взяли оставленных коней под уздцы. Фомич пошел следом с саблей в руке, остановился у изгиба и подождал, пока все пятеро скроются дальше за деревьями. Только потом вернулся.

Нас четверых они рассмотрели хорошо, видели и семерых наших лошадей. Дорогу до укрытия им не показывали, но рассказать о нападении они вполне смогут. Только вот таскать их с собой помощниками или пленными нам точно было не с руки, а убивать не стали.

Егор взял вожжи первой подводы.

— За мной держись, Данила. Не торопи, сама пойдет.

Я уселся на передок второй, подобрал вожжи. Фомич вывел третью телегу. Савелий забрался на гнедого и занял место позади нее.

Оси заскрипели, а скоро и колеса застучали по камням. Я оглянулся. У первой оставленной телеги огонь уже охватил борт, начинала заниматься пламенем и вторая.

За первой телегой шли серый и один из меринов посыльного, за моей — Баловень с Машкой. Звездочка и второй мерин тянулись за дядькиной. Савелий на гнедом замыкал, поглядывая назад.

У первого сужения Егор остановился, слез и прошел вперед пешком. Я придержал упряжную.

— Промежуток держи, Даня, — напомнил он. — Близко не прижимайся.

Егор проверил проход, взял лошадь под уздцы и провел телегу. Я двинул следом, не погоняя.

На земле колеса продавили свежие колеи поверх старых. Эти хоть чем мети, все одно видать.

На каменистом повороте снова остановились оглядеться. Когда последняя телега вышла на камни, Фомич спустился и оглядел ответвление.

— На земле-то все осталось, — сказал я.

— Осталось. Зато тут поди разбери, куда свернули. Токмо хороший следопыт и здесь разберется. Еще бы кустами какими этот отнорок прикрыть, но то попозже. Поехали давай, нечего ждать.

Савелий подъехал ближе:

— Теперь с таким добром надолго застрянем?

— Сегодня только до места доберемся. Там и поглядим. Груз разместить надо, коням отдых дать. Хорошо бы до темноты управиться.

Егерь кивнул и вернулся в хвост. Харчей набрали с запасом, зато о быстром передвижении теперь можно забыть. Поиск полка на сегодня точно отложить придется.

К вырубке добрались еще засветло. Егор по очереди заводил телеги на сухую площадку. Я придерживал лошадей, отводя их от колес; Фомич помогал, потом обошел ближайшие подходы.

— Чужих следов не видать. От дороги холм прикрывает, — сказал он, вернувшись.

Савелий остался верхом у проезда и смотрел назад.

Егор распряг трех упряжных, снял с наших седла и тяжелые вьюки. Пока Савелий, уже спешившись, стерег проезд, мы сводили коней к воде и развели по сторонам, чтобы те травы пощипать могли. На десятерых места понадобилось куда больше. Мешки с припасом оставили в кузовах, укрыли рогожей. Егор проверил телеги и крепления, а дядька пошел присматривать место для припасов.

Вернувшись, дядька показал за выступ склона:

— Там сухо, с проезда не видать. Навес поставим, будет куда припас сложить. Только сперва настил нужен. Но лучше не торопиться: еще поглядеть в округе, может, место подходящее сыщется.

Ружья перезарядили, и Фомич сменил Савелия.

— Данила, а руке-то лучше! — похвастался егерь, улыбаясь и усаживаясь рядом.

Проверил кисть. Отек заметно спал, пальцы сгибались свободнее, кожа уже не так натянута. Прикосновения чувствовал; покалывало, по его словам, сильно меньше. Попросил соединить большой и указательный в кольцо - получилось. Не идеально, но результат уже есть.

— Лучше, вижу. Только мешки один черт тебе пока таскать нельзя.

Фомич тоже показал руку: повязка сухая, боль не сильнее прежнего. Краснота возле раны держалась, но дальше не пошла. Я присел рядом, пережидая нытье в боку. Новой резкой боли не было.

Егор подхватил надорванный мешок с сухарями:

— Этот туда нести?

— Погодь, не торопись разгружать, подумать хорошенько надо, — ответил дядька.

В одном из взятых ранцев нашлись лук и морковь. На небольшом огне сварили саломаху на сале с трофейной крупой и овощами. Хлеб еще оставался с хутора.

— Вот и начало положено, — сказал я за едой. — Припас укроем и дальше французу мешать сможем. На большаке их полно. А заодно будем про наших узнавать.

— Мне все-таки в роту надо поскорее, Данила, — сказал Савелий.

— И мне к своей команде, — добавил Егор.

— Так, братцы, не бросаем мы поиски. Только сами видите, что творится.

Фомич отломил хлеба:

— Сперва запас приберем, грех такое добро сгноить. Место обустроим. Мельницу поглядим, а нападать или нет, то уж потом решать станем.

— Коли про наших узнаем, то сразу к ним и двинем, — уверено сказал Савелий.

На том пока и сошлись. Убеждать их, что в тылу, без высоких командиров мы даже такими силами можем французам немало песку за воротник насыпать, я не стал. Не готовы они пока к такому. Поиски брата отложили еще на день.

Отряд, пусть и больше похожий на инвалидную команду, у нас, кажись, состоялся. Теперь надо было сработаться.

Глава 11. Свой тыл

Егор отложил ложку и снова поглядел на подводы с мешками. Навес, чтобы все это прибрать, еще предстояло строить. А если дождь хороший вдруг нагрянет, можем и попортить добытые харчи.

— Может, и правда сперва место подходящее поискать, хотя бы поблизости? — предложил я. — А если не найдем, тогда уж навес поставить придется.

— Сейчас с Егором пробежимся, я о том думал уже. Поглядим хорошенько, заодно отходы проверим. Часа за полтора обернемся, не боле, до ночи бродить не станем. Ты с Савелием тут будьте, — сказал Фомич. — Как пойдем обратно, окликну, не пальни ненароком.

Они взяли ружья и ушли, а мы с егерем остались.

— И чего мы сюда пришли, Данила? Мне же в роту надо, воевать надо, понимаешь?

— Знаю. Припасы приберем, на мельницу поглядим, про которую возница нам наплел. И про своих узнавать будем, где только получится. Но дурнем соваться хуже нет. Ты разве за эти дни того сам не понял?! Голову сложить — раз плюнуть, а проку от этого? Французу такое только в радость!

Он вздохнул и кивнул. Я пошел, перевел Машку на свежую траву и вернулся к телегам. Ждали мы наших, по ощущениям почти два часа. Уже сумерки наступали, когда негромко донеслось:

— Даня, свои!

Я поднялся навстречу, Фомич поправил перевязь и кивнул за плечо:

— Есть местечко подходящее, отсюда версты полторы будет. Только на ночь глядя туда не попрёмся.

По рассказам обоих оказалось, что они прошли сухим краем оврага. Одну впадину забраковали сразу из-за сырости, к другой телеги было не провести. Обогнули соседний склон и через редкие кусты заметили каменный уступ, а под ним темную нишу.

— Думал, малая совсем, — сказал Егор. — Подошли, а там пещерка. Песчаник плотный. Я потом старый проезд проверил: до площадки под нею телеги должны пройти, но дальше мешки на себе, шагов двадцать в горку тащить придется.

— Вход низкий, пригибаться надо, — добавил Фомич. — И внутри не везде выпрямишься, свод неровный. Но от дождя спрятаться есть где.

По Егоровым прикидкам, выходило сажени три в глубину и двух поперек. Пол казался сухим, осыпаний они не приметили.

— Утром при свете еще хорошо поглядим, у нас и факела с собой не было, — сказал дядька. — Телеги с лошадьми, понятно, не влезут. Зато площадку эту склон закрывает, и к воде спуститься можно.

Егор рассказал и про поляну к востоку от пещеры, метрах в двухстах всего: длинная, вдоль ручья, с густой травой между ольхами. Там можно разместить лошадей.

Вот это уже интересно. Если место подходящее и мы все-таки начнем партизанить, можно устроить там временную базу и возвращаться после выходов. Французов на большаке хватает, будет откуда их щипать. Но говорить об этом всем пока не торопился: время покажет.

— Муку бы первой от непогоды убрать, да овес для лошадок, — сказал я. — И себе, может, место оставим дождь переждать.

— Там сперва под мешки настил из жердей сладить надо, — отозвался Егор. — На голой земле держать худо.

— Добре, с утра пораньше займемся, — подытожил Фомич. — А нынче отдыхать.

Караул поделили. Первым следить за подступами к лагерю стал Егор.

Утром после завтрака мы с Егором оседлали лошадей, запрягли в подводы трех упряжных, и все вместе направились на новое место. Плотник повел первую телегу с серым и одним мерином посыльного на привязи. За моей шли Баловень и Машка, за дядькиной — Звездочка со вторым мерином. Савелий на гнедом замыкал, поглядывая назад.

Путь в полторы версты занял около часа. Перед поворотом Егор слез и проверил, как пройдут подводы. Я придержал свою упряжную, оставляя промежуток, и тронулся следом, когда тот мне махнул. Перед последним подъемом остановились, дав коням немного отдышаться.

Телеги поставили на сухой площадке. До входа в найденную пещеру было и правда около двадцати шагов в горку. Фомич проверил подходы дальше по склону и отвел Савелия к деревьям, откуда просматривался проезд. Егерь остался с ружьем, а мы с Егором распрягли упряжных и за несколько ходок перевели лошадей на поляну у ручья. Пока привязали их там попастись на свежей траве.

В пещеру я вошел согнувшись. В середине удалось выпрямиться, но у стен свод нависал ниже, а пол шел неровными буграми. Когда начнем мешки таскать, тут еще приноровиться придется.

Егор при дневном свете оглядел свод и края ниши. Ни рыхлых нависающих кусков, ни свежей осыпи не было. Я присел, провел ладонью по полу. Земля тут и правда была сухой, мы быстро выбрали место поровнее.

— Здесь настил сделаю, потом уже носить станем, — сказал Егор.

Для базы место вполне годилось. Тесновато, конечно, зато крыша над головой уже имелась. Если задержимся тут, можно попробовать пещерку расширить. Но сперва с провизией разобраться, а потом разведку провести. Работы немало выходит.

Егор вырубил неподалеку крепких жердей, быстро их обтесал. Вместе перетаскали в пещеру, а там плотник подрубал по месту, я помогал. Скрепляли меж собой пока веревкой: гвоздей-то или скоб не имелось. Пришлось где-то и в песчаник вгрызаться, чтобы надежно получилось да места побольше было. Наконец проверили получившиеся опоры, уложили жерди на поперечины, и настил был готов.

Савелий в это время разбирал наше имущество, в основном трофейное. Мелочевки всякой в ранцах от французов набрали уже немало. Нужно было провести, так сказать, инвентаризацию, чтобы распределить по нуждающимся. Интендантов и снабжения у нас не имелось, а потому самим о себе заботиться приходилось.

Фомич же еще раз пошел разведать ближайшую округу. Вернувшись, рассказал, где можно вывести лошадей, если гости сунутся с той стороны, откуда мы тут появились.

Приступили к переноске провизии. С первым мешком я забрался в горку резво, но у входа в пещеру пришлось остановиться: в боку предательски потянуло.

— Не усердствуй, Данила. Сухари вона носи, они полегче будут, остальное я, — сказал Егор, перехватывая у меня мешок с мукой.

Так и продолжили. Муку и овес таскал в основном он, мне доставалось то, что полегче. Ходили с передышками, прям сильно нас никто не гнал. Мешки укладывали не вплотную к стене. Несколько надорванных я оставил сверху, чтобы их пользовать в первую очередь.

Телеги опустели. Фомич отделил крупу, сухари, все сало и соль на первое время. Уложил в отдельный мешок на краю настила, поближе ко входу, чтобы по мелочи не потрошить запасы.

Под перевязки я выбрал сухое место снаружи, где было много света. Чистое полотно убрал в пещеру, выделив место почище и посуше. Из медикаментов у нас оставался только трофейный спирт. Использовать травы я опасался: без должной обработки и понимания концентрации они могут больше навредить, занеся грязь, чем помочь. В таких условиях главное кипяченая вода, чистое полотно, да спирт для обработки. Оружию тоже отвели свое место.

Еще под Киренском на охотничьих стоянках привык не устраивать помойку на месте лагеря. Здесь тем более порядок нужен. На ручье я сразу определил место для набора воды; мыться и стирать договорились ниже по течению. Даже отхожее место выделили, пока по-простому, конечно.

Для огня расчистили небольшой участок снаружи. Я принес воды в нашем котелке, набрал сухого хвороста. Фомич отошел к проезду, посмотрел, заметен ли дым, и велел не жечь сырых веток. Если задержимся, придется думать, как устроить огонь внутри и куда отводить дым, но прямо сейчас не до этого.

Сварили опять саломаху на сале, поели горяченького. Я вымыл котелок и занялся водой: сперва для питья нужно накипятить, следом для перевязок. Остывшую разливал по флягам.

Дело шло уже к полудню, когда Фомич остановил работы.

— Пока довольно, мельницу еще хотели сегодня поглядеть.

— На вход бы щит сладить, съемный, — предложил Егор.

От зверья покрупнее такой, может, и поможет, а мышь все одно лазейку найдет. Но хотя бы мука с овсом теперь лежали под крышей и не на земле, да и нам было где переждать, случись дождь.

— Дядька, прежде чем выходить, дай-ка ваши руки погляжу.

Фомич кивнул, подстелил чекмень и сел рядом.

— Сначала рану погляжу. Если полотно грязное, сменим.

Фомич сам вытянул левую руку. Я вымыл ополоснул ладони, устроил его предплечье на свернутом чекмене.

— После дороги не болело?

— Ну не то, чтобы, Даня. Уже гораздо меньше беспокоит, чем раньше.

Чувствительность в норме, как и все пальцы. Я смочил присохшее полотно, осторожно его снял. Краснота дальше не пошла, признаков инфекционного процесса не было. Промыл рану остывшей водой.

Проверяя кисть, коснулся указательным пальцем запястья, задержался и сосредоточился. Щуп отозвался знакомым сопротивлением плоти, потом наткнулся на тонкую упругую стенку. За ней словно обозначился узкий просвет; чувствовались ритмичные пульсовые волны. Я замер.

Это движение крови? Стенку сосуда я и прежде нащупывал, когда свалил драгуна, только тогда ощущалась просто плотная трубка. А вот чтобы чувствовать ток крови изнутри, ее ритм и толчки — с таким я еще не сталкивался. Вспомнилось УЗИ с допплером, позволявшее оценивать скорость и направление кровотока. Похоже, Щуп давал почувствовать нечто подобное, только ни изображения, ни показаний с числовыми значениями у меня, конечно, не имелось. Да и верно ли я понял это новое ощущение?

— Чего там, Даня?

Убрал палец и занялся повязкой.

— Хуже не стало, Фомич. Только руку все равно поберечь надо. Но, надеюсь, уже скоро можно будет начинать ею пользоваться.

Дядька пошевелил пальцами, кивнул и отправился к проезду сменить Савелия.

Я сел в стороне, положил левую руку ладонью вверх и коснулся собственного запястья. Щуп удалось вызвать, а вот то, что я принял за движение крови, поймал едва-едва. Ощущение то возникало, то терялось. Попробовал сосредоточиться получше, но тут начала тяжелеть голова.

Хорош. Убрал палец и больше не экспериментировал. Не хватало еще выжать себя без остатка перед выходом к мельнице.

Выходит, что про Щуп и его возможности я знаю куда меньше, чем думал раньше. Только проверять догадки буду потом.

Съел кусок черствого хлеба, попил воды и прилег в тени, прикрыв глаза. Егор рядом возился со сбруей.

Когда поднялся, тяжесть прошла, голова не закружилась.

— Твоя рука как, Савелий?

— Пойдет, Данила. Я ей ни за что и не берусь, Боже упаси!

Он показал кисть, пошевелил пальцами. Ухудшения я не заметил. На сегодня с осмотрами закончил, можно было собираться.

— На мельницу только поглядим, — напомнил Фомич. — Проверить надо.

После полудня прошло примерно полтора часа. Обходом до мельницы дядька насчитал примерно верст семь-восемь, часа два добираться, если поляк не соврал.

— Главное нам обратно до темноты возвернуться. И про наших узнать, коли будет у кого, — добавил он. — Нам с тобой, Даня, к Федору в полк надо, Савелию в роту, а Егору к своей команде.

— Помню, дядька.

Перед выездом мы сводили лошадей к воде. Семерых, остававшихся с Савелием, развели в стороны на свежей траве, проверили привязи. Овес на вечернюю дачу отсыпали отдельно, чтобы егерю не пришлось ворочать мешки одной рукой.

Я оседлал Баловня, Егор приготовил себе одного из меринов посыльного, потом помог со Звездочкой Фомичу. Проверили ружья, пистоли зарядили. Запас харчей взяли на сутки, еще фляги с водой.

Фомич повел нас в обход сожжённого вчера обоза. На пересечении с дорогой остановился, послушал и только потом разрешил двигаться. Я придержал Баловня, пропуская Егора следом за дядькой.

К мельнице забирали с юга. За гребнем нашелся подходящий укрытый распадок. Западный проезд к сожженным нами телегам оставался в стороне, и до мельницы отсюда было уже недалеко. Егор прошел вперед и вернулся.

— Тут встать можно, да и понизу уйти получится, если нужда будет.

Коней привязали по отдельности. Ружья закрепили у седел, пистоли и клинки оставили при себе.

Фомич показал на лесистый склон впереди, до него было шагов четыреста-пятьсот.

— Оттуда глядеть станем, а ежели напрямик обратно пойдем, то дорогу пересекать придется. В таком разе глядеть в оба надо будет. А ты Егорка, потише тут.

Егор кивнул и остался при лошадях, а мы с дядькой двинулись пешком.

Фомич выбрал место между двумя соснами. Я присел рядом, осторожно отвел мешавшую веточку.

Мельница стояла внизу, у запруды. Рядом через воду тянулся мост, а к хоздвору подходила наезженная дорога. За постройками отсюда не было видно почти ничего.

— Вон там видать телеги проезжают, — показал дядька. — А там берег больно крутой, еще и насыпь. Не подступишься.

Позади нас оставался лесистый склон. Уйти можно было под деревьями, не высовываясь.

Я насчитал с дюжину французов. Двое стояли перед мостом, еще один держался у поворота к постройкам. Остальные ходили между дверями, сложенными мешками и привязанными лошадьми. Донесся окрик, ему ответили из-за мельницы. Сколько там еще народу, оставалось только гадать, но, думается, не меньше двух десятков.

На дороге показались две подводы. Солдат у поворота поднял руку, остановил переднюю. Возница что-то объяснял, показывая на груз. Потом вышел человек с бумагами — кажись, офицер — поговорил с ним и махнул дальше.

Телеги свернули не к мосту, а на сухую площадку возле длинного сарая. С первой начали снимать мешки. Человек с бумагами водил пальцем по записям, останавливал работников,

потом снова разрешал разгрузку. Может, по снабжению у них приставлен. Просто так во двор здесь не въедешь, порядок у них серьезный.

К мосту подошли несколько пеших. Их пропустили, следом проехал верховой. Настил под конем держался, заметных повреждений я не разглядел. У запруды двое возились с длинной жердью: опускали ее к воде, вытягивали, снова упирались. Что именно делали, с нашего места понять было нельзя.

Выходит, поляк про мельницу не наврал. Припасы принимали и сегодня. Только тот же батальон тут стоит или уже другие солдаты, по мешкам не определишь.

— Ну, поглядели, — негромко сказал Фомич. — Ко двору нам соваться нечего. Коли еще за подвозом смотреть, то вон оттуда будет лучше видать.

Я кивнул и начал было отползать от сосны, но задержался.

Из двора вышел знакомый мне мужик. Он повернул голову к солдату, и я узнал лицо. Точно, тот самый возница, который вчера заговорил с нами по-русски и рассказал, куда харчи везут.

— Дядька, глянь-ка, вон и поляк наш.

Фомич подался к просвету меж деревьев.

За возницей вышли шестеро солдат с ружьями. Один что-то сказал ему, мужик показал рукой на запад и двинулся первым. Пут на нем я не увидел. Совершенно спокойно, вразвалочку солдаты потянулись следом.

Неужто его заставили показывать, где мы обоз взяли? Я приподнялся, стараясь лучше разглядеть, но дядька тут же потянул меня за рукав.

— Сиди. Его не тащат, не бьют. Куда ты дергаешься?

Я опустился обратно. И правда, что я сделать смогу? Не окликать же его прямо перед вооруженными французами?

Группа сворачивала в сторону вчерашней стоянки обоза.

— Может, нас искать повел, паскуда, — процедил Фомич.

Что приказали вознице, мы не слышали. Но шли они как раз туда, где нам предстояло пересечь дорогу на обратном пути.

— За ними не идем, — сказал дядька. — Пропустим их. Давай, Даня, ходу!

Он показал на ложбинку ниже и первым спустился за перегиб склона. Я осторожно двинулся следом, больше не пытаясь выглянуть на мельничный двор.

Ложбинка тянулась ниже дороги, уходящей с мельницы. Фомич присел у толстого ствола и кивнул мне опуститься рядом. До Егора с конями еще предстояло добраться: они оставались южнее в распадке. Напрямик туда теперь нельзя, придется переждать или делать петлю.

От мельницы нас уже закрывал склон, а вот французы с поляком двигались как раз тут. Опускаясь к дядьке, я увидел лицо возницы в узком просвете между нависшими ветвями.

Он как раз огибал поворот. Ближайший француз отстал от него шагов на пять-шесть и еще был скрыт за кустами. Возница повернул голову, и наши взгляды, черт возьми, встретились. Брови поляка приподнялись, шаг сбился.

Узнал, твою за ногу!

Я уже подавался вниз, когда поляк отвел глаза. Посмотрел себе под ноги, переступил через выбоину и продолжил идти. Ни окрика, ни взмаха руки. Только подошва сбила мелкий гравий.

Я вжал голову и замер возле Фомича, стараясь даже дышать потише. Вчера мы отпустили этого мужика, а вот сейчас ему хватило бы одного слова, чтобы доставить нам кучу проблем.

Я подумал еще разок глянуть, но здоровая рука дядьки легла мне на загривок и удержала от попытки вытянуть башку.

По дороге шаркали сапоги. Солдаты переговаривались, но их слов я не понимал.

Фомич убрал руку с моей шеи и взглядом велел ждать. Сам следил из-за ствола за тем местом, где дорога сворачивала, уходя между деревьев. Наконец скрылся кивер последнего солдата. Шаги еще доносились, потом затихли и они.

Дядька выждал еще немного, прислушался и только тогда поманил меня за собой.

Мы двинули по ложбинке, пригибаясь там, где кусты редели. На одном участке пришлось и вовсе проползти под низкими ветвями. Куда дошли французы и что теперь делал поляк, проверять не стали.

Спустились в распадок к Егору. Плотник заметил нас между стволами и махнул рукой.

— Чужие были? — вполголоса спросил Фомич.

— Никого не слыхал. Что там? — мотнул головой Егор.

— После расскажем. А сейчас уходить пора: стемнеет скоро.

Я проверил привязь Баловня и отвязал его. Егор уже держал Звездочку, пока дядька поглядывал назад, на склон.

Я придвинулся к Фомичу.

— Поляк меня видел. Прямо в глаза посмотрел. Кажись, узнал, взгляд отвел и дальше пошел, не выдал.

Дядька задумался.

— Добре. В лагере обскажешь обо всем.

Сели верхом и двинулись за Фомичом. Дядька повел в обход стоянки сожженного обоза, внимательно проверяя дорогу. До пещеры добрались примерно за два часа, уже в сумерках.

Савелий встретил нас на наблюдательном посту с ружьем в руках.

— Никого чужого не видал. Тихо было.

Семеро лошадей были на месте. Проверили привязи, потом занялись нашими тремя. Обиходили, напоили и корму задали.

Когда управились, Фомич рассказал всем про мельницу, охрану и сегодняшние подводы.

— Значит, к сараю сворачивают? — уточнил Егор.

— Туда. У поворота останавливают, проверяют, потом уж их разгружаться пускают. По мосту тоже ходят и ездят, двое там его нынче стерегли.

— А про наших ничего не узнали? — спросил Савелий.

— Новостей нет, — ответил я. — И сколько там француза тоже не разобрали.

Потом я рассказал про поляка: как тот посмотрел прямо на меня, глаза отвел и дальше пошел.

— Мог ведь и крик поднять, — заметил Егор.

— Мог, — согласился Фомич. — За то ему благодарствуем. Только с французами он все же пошел, а чего промолчал, мы не ведаем.

Но поговорить при случае с этим возницей можно. Он и по-русски немного понимает, и на мельницу ездил, место знает. Только раз сегодня не выдал, еще не значит, что помогать и впредь станет.

Егор потер ладонью подбородок.

— А на мельнице-то, видать, зерна с мукой хранят куда больше, чем на трех подводах, что мы у супостата увели. Кабы лишить их такого запаса, глядишь, и целый полк задержится надолго. Траву-то жрать французы всяко не приучены!

Савелий захохотал, следом за ним Фомич. Да и я не удержался от такого выверта плотника.

Глава 12. Горький дым

После завтрака Егор отставил котелок и кивнул на мешки, сложенные на стеллажах:

— На трех подводах мы вон сколько увезли. А туда все подвозят и подвозят новые, видать, оттуда потом армию свою кормить собираются. Так что, оставим это все французам?

— Мне бы сперва к своим попасть, — сказал Савелий. — В роту. Тебе к команде обозной надо, Кондратию Фомичу с Данилой — к брату его в полк.

— Надо, — согласился Фомич. — Только куда нынче ехать, ты знаешь?

Егерь промолчал.

О Федоре мы так ничего и не узнали. Рвануть по пятам французской армии, продвигающейся на восток, можно. Только далеко ли мы так ускачем? Здесь хотя бы есть где укрыться и чем питаться, да и ближайшую цель уже присмотрели. Пора понять, под силу ли она нам сейчас.

— Давай еще раз на мельницу сходим, дядька? Поглядим, как к запасам тем можно подступиться.

— А вывозить муку ту нам незачем, — заметил Егор. — Нам и этого хватит, даже с избытком, а вчетвером мы всех тех припасов никак не перевезем да не припрячем.

— А если рвануть, как тот запас пороха для пушек? — спросил я.

— Мука тебе не порох, Даня. — Фомич покачал головой. — Да и пороху того у нас немного, чем рвануть собрался?

Вчера мы приметили пост у моста, у поворота и во дворе. А сколько солдат оставалось за постройками и внутри, мы не знали. Но по прикидкам там должно быть не меньше двух десятков.

Дядька расправил усы, поглядел на каждого из нас.

— Нам сама мельница ни к чему, нам бы харчи их попортить. Поглядеть-то можно, а ежели не выйдет, то отойдем. К бою с таким отрядом мы пока не готовы, оправиться еще не успели, и маловато нас.

— Так я про что и говорю! — взбодрился Егор, — поглядеть надо!

Фомич кивнул, но подниматься не спешил, а перевел взгляд на меня.

— Мысля есть одна… Дед твой, Степан Федорович, хитрость одну рассказывал батюшке твоему Михаилу, ну и мне заодно.

— Что еще за хитрость такая?

— Как малым числом супостата можно одолеть. Про характерников слыхал что-то?

Я покачал головой.

— Говорил, что были такие в вашем роду. Только в каком колене, не упомню сейчас. Про род ваш Бодровых Федор поболе моего знает. У него и спросишь, когда свидитесь.

Дядька достал из сумы небольшой мешочек.

— Травы. Дед твой отцу науку ту передавал, я рядом тогда был. Обет я ему дал, что никому про то рассказывать не стану. Тебе, как Бодрову, могу, а прочим… Извиняйте, братцы, не моя это тайна, а слово дадено!

Егор кивнул, Савелий только плечом повел.

Я приоткрыл мешочек. Пахнуло сухой травой, горечью и какой-то старой пылью.

— Боль травами энтими унимали, но только в малых количествах, при врачевании страшных ран, — продолжил Фомич. — Дед сказывал, что в давние времена еще у Азова казаки такими хитростями морок на турок наводили.

Сказывал, что предок твой с ватагой за зипунами отправился. А в узком месте устья Дона две крепостицы стояло, не доходя до Азова еще, и цепь промеж них всю реку запирает. Вот

они сделали дымари такие, одну башню ночью закидали, там турок сразу во сне преставился, а иные умом тронулись, за оружие схватились и друг дружку рубить стали.

Фомич кой-чего уже рассказывал о бодровских ухватках. Теперь к ним прибавились травы и характерники. С братом хотелось поговорить обо всем этом все больше и больше.

Я затянул горловину и вернул мешочек.

— Нам бы склад подпалить нужно, — сказал дядька. — А вот травы эти до него добраться помогут, коли с умом. Только сперва поглядеть надо. А с собой надо взять кувшинов глиняных, дегтя, тряпок каких и соломы сухой. Вон на подводах с подстилки возьмем. Мы уже на месте такие дымари сделаем, ежели случай подвернется.

Взяли оружие, воду, еды до утра и все, и что для дымарей нужно было. Сперва сводили коней напиться. Егор помог со сбруей и отдельно отсыпал овес лошадям, остававшимся с Савелием.

— Ночью посты могут иначе поставить, — напомнил егерь.

— Поглядим, — ответил Фомич. — Но ты нас до утра не жди, скорей всего.

Я устроился на Баловне. Фомич сел на Звездочку, Егор на мерина посыльного. Савелий остался у припасов, а мы двинулись за дядькой к выезду.

К знакомому распадку добрались часа за два, уже после полудня. Шли обходом, оставляя дорогу к сожженному обозу в стороне.

Спешились и спустились, как и в прошлый раз. Егор принял Звездочку, пока дядька снимал поклажу; потом ослабили подпруги всем трем коням. Основные вещи оставили с плотником. Ружья закрепили у седел, пистоли и клинки взяли с собой.

К вчерашнему месту наблюдения Фомич не пошел. Забрал дальше по склону, где между стволами видимость была лучше. Я опустился рядом с ним, немного раздвинув ветки.

Теперь за длинным складом виднелся второй сарай. Мешки носили в первый, а во второй солдат втащил свернутую шинель. Следом вошел другой, без ружья, с узлом под мышкой.

— Тут у них ночлег, кажись, — прошептал дядька.

Я кивнул. Значит, припасы отдельно хранят, люди отдельно. Мельница была ближе к воде. Человек с бумагами, которого мы вчера приметили, вышел из небольшого домишки и направился к разгружавшейся телеге. Получалось, дом этот он себе и занял. Интендант ихний, похоже.

У моста по-прежнему стояли двое. Я принялся считать остальных, но за сараем кто-то исчез, из-за мельницы вышли еще двое. Короче, толком не поймешь.

На дороге показалась подвода. На ней, кроме возницы, сидела женщина, рядом шагал солдат. Когда телега остановилась, она спрыгнула и попыталась отойти, но солдат схватил ее за руку.

— Пусти! Да пусти же!

Молодая, русая, крепкая. Платье запылилось, коса растрепалась. На тех женщин, которых я успел здесь повидать, она не очень походила.

— Не литвинка будто. Из России привезли? — шепнул я.

— По-русски говорит, слышишь? А откудова она будет, так кто ж ее знает.

За подводой вели мерина. Женщина увидела его, окликнула; конь вскинул голову, всхрапнул и потянулся к ней. Она вывернулась из солдатской руки, шагнула к животному и перехватила повод возле уздечки.

Долго продержаться ей не дали. Солдат оторвал ее руку, толкнул к дому. Женщина уперлась, но он дернул сильнее. Человек с бумагами что-то бросил ему по-французски и открыл дверь. Пленницу втащили внутрь, а мерина отвели к другим лошадям.

Из двора тем временем вышло несколько французов с ружьями и потянулись по дороге на запад. Не те ли, что вчера ходили с поляком? Возницы среди них я не разглядел, да и солдат не запомнил.

Еще немного посидели.

— Дядька, ее бы с собой забрать?

— Как пойдет, Даня. Чего сейчас загадывать?!

Он помолчал и добавил:

— Подберемся — попробуем бабу эту вывести. А ежели там народу много, то отступим.

Вернулись к Егору, все рассказали.

— Стало быть, теперь еще и бабу выручать?

— Коли сможем, — ответил Фомич, — а там как Бог даст.

До темноты оставались в распадке. Сначала приготовили дымари. Практически наполовину наполнили горшки дегтем, намазав его и на стенки, а потом уложили внутрь пучки соломы. Сделали еще и небольшой факел, чтобы их потом поджигать.

Поели всухомятку, коней сводили к воде, задали овса. Костра не разводили. Я прилег на четверть часа, прикрыв глаза. Проводить эксперименты со Щупом не стал, от греха подальше.

— Первыми мы с Данилой пойдем, — сказал Фомич, когда я потягивался и проверял ружье. — Ты уж, Егор, обожди, пока не кликнем, не суйся. Ты крепкий, но такой науке не обучен, не обессудь.

Плотник кивнул, спорить не стал. Я предложил сперва поглядеть друг на друга из тени. Когда Фомич повернулся, на миг блеснула пряжка. Ее прикрыли тряпкой, проверили, не звенит ли что на нас, не брякает. Сажей измазали лица.

Егор подхватил ружье, и мы вышли. У места наблюдения все свои ружья оставили плотнику, чтобы при нужде тот мог стрелять поочередно, не тратя время на долгую перезарядку. Клинки и пистоли остались при нас.

Ждали полной темноты и наблюдали, пока основная масса солдат не отправилась на боковую. Солдат вышел к повороту, но встал немного не так, как днем. Может, ночной распорядок у них такой. Других французов за постройками было не разглядеть.

Фомич пошел первым, бесшумно перетекая с места на место, а я следом. Вот он поднял ладонь, останавливая движение.

Часовой обернулся. Неужто заметил?

Похоже, именно так, потому что тот коротко вскрикнул и вскинул ружье. Фомич бросился к нему с боевым ножом в правой руке. Клинок дядьки мелькнул в полутьме, и француз повалился на землю.

Мы замерли, пригнувшись и вслушиваясь. Егор ждал на своей позиции. У сарая я разглядел еще одного. Тот постоял немного, всматриваясь в нашу сторону, потом двинулся к нам. Фомич повернул ко мне свое чумазое лицо. Я кивнул, подтверждая готовность, и мы скрылись за бревнами.

Француз подошел ближе, заметил лежащего и резко выпрямился.

— А…

Фомич метнулся и оказался перед ним прежде, чем тот успел поднять тревогу. Они сцепились; солдат попятился, отмахнулся, едва не сшиб дядьку ружьем. Я шагнул следом и ударил боевым ножом в область печени, напоровшись грудью на его локоть.

Ружье выскользнуло из рук противника. Я ухватил его за ствол, но приклад все-таки стукнул о камень. Звук в ночной тишине показался оглушительным.

Я застыл, сжимая оружие, Фомич тоже замер рядом. Со стороны моста донеслись голоса. Я вслушивался, хотя понять не мог ни слова. Вот сейчас окрикнут своих камрадов, не дождутся ответа и поднимут тревогу.

Но голоса стихли. Благо из сарая-казармы, где расположилась основная масса врага, никто не вышел.

Я опустил ружье на траву. Фомич наклонился ко мне:

— Цел?

— В норме, Фомич. Двое осталось. — Я мотнул головой в сторону моста.

— Ходу. Тихо только, не нашуми.

У моста были еще двое часовых. Скорее всего, они несли службу попеременно, и теперь нам надо было успеть, пока не придет следующая смена. Беспечность французов поражала: вроде бы война идет, а они мышей не ловят. Возможно, уверовали в непобедимость своей армии, да и это место было тылом, скорее всего уже глубоким. Ничем другим объяснить такое головотяпство не могу.

Уже на подходе я заметил, как один время от времени поворачивался из стороны в сторону, другой же стоял боком. Внизу плескалась вода, ее шум нам сейчас был только на руку.

Мы добрались до мешков, не пойми, чем набитых. Куча не особо высокая, но нам ее хватило, чтобы укрыться, и отсюда до врага оставался один стремительный бросок. Фомич двинулся первым, показав, чтобы я держался за ним.

Все случилось как-то внезапно. Две фигуры качнулись, второй часовой резко обернулся, и я налетел на него, пытаясь всадить нож. Но он оказался не из хлипкого десятка, и руки были уж очень сильные. Он успел как-то ухватить меня за запястье и отклонить нож, хотел уж было, видать, заорать, даже начал пасть открывать, когда сбоку появился Фомич и вогнал свой нож ему в шею.

Я почувствовал, как его хватка на моем запястье мгновенно ослабла. Из раны на шее толчками ударила кровь, и он вдруг обмяк и повалился на землю, увлекая меня за собой. Я кое как вывернулся и глянул на Фомича. Дядька тяжело дышал. Левую руку в перевязи он по-прежнему прижимал к себе.

Мы прислушались. Ни тревоги, ни беготни не было. Значит, теперь у нас и правда появился шанс закончить начатое. Мы развернулись и двинули к сараю-казарме.

Вскоре послышался храп. Потом кто-то кашлянул, сонно пробормотал несколько слов и затих. Мы дошли до дверного проема и, заглянув сквозь щель, разглядели лежащих вповалку людей. Сколько их было там, черт его знает.

Женщину держали в другом доме, шагах в ста от нас. Я обернулся и увидел, что дверь туда закрыта.

Фомич жестом отправил меня за Егором, и скоро мы с плотником притащили к сараю четыре горшка с нашим дымарем. Нам оставалось их установить таким образом, чтобы дым попадал в помещение, не рассеиваясь по округе. Благо ветер дул аккурат в направлении входной двери.

Пока Егор занимался добычей огня, мы с Фомичом выбрали, на наш взгляд, наиболее удачное расположение горшков. Два мы поставим возле самой двери, по сути, слегка задвинув их внутрь, а еще пару после того, как они начнут дымить, просунем в здоровую щель или продух в правой стенке сарая.

Егор прибежал с горящим факелом. Мы, не откладывая начали поджигать солому в горшках и, дождавшись, когда уже займется деготь на их дне, покидали внутрь тряпки с травами. Дым начал распространяться уже скоро. Наши лица скрывали заранее подготовленные смоченные тряпки. Я натянул свою поплотнее, прикрывая нос и рот. Надышаться самим уж очень не хотелось.

Установили горшки туда, куда хотели, и отступили от сарая. Я достал пистоль и поглядел на домик, где держали пленницу. В этот момент оттуда донесся женский вскрик, потом еще один. Я было дернулся, но Фомич придержал за плечо.

— Обожди. Солдат тут много, а там один счетовод. Сначала здесь решим.

Егор тоже поглядывал в ту сторону, однако от нас не отходил, держа заряженное ружье на изготовку.

Вскоре внутри закашлялись, кто-то сердито крикнул. Затем послышался стук, будто опрокинули лавку. Раздалось какое-то бормотание. Я уже ждал, что сейчас солдаты хлынут наружу, но за дверью началась возня, постепенно разгоравшаяся.

Гарь и токсины подействовали быстрее, чем я рассчитывал. Не прошло и трех минут, как кашель сменился надсадным, судорожным удушьем. Сначала просто истошный вопль, а потом звон металла и хаотичные вскрики.

Вот один голос оборвался, другой перешел в хрип, будто человек захлебывался. За щелью в дверях мелькнула чья-то рука, сразу исчезла. Судя по звукам, там уже началась агония и слепая паника. Что именно там творилось, разобрать было невозможно.

— Друг дружку секут, — сказал Фомич. — Помешались рассудком, как есть.

Он отшатнулся от стены. Я и сам стоял как вкопанный. Неужели и впрямь сработало? По крикам не поймешь, а лезть проверять туда не хотелось. Оружие у них оставалось, и сколько еще человек на ногах, мы не знали.

У небольшого домика хлопнула дверь. На пороге появился человек в одних портках и сапогах. Видать, он услышал шум и с пистолем в руке побежал к казарме, на ходу что-то выкрикивая.

Я повернулся к бегущему. Когда свет попал ему на лицо, узнал того интенданта. Похоже, она сначала принял наши темные силуэты за своих, а вот теперь разглядел.

Остановился он так резко, что подошва сапога проскользнула по земле и тот чуть не грохнулся.

Между нами оставалось несколько шагов. Он не успел поднять пистоль: я первым выстрелил ему в грудь. Руку подбросило, лицо озарила вспышка. Француз качнулся, выронил свое оружие и рухнул набок.

Я подошел, поднял с земли его пистоль и сунул за пояс вместе со своим.

Женщина появилась на пороге домика. Постояла, вглядываясь в темноту, потом двинулась к нам, придерживая частично порванное платье. У лежащего офицера она остановилась, и пнула его тело ногой.

— Свои мы, — окликнул ее Фомич. — Звать то тебя как?

— Дарья.

— Собирайся, дочка, уходим.

Она подняла голову, шагнула к нам, и тут за спиной у меня грохнула дверь сарая. Из проема вывалился француз с саблей в руке. Рубаха на нем была в крови; он мотнул головой, будто силясь что-то разглядеть, и бросился вперед с нечеловеческим криком.

Я потянулся за трофейным пистолем, но Фомич выстрелил раньше. Солдат упал у порога. Женщина вскрикнула, отшатнулась. Егор подхватил ее за локоть.

— Не стой тут. Пойдем.

Я кивнул на склад.

— Теперь харчи подпалить, — сказал дядька. — Егор, за мной.

Склад был рядом, шагах в сорока. Я остался у двери, поглядывая на дорогу. Пленница стояла возле меня, обеими руками придерживая платье. Я машинально оценил ее состояние. Внешних повреждений не видно, но лицо было бледное, как полотно, а руки мелко тряслись. Расспрашивать ее сейчас не собирался: будет еще время поговорить.

— Идти сможете? — спросил я.

Она кивнула. Вскоре вышел Егор, следом Фомич. За их спинами разгоралось пламя. Огонь уже начал облизывать деревянную стену.

— Погляди в домике, Даня, — велел дядька. — Только живо. Егор с тобой.

Внутри на столе горела свеча. Стул опрокинут, на полу мундир. Я перешагнул через него, подхватил со стола кожаную суму и сгреб в нее лежавшие рядом бумаги. Что в них, разберемся потом.

Егор стянул с гвоздя ранец, сунул туда сверток чистого полотна и ремень с подсумком. Я заглянул в суму: небольшие мешочки, пули. Подойдет ли нам все это, выясним потом. Скидал туда еще какие-то мелочи со стола, и перекинул ремень через плечо. Мы поспешили наружу.

— Мерин там мой, — услышал я голос женщины, обращавшейся к Фомичу. — Дозвольте забрать Рослика, у коновязи он. Да еще узел мой, в углу. Этот бросил, — кивнула она на мертвого интенданта.

— Егор, забери сходи. Даня, ты с Дарьей за мерином. — Фомич кивнул мне в сторону коновязи. — Ходу, ходу! Поспешайте!

Мы быстро добежали до коновязи. Лошади, заметившие пламя, перепугались: ржали, всхрапывали и пытались вырваться. Дарья взялась за повод у самой уздечки. Мерин потянулся мордой к ее плечу, она прижалась к нему. Я пробежался порезал все привязи, лошади стали разбегаться. Фомич в этот момент окликнул, и женщина поспешно повела своего Рослика, а я пошел за ней.

— Вы здесь. — Фомич кивнул Егору и Даше. — Данила, за мной.

Мы, поправив на лицах повязки, вошли внутрь казармы. Дым полностью еще не рассеялся. Воздух был тяжелым, удушливым. На полу лежали вповалку люди, рубахи, свернутая шинель, ружья. У двоих в руках сабли. Остальные, видать, даже не успели проснуться. Я сразу отметил про себя: те, кто лежит без движения, умерли не от ран, а от асфиксии. Нехватка кислорода и токсины сделали свое дело.

Похоже, у троих помутнение рассудка случилось, и они принялись рубить спящих товарищей, а потом и друг с дружкой сцепились. Вот последний выживший из них, так сказать, и вылетел на нас.

У самой двери кто-то еще шевелился. Фомич шагнул первым и перерезал ему горло своим боевым ножом.

— Даня, ходу, нечего тут боле делать, вон ружья прихвати, — сказал Фомич, убирая нож.

Дарья ждала с мерином на углу, Егор уже подгонял ремни на ранце, устраивал его у себя за спиной. Я подошел к ним, таща за собой три подхваченных в сарае французских ружья. Приладил их к седлу мерина.

Склад с запасом зерна разгорался все сильнее. Уже и нас начало припекать. Нужно было уходить как можно скорее.

Фомич шел впереди, Дарья вела мерина в поводу, а мы с Егором замыкали. Нужно было добраться до наших лошадей и уходить отсюда.

До распадка оставалось совсем немного, когда Фомич вдруг присел и поднял ладонь. Я замер. Со стороны дороги слышались голоса и топот ног.

Между стволами показались бегущие по дороге солдаты. В отсвете пожара я успел насчитать восемь человек. Те ли это самые, что уходили днем, или другие, было непонятно.

Они спешили к мельнице. Нам нужно было переждать, чтобы перейти через дорогу и добраться до распадка. Но тут Дашин мерин начал нервничать и переступать копытами, а сначала всхрапнул, скотина такая! Дарья схватила его за морду, прижалась к ней щекой и что-то зашептала.

Однако и этого хватило: последний француз, уже скрывавшийся за поворотом дороги, притормозил и начал озираться. В отсвете пожара я успел разглядеть, как настороженно он смотрит по сторонам. Он, в отличие от своих камрадов, не спешил бежать к зареву, черт бы его побрал…

Глава 13. Язык врага

Француз постоял еще немного, потом шагнул с дороги к обочине. Фомич чуть довернул к нам поднятую ладонь. Я замер за деревом возле Егора. Тот осторожно опустил связанные ружья и Дашин узел. Свое ружье прислонил к стволу. За поворотом еще слышались голоса удаляющейся семерки.

Рослик переступил с ноги на ногу. Француз повернулся на звук и двинулся прямо к нам, держа ружье перед собой. Дарья прижалась к мерину, не отпуская его морду, похоже, продолжала ему что-то нашептывать, но уже беззвучно. Если будем отступать сейчас, то точно нашумим, и этот крендель поднимет тревогу.

Я вытащил боевой нож. Егор подался вперед, и я кивнул ему. Рослик стоял справа от нас, вот к нему на шум и направлялся француз. Когда приблизился почти вплотную, увидел нас и тут же вскинул ружье.

— А…

Егор бросился на него, отвел ствол и навалился всем телом. Я подскочил и всадил нож в бок. Солдат дернулся, захрипел, что-то даже попытался выкрикнуть. Но плотник зажал ему рот рукой. Француз, видать, успел укусить его за ладонь: Егор зашипел и выругался сквозь зубы.

Лягушатник перестал дергаться и обмяк. Мы замерли, вслушиваясь. Фомич смотрел в сторону поворота. Со стороны мельницы доносились крики, виднелось зарево горящего склада с мукой и зерном.

Мы ждали, что сейчас из-за кустов полезут остальные в поисках отставшего, но, видимо, и там у них забот хватало.

Я присел, коснулся шеи француза, пульса не нащупал. Мы с Егором быстро стащили с него ранец, подобрали ружье и патронную сумку. Дядька выглянул на дорогу, проверил обе стороны и поманил нас.

Плотник снова взвалил на себя поклажу и подхватил свое ружье. Дарья вывела Рослика, и мы поспешили перейти через колею. Я замыкал, держа трофейное ружье в руках. Благо никто нас так и не окликнул.

В распадке стояли наши лошади. Я отвязал Баловня, снял с плеча кожаную суму снабженца и закрепил у седла вместе с новой добычей. Стволов трофейных набрали с большим запасом, да и мелочевки всякой прихватили порядком. Егор помог Фомичу со Звездочкой. Дашин узел приладили к ее Рослику.

— Здесь оставаться не стоит, — сказал дядька. — Хватятся пропажи, могут поиски начать, хоть и темно. Так что пешком пойдем, чтобы успеть подальше отмотать отсюда. Ходу!

И мы, вытянувшись в цепочку, повели коней в поводу по распадку, отдаляясь от дороги и пожарища.

Выбрались наконец, и скоро Фомич вывел нас на полянку, прикрытую деревьями со всех сторон, и тут мерин Егора вдруг шарахнулся. Плотник потянул повод на себя, едва не угодив в яму.

— Тут подождем, покуда небе сереть не начнет, — сказал дядька. — Не то коней покалечим.

— Я сперва посижу, потом Егор сменит. Если голоса услышите — коней туда уводите. Без свету пойдем, и только когда прижмут, но, думаю, у них и на мельнице забот хватает.

Огня не разводили. Егор проверил привязи, ослабил подпруги, достал торбы с овсом. Дарья придерживала Рослика, пока тот жевал, похрапывая.

Я снял с седел связку ружей.

— И эти уволок?

— А что ж мне их бросить? — горделиво сказал Егор. — Связал да принес, нам всяко нужнее!

Со своим он почти не расставался. И вот теперь вместе с прихваченным у отставшего лягушатника у нас дополнительно появилось четыре ружья, кроме трех своих, что брали в этот выход.

Фомич поправлял левую руку в перевязи.

— Повязка не промокла? Пальцы, дядька, не растревожил?

— Нет, Даня, как обычно, ноет только немного, но я уж привык, видно, что легчает с кажным днем.

Я поправил ему перевязь. Рану в такой темноте ворошить незачем, на базе, как вернемся, уже погляжу. Теперь, когда появилось время, поклажу распределили между четверкой наших лошадей равномернее. Егор помогал, правда, пару раз морщился, когда задевал укушенную руку.

— Собака зубастая, это ж надо! — выругался он.

— Ополосни пока, при свете покажешь, — велел я. — Укус человека — штука поганная. Даже если зубы кожу до крови не прокусили, во рту всякой дряни столько, что легко может загноиться. Такие раны хуже сабельных заживают.

Он плеснул из фляги, промыл ладонь. Мы тоже попили, пожевали всухомятку то, что брали в дорогу. Дарья сидела возле своих вещей, уставившись перед собой, и молча жевала горбушку хлеба с кусочком сала.

— Вы, Дарья, ехать сможете?

— Смогу, куда ж я денусь!

Больше донимать расспросами ее не стали. Сам сел под дерево и только тут почувствовал, как заныли ребра. Та сволочь французская возле моста все-таки знатно меня локтем приложила, но я до этого на боль внимания не обращал. Подышал спокойно, устроился поудобнее. Проверять себя Щупом было сейчас явно не лучшей затеей.

Прикорнуть удалось, правда, урывками, но и то в радость. Да и остальные чутка сна урвать успели.

Разбудили меня, когда небо только-только начало сереть. Стало хоть как-то видно землю под ногами. Мы быстро вернули поклажу на лошадей, подпруги подтянули и двинули на базу.

Шли шагом, Фомич делал петлю. На крутом спуске пришлось спешиться. Егор придержал Звездочку, помог дядьке слезть, потом проверил, не съехала ли поклажа.

Я держался позади Дарьи. Она уверенно правила Росликом, но временами опускала голову и замирала. Мерин останавливался, она спохватывалась и понукала его вновь.

До большака оставалось немного, когда Фомич поднял руку. Из-за поворота донеслись команды и скрип колес. Мы отвели коней глубже под деревья, а сами устроились в кустах, подальше от большака.

По дороге шла пехота. Запыленные мундиры, ружья на плечах, подводы следом. Солдаты поправляли лямки, возницы покрикивали на лошадей. Перед нами прошло уж больше сотни, а из-за поворота появлялись новые и новые. И не понять, сколько их там еще.

Может, как раз этих и собирались кормить с мельничного склада? А теперь шиш им с маслом. Поглядел на тянущиеся по дороге подводы. Конечно, нашим налетом всю эту прорву не остановишь, но запас они потеряли немалый, а тут каждый день на счету. И Дарью забрали, так что точно все не зря.

— Долго еще? — шепнул Егор.

Фомич показал на подводы. За последней тоже шагали французы. Пришлось ждать. Дарья осталась с Росликом и нашими лошадьми подальше в глубине леса.

Наконец скрип колес начал удаляться. Дядька выждал, выглянул, проверяя, нет ли отставших, и велел двигаться. Пересекли колею, опять углубились в лес. Вот и попробуй по такому большаку своих догнать. На каждом шагу на картавого нарвешься.

От ночной стоянки до укрытия добрались примерно за два часа, уже при дневном свете. Под конец я только и думал, как бы слезть с Баловня да вытянуть где-нибудь ноги.

Фомич остановился перед знакомым проездом.

— Свои, Савелий! — негромко окликнул он.

— Вижу вас, — радостно отозвался егерь из-за деревьев. — Вижу, братцы!

Савелий вышел с ружьем в руке. Оглядел нас, задержал взгляд на Дарье.

— Ну, как вы там?

— Ушли, да и харчи их подпалили к чертям собачьим. Подробности уже опосля, дай хоть с дороги отойти, — ответил Фомич. — А это Дарья, помоги ей с Росликом.

— Савелий, — представился егерь, как мне показалось, даже поклонился и засмущался немного, а потом повернулся к нам. — Здесь тихо было. Лошадки все на месте, телеги тоже.

Дядька остался на посту наблюдать за подходами к нашему лагерю, а мы повели коней к ручью. Савелий показал Дарье, где поставить Рослика. Егор снимал тяжелую поклажу, мне достались вещи полегче, расседлали, обиходили коней. Одиннадцать их теперь у нас, с таким табуном еще управиться надо уметь.

Егор показал мне укушенную ладонь. Следы зубов и синяк виднелись хорошо, но кожа выглядела целой. Все равно позже надо еще глянуть. Пока я успокоил его, сказав, что французскую заразу тот солдат не должен был ему занести. Егор лишь рукой махнул. Закончив с лошадьми, плотник пошел сменять Фомича.

Савелий тем временем подогрел кашу, которую сварил еще до нашего прихода. Сала не пожалел, расстарался. Попили, поели горяченького. Я умылся и усадил дядьку поближе к свету.

Полотно сбилось, но крови не было. Предплечье немного припухло; пальцами Фомич шевелил, прикосновения чувствовал, значит кровоснабжение кисти не нарушено.

Я осторожно поправил повязку и удобнее уложил руку в перевязи.

— Ноет сильнее, чем вчера?

— Есть малость.

— Береги руку, дядька. Красноты и жара вокруг раны нет, так что заживает правильно. Через неделю поглядим, можно ли снимать перевязь и начинать помалу давать нагрузку.

Сам потянулся за чистой холстиной и невольно поморщился.

— И ты, Даня, себя побереги, — тут же заметил дядька. — Грудь тебе тот хранцуз отбил?

— Угу, который у моста, локтем заехал, собака. Болит теперь, когда повернусь.

— Тяжелое, гляди, не таскай, сами управимся.

Фомич вернулся на пост, а Егор принес Дарьин узел, снятый с Рослика. Савелий показал тропку к ручью, ниже места, где мы брали воду.

— Там умыться можно. Вещи ваши донести?

— Сама справлюсь, спаси Господи.

Я подошел, когда она осталась одна.

— Чистое полотно у нас есть. Вот, держите, можно вытереться, — сказал я, протягивая сверток. — И если рана какая, тоже скажите, поможем.

Дарья отвела глаза, чуть засмущавшись.

— Пока не надо.

Расспрашивать не стал. Отрешенность могла быть острой стрессовой реакцией. Только ни анамнеза у меня, ни осмотра; исключать травму на таком основании я бы не взялся. Взгляд у нее потухший, заторможенный. Скорее всего, без насилия не обошлось. В таком состоянии человек может даже не сразу почувствовать сильную боль. Пусть хоть знает, что может обратиться.

Она ушла с узлом к ручью. Мы остались у пещеры. Савелий устроил ей место сбоку от прохода, подстелил свернутую одежду.

Дарья вернулась умытая, в своем платье, с прибранными волосами. Держалась гораздо увереннее, хотя усталость с лица никуда не делась, а в движениях чувствовалась так самая деревянность, когда человек действует на пределе сил. Егерь неловко потянулся левой рукой за миской. Дарья придвинула ее поближе и села на приготовленное для нее место.

Савелий снова сменил Фомича на посту. Дядька вернулся к нам, присел, вытянув ноги, и поглядел на Дарью.

— У тебя тут близкие есть, дочка, к кому добраться можно? Коли искать кого надо или весть передать, ты скажи.

— Нет никого. Я родом из Тверской губернии, мещанка я. С дядюшкой жила в Юрбурге, у границы. Его туда служить определили, я с ним поехала, одну меня там не оставил.

— А дома родня?

Дарья покачала головой.

— Никому я там не нужна. Двадцать четыре мне уж, а все при нем была. Иван Петрович, мамин брат. Коллежский регистратор, при таможне бумаги переписывал. Он мне заместо отца был. Растил, учил всему, что сам знал. Читать меня выучил, по-французски тоже немного. Книги давал разные… Бывало, я ему вслух читаю, а он поправляет. Сердился, когда тороплюсь и слова пропускаю.

Она чуть улыбнулась, глядя себе на руки. Потом губы дрогнули, и улыбка пропала.

Про французский я запомнил, а Дарья помолчала и продолжила:

— Как наши отступать начали, он все надеялся догнать армию. Думал, поспеем. Пока собрались, пока отправились… А войска уже ушли. Ехали мы, ехали, а своих все нет и нет. «Не бойся, Дашенька, даст Бог, выберемся», — говорит.

Фомич сидел неподвижно. Савелий сглотнул и поставил миску на землю.

— А потом драгуны нас на дороге перехватили. Сперва вещи забрали. Потом один ко мне полез. Дядюшка его оттолкнул, меня грудью загородил … А тот саблей его…

Она осеклась, потерла запястье и всхлипнула, но быстро собралась. Похоже, недавние следы от веревки на запястьях саднили, но она даже не замечала этого, погруженная в воспоминания.

— Я к нему хотела. Он упал, а я к нему опять… Они меня за руки держат. Я вырывалась, кричала, а им, сволочам, хоть кол на голове теши. Может, ему еще помочь можно было. А они смеются. Уволокли меня, даже по-людски проститься не дали, не то что схоронить.

Дарья крепко сжала кулаки. Я уже потянулся за водой, но она снова заговорила, тише прежнего:

— Держали у себя. Потом на подводу посадили, к мельнице этой чертовой привезли. Велели в дом идти. Кто велел, зачем именно туда… Не знаю я. А в доме…

Она замолчала, прикусив нижнюю губу. На щеках у нее выступили красные пятна — признак того, что давление скачет, а дыхание сбивается. Я понял, что еще немного, и ее начнет трясти. Дядька больше не спрашивал. Я подал ей воды.

— Попейте, Дарья, отдохните, а они ответят, ответят за твои слезы, — сказал я.

Она взяла, но пить стала не сразу. Я отвернулся, будто поправляя подстилку. Не окажись тогда возле того моста рядом Фомича, что бы со мной было? Даже представить себе не могу. А она вот только что потеряла единственного родного человека.

Дарья отпила, вернула мне воду и вытерла губы краем платка. Фомич подождал еще немного, прежде чем заговорить.

— Надежные люди попадутся, — негромко сказал Фомич, — можно тебя куда подальше отсюда устроить. Коли захочешь.

— Оставьте меня с вами, хотя бы пока.

Она подняла голову и посмотрела прямо на него.

— Идти мне некуда. Одной я больше не хочу. Я обузой не буду. Постряпать, постирать умею, с конями управлюсь, дядюшка научил. Дома все сама делала.

— С Росликом твоим мы видели, как ты ладишь, — кивнул дядька.

— И еще… Вы меня с оружием научите? Стрелять меня научите! — с надеждой взглянула она на Фомича.

Тот посмотрел на нее уже иначе и вздохнул.

— Больше ждать, когда меня за руку потащит какой ирод, я не буду, — сказала Дарья. — Хочу ответ уметь дать!

— Покажем и научим, — ответил он после короткой паузы. — И оружие дадим. Только спешка в этом деле плохой помощник. Сегодня отсыпайся, отдыхай, а там видно будет.

— Начать с ружьем управляться и без стрельбы можно, — добавил Савелий. — Что куда, как держать, как чистить, как зарядить.

— Буду учиться, — сказала она, — научусь всему!

— Отдыхай, дочка, покуда, — немного поугомонил ее пыл Фомич.

Дарья потянулась было собирать посуду, но Савелий остановил:

— Отдыхай, Дарья. Я сам приберу, опосля. Сейчас Егора сменю, вы-то с ночи на ногах.

— Можно просто Даша, — чуть опустила взгляд она.

— Вот и добре, Даша, — подытожил дядька. — Команда дадена, иди отдыхать!

Егерь взял ружье и пошел к проезду. Вскоре вернулся плотник, пристроил свое ружье и молча повалился на подстилку. Дядька улегся поближе ко входу, Дарья легла на выделенном ей месте, подложив под голову узел.

Я осторожно вытянулся на спине. Перед тем как закрыть глаза, повернулся к Даше: она лежала на боку, лицом к нам, с раскрытыми глазами.

Проснулся я от негромкого стука. Савелий, зажав ружье коленями, пытался управиться левой рукой. Принесенные Егором трофеи лежали рядом. Сам плотник был на наблюдательном посту.

Ребра при повороте напомнили о себе. Я выждал, пока отпустит.

— Давай все переберем, — предложил поднявшийся Фомич. — Поглядим, кому что из этого дувана оставить.

Поспал я несколько часов; солнце уже перевалило за полдень. Пока я отдыхал, дядька с Егором сменяли Савелия. Подступы к лагерю без присмотра не оставляли.

Мы осмотрели все доставшиеся нам на мельнице стволы. У одного ружья замок требовал починки, у другого просто кремень шатался. Их пока отложили в сторону. Но был и один интересный экземпляр.

— Немецкий штуцер это, гляди, ствол какой: граненый, нарезной! — сказал дядька. — У полковника одного видал. Дорогая вещь, много дальше наших ружей такой бьет!

Я поглядел на изящную резьбу по дереву, украшавшую ложе, на нарезы в стволе. И правда интересная добыча!

— Пристрелять бы.

— Так не только его. Все новые надо испробовать. Только не здесь, — отозвался Фомич.

Из самых надежных на вид отобрали по одному ружью каждому. Всего пока отбраковали два, одно из них было наше без замка. Шатающийся кремень закрепили как надо. Теперь при необходимости можем засаду организовать: на человека будет уже больше двух выстрелов. Короче, огневая мощь нашего отряда мало-помалу растет.

Пистолей набралось шесть. Мне оставили пистоль Сеславина и офицерский, Фомичу, Савелию и Егору по одному, шестой — в запас. Решили, что попробуем Дашу из него стрелять научить, коли ей неймется.

Суму убитого у дороги вытряхнули рядом с прочим припасом. Отсыревшие патроны отложили в сторону, сухие Фомич подбирал к оружию, я раскладывал. Карамультуки разнились изрядно, и пули тоже. Тут одной меркой не обойдешься: к каждому стволу свой припас подбирать надо. В это время миллиметр в одну или в другую сторону чем-то невообразимым, похоже, не считается. То-то, видать, стараются пулю, в бумагу завернутую, в ствол зарядить, это хоть как-то нивелирует такие погрешности.

Пулелейки тоже сверили и разложили каждую к подходящим ружьям.

Из мешочков в кожаной суме высыпали немного монет и всякую мелочь. Егор проверил ремень с подсумком, я убрал чистую холстину из ранца на перевязки и стал доставать бумаги того интенданта.

Даша подошла поближе.

— И мне, может, какое оружие?

— Ты, девонька, не печалься, у нас нынче этого добра хватает, — ответил Фомич и отложил для нее проверенный запасной пистоль, пока без заряда. — Подберем, токмо сначала научить нужно, а не то и до беды недалеко.

Я прикинул собравшийся у нас огнестрел, припасы, количество лошадей и то, как вообще мы потихоньку прирастаем к этому месту. Вот бы еще выздоровели окончательно Савелий с Фомичом, тогда можно было бы дать французу прикурить, да еще как!

— Мало ружье иметь, нужно, чтобы еще и умение стрелять было, — заметил Фомич, поймав мой взгляд.

Я кивнул и взял стопку бумаг интенданта.

На верхнем листе столбиками шли числа. Разобрал несколько слов: мука, выдано… Дальше сплошные закорючки. Французскому я, естественно, обучиться не успел.

— Даша, поглядите? Вы говорили, дядюшка учил.

— Книги читала, а тут почерк такой… Но попробую. — Она глянула на первый лист, повернула его к свету и долго читала про себя.

— Здесь муку отпустили… Вот кому, не разберу. А это еще подвезти требуют.

— Вот тут не уверена, — призналась она, ткнув пальцем в размазанную строчку.

Мы перебрали несколько листов. Даша читала по строке, иногда возвращалась к началу, нечитаемое откладывала. Я уже решил, что ничего полезного тут нет, когда она замолчала над коротким требованием.

— Харчи для десяти пленных казаков…

— Перечитайте, — попросил я.

Фомич придвинулся.

— Неужто наши казаки там?

— Написано так. Они при постоялом дворе… Пост у западной развилки. Дорога из Больших Солечников к Ошмянам. Еще две подводы к отправке в тыл приготовить требуют.

— Наш большак это, выходит, — кивнул дядька. — Развилка та западней мельницы будет. От нас лесом всего несколько верст, но двора того не знаю. А харч им откудова?

Дарья провела пальцем по строке.

— Этому снабженцу выдать было велено, еще и подводы предоставить.

— Раненые, что ль, раз телеги им нужны?

— Об этом ничего нет.

— Меня вон тоже за собой тащили, — сказал Савелий. — Путы срезали, а до сих пор рукой маюсь. Без вас далеко бы не ушел.

— Поглядеть нам надо, — негромко сказал Фомич. — А как я после своим в глаза погляжу, ежели их брошу? Знал и прошел мимо. Э, нет, так не пойдет!

Дарья дочитала последние строки и пододвинула лист ко мне.

— Отправить одиннадцатого июля утром. Вот число и месяц. А само требование девятым помечено.

«11 juillet» я разобрал сам. Французы считали дни иначе, мы еще с посыльным это выяснили. Двенадцать дней разницы. Я положил палец возле даты и стал считать, сопоставляя срок с прошедшей ночью.

— Дядька, у нас нынче двадцать восьмое июня?

— Оно, кажись.

— Значит, у французов десятое июля. Выходит, отправка-то завтра утром.

— Так не поспеем? — спросил Савелий.

— Твою ж… — ругнулся Фомич. — Это ж прямо сейчас выступать надо, пока еще светло. А выйдет ли вытащить… Сперва поглядим, есть ли там кого вытаскивать.

Я оглянулся на ружья, прислоненные у входа в нашу пещеру. Вот и будет кому из них стрелять, если получится спасти тех казаков. Смотря, конечно, в каком они состоянии.

— Тогда чего сидим? — Я подскочил. — Воду надо взять, харчей в дорогу, полотно на перевязки. Если наши ослабли или ранены, вывозить придется.

— С подводой точно не поспеем, — сказал Егор.

— Без нее пойдем, верхами, — решил дядька. — Сперва узнаем, что там. Ежели повезет, то там и подводу раздобудем. Глядишь, кто из пленных и скажет, где наших искать, они-то небось с войсками были.

— Так понятно, где искать: на востоке, дядька, — сказал я. — Но от того не легче. Тут вон что творится, а дальше, думаю, бардака еще больше. Частей разных ведь много отступало, поди смешались все.

— Может, и так, — сказал Фомич, подымаясь. — Поглядим и узнаем.

Сколько мы уже ищем своих, и пока все французы попадались. А здесь десяток казаков. Может, хоть кто-нибудь из них и про Федора расскажет?

— Я остальные бумаги попробую прочесть, — сказала Даша. — Может, еще что найду. И если за пленными пойдете, я тоже помогать стану, с собой меня возьмите.

— Вот с бумагами и помоги, дочка. После сама отдохни хорошенько. Тут останешься покуда с Савелием.

— Ну что ж, поезжайте, — сказал егерь. — Мы с Дашей здесь останемся. Пригляд держать станем.

Решили идти втроем: дядька, я и Егор. В этот раз брали по одной верховой и по заводной. Может, пригодятся вывозить своих, да и доберемся так быстрее.

Взяли ружья, еще два в запас, пистоли все что были, по два на брата. Перед выходом проверили заряды, пустые перезарядили огненный припас и харчей в дорогу, тоже с запасом, в расчете на освобожденных.

Лагерь остался за спиной. После проведенной диверсии на мельнице не прошло и суток, а нас уже понесло в другое место. Мы проехали с полверсты, и перед поворотом я обернулся, разглядев Савелия с Дарьей. Молодая женщина стояла, прижав к груди бумаги интенданта, и, увидев мой взгляд, перекрестила нас на дорогу.

— Пора, Данила, пора. — Фомич поравнялся со мной. — С Божьей помощью сдюжим.

Глава 14. Успеть к живым

Я отвернулся и тронул Баловня следом за дядькой. До темноты надо было найти постоялый двор и поглядеть, можно ли оттуда вытащить наших.

По лесу шли шагом, быстрее никак. Заводной мерин то и дело отставал, приходилось подбирать повод и понукать. Версты через три справа на дороге послышался скрип колес. Фомич придержал Звездочку и показал, чтобы мы спешились.

Слез осторожно. Егор отвел своего мерина и остальных лошадей поглубже за деревья. Выглянули из-за кустов и перед нами открылась развилка. По дороге удалялась подвода. Дальше стоял постоялый двор с широким въездом; за ним виднелись хозяйственнее постройки разных размеров.

— Кажись, тут, — шепнул Фомич, оглядев дорогу. — Развилка, скорее всего, та самая. А постоялого двора я прежде не видал.

У въезда стояли два француза с ружьями. Еще четверо сидели возле крыльца, трое прошли к сараю, за домом и навесом тоже могли быть солдаты. Много их, а нас-то всего трое.

У стены сарая стояли две пустые телеги. А пленных казаков, ради которых приехали, нигде не было видно. Просто ворваться на постоялый двор, перестрелять всех и геройски освободить своих мы и не планировали, бред это. Но пока было непонятно, тут ли они вообще.

Хоть бы живые были. Бумага-то вчерашняя, за это время всякое могло случиться.

Дверь сарая распахнулась. Солдат отступил в сторону, пропуская связанных людей. Один ступал босой ногой прямо по камням, у другого голова перевязана, видны были и следы крови. Следом вышел пожилой казак с запавшими щеками и усталым лицом.

Я подался вперед. Фомич молча присел ниже и дернул меня за рукав.

— Не высовывайся, давай за мной!

Пленных повели за двор, к открытому месту возле канавы, а мы, пригнувшись, перебрались левее, за кусты. Отсюда канаву было видно лучше. К тому времени вывели восемь казаков. Их поставили в ряд, а напротив выстроились столько же солдат с ружьями. Еще шестеро вооруженных держались у постоялого двора и по сторонам. Ну и пара на посту у въезда тоже никуда не делась. Шестнадцать, и это только на виду.

Босой споткнулся. Сосед подхватил его связанными руками, помог выпрямиться. Пожилой казак повернулся к остальным, хотел что-то сказать, но солдат ткнул его стволом и заставил встать обратно. Он расправил плечи. Другой пленник, совсем молодой, смотрел себе под ноги.

Прозвучала короткая команда по-французски. Ружья мигом поднялись.

Я автоматом стал доворачивать ствол на солдат. Вот сейчас пальнуть, выскочить, ударить по ближайшему, только бы они не успели…

Но Фомич с силой дернул меня за рукав и тут же опустил ружье правой ладонью.

— Тут сам поляжешь и их не выручишь.

Он смотрел на пленных, стиснув зубы. Свои слова он прям выдавил из себя с горечью. Я глянул поверх его руки. До канавы было открытое место, справа и слева солдаты, за ними постоялый двор. Ну, свалю одного, дядька, допустим, второго. Остальные успеют и казаков добить, и нас положить. Куда ни кинь, всюду клин! До деревьев обратно не добежим. А еще и Егор с лошадьми тут неподалеку.

Все это я понимал, а вот тело рвалось вперед. Будто снова четырнадцать лет мне было, теперь и в мыслях. Злился на себя и на дядьку, что не давал мне действовать. И все же убрал палец со спуска. Надо собраться и раньше такие вот всполохи тушить, в другой раз Фомич может и не успеть.

Грохнул залп. Люди у канавы попадали, один завалился на спину. Дым от сгоревшего пороха поплыл над землей. Сквозь него я разглядел казака, пытавшегося подняться на локте. К нему подошел солдат, остановился рядом и добил того штыком.

Фомич подался вперед, но тут же замер. Я видел, как дернулись его скулы. Дядька медленно перекрестился правой рукой, по щеке скатилась слеза, которую он, казалось, и не заметил.

Восемь. Восемь казаков расстреляли, суки… А по бумагам…

— Дядька, их восемь, — прошептал я. — В бумаге десять было, харчей на десяток просили.

— Надо выведать, где еще двое, — просипел он. — За каждого! Слышишь, Даня, за каждого они мне ответят!

Если двое вообще оставались. Могли их и раньше вот так же, а могли увести или в сарае держать. Я отвел взгляд от канавы и стал оглядывать двор внимательнее.

Солдаты потянулись обратно. С другой стороны сарая открылась дверь. Из нее вытолкали молодого казака, он сделал два шага и обернулся, подхватывая второго.

Тот почти повис у него на плече, видно было, что берег левую ногу. Я прикинул взглядом: наступать на нее он не может совсем. Значит, либо сильный ушиб, либо кость задета, либо рана в мягких тканях не дает опоры. Отсюда, с расстояния, точно не скажешь. Прошли немного, остановились. Солдат подтолкнул их дальше. Раненый слегка осел, но товарищ его не выпустил, подождал, пока тот снова выпрямится, и шагнул вперед.

Папах на головах не было, синие чекмени порваны. Наши, это донцы, ей-богу, наши! Да и те, которых расстреляли, тоже.

Тут их остановили. Из постоялого дома вышел офицер, подошел к пленным, стал что-то спрашивать. Разговора мы не расслышали, а вскоре обоих увели обратно.

— Этих, похоже, завтра и повезут, не весь десяток… — шепнул Фомич.

Я кивнул. Живы двое, и один ранен, пешком ему далеко не уйти, значит, подводу возьмут. Хорошо хоть мы заводных взяли. Теперь, если выйдет отбить, лишь бы он сумел в седле удержаться.

Егор встретил нас вопросительным взглядом. Дядька коротко рассказал, что мы видели. Плотник опустил голову, выругался сквозь зубы.

— Здесь их не взять, — продолжил Фомич. — Утром дадим отойти подальше. На тракте попробуем отбить, а если конвоя шибко много будет, то пойдем следом, до ночлега выждем, и там уж…

Дядька с Егором уехали посмотреть дорогу, по которой, как мы думали, завтра пойдет конвой, а я остался с четырьмя лошадьми. Вернулись уже почти в темноте. Верстах в пяти от двора нашли подходящий поворот за пригорком, рядом тропа в лес имеется. Плотник по ней проехал. По его словам, пройти можно, от этого места до поворота лесом ближе, чем дорогой, и незаметно туда проскользнуть должно получиться.

— Дорога то под гору, то в гору идет, холмы, одним словом. Глядишь, если стрелять станем, то на постоялом дворе не расслышат, — сказал Фомич.

Мы запалили масляную лампу, накрылись дерюгой, и дядька стал чертить на земле свой план.

— Я тут, у дерева встану, большое оно такое. Вы с этой стороны встанете. Шагов двадцать пять до супостата будет.

— Давай, дядька, я возьму три ружья, — предложил я. — Тебе дай бог из одного прицельно пальнуть с упора, дальше пистоли и сабля. Егору тоже одно, так из ружей пять выстрелов будет.

Дядька кивнул. С пистолями выходило одиннадцать выстрелов, если все сработает. Куда именно встанем и кто по кому стрелять будет, решать придется на месте, когда посчитаем охрану. После стрельбы отходить решили тропой в лес.

— Раненого до коней тащить, похоже, придется, шибко близко к большаку ставить их нельзя.

— Донесу, — сказал Егор. — Не сумневайся, Фомич.

Все обсудив, мы начали выдвигаться. Вели лошадей шагом к примеченному Фомичом месту для наблюдения за большаком. Оттуда до постоялого двора будет пара верст. С него можно и конвой разглядеть, и, возможно, внести поправки в наш план.

Добравшись, сразу определили очередь дежурства на пригорке. С него открывался вид на большак и постоялый двор, правда, от последнего пока видать было только пару огоньков, надо утра ждать.

Я поел и лег, но стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором снова встала та канава. Упавшие люди, дым от пороха и то, как равнодушно солдат добил штыком последнего шевелящегося казака. Руки сами сжались в кулаки, сердце забилось чаще. Я знал это состояние - отходняк после боя, когда мозг прокручивает увиденное. В такие минуты нужно просто перетерпеть и заставить себя дышать ровнее.

— Дядька…

— Видел я, Даня, все видел. Отдыхай давай, не особо много у нас времени, лови каждую минуту.

Больше не говорили.

Когда небо посерело, стали готовиться. Я глянул укушенную ладонь Егора, попросил пару раз сжать и разжать кулак. Кожа целая, припухлость чуть спала. В моей практике такой укус требовал бы промывки антисептиком и курса антибиотиков, потому что человеческая микрофлора агрессивна и может вызвать тяжелый абсцесс. Здесь, похоже, пронесло, но я все равно еще раз прижег ему кожу винным спиртом, хоть Егор и шипел.

Остался наблюдать, а Егор с Фомичом отправились готовить место встречи за поворотом, уведя остальных лошадей. Ждать пришлось долго и наконец появилась телега. В ней сидели возница и пленные, если зрение меня не подвело, еще, похоже, два солдата. Сопровождало их четверо верховых. Шестеро противников, судя по всему, выходит.

Все-таки повезли, про дату не забыли, возможно, приказ был.

Телега выбралась из-за деревьев. Теперь лучше разглядел обоих солдат: один рядом с возницей, второй сзади, возле пленных казаков. Четверо верховых тоже на месте. Всего шестеро сопровождают.

Спустился к Баловню, забрался в седло. По большаку конвою еще версты три идти, надо поспешить к своим.

Егор и Фомич встретили меня на месте будущей засады.

— Шестеро. Четверо верховых, двое на телеге, там же наши пленные, — сказал я, слезая. — Еще возница.

— Ну… Стало быть, понятно, могло быть и хуже. Егор, уведи Баловня к остальным, я пока Даниле покажу, что тут и как. — Фомич махнул мне рукой. — Пошли, Даня.

Плотник увел Баловня, я подхватил три заряженных ружья, из которых планировал стрелять, и пошел за дядькой. Позиция моя была чуть выше дороги. Два ружья положил рядом, чтобы подхватывать было сподручнее. Третье, свое, оставил в руках наготове.

Дядька показал мне мой сектор стрельбы, а сам ушел на свою позицию и устроил ружье на опоре у толстого дерева. Егор засел ближе к отворотке на лесную тропу.

Скоро застучали копыта, заскрипели колеса подводы. Впереди двигались двое верховых, еще пара замыкала. С моего места были видны и казаки. Молодой временами поднимал голову,

оглядываясь по сторонам, раненый лежал, вытянув левую ногу. Их руки были привязаны веревками к телеге, это я разглядел.

Фомич показал мне переднего, затем указал назад. Я кивнул: дядьке первый, мне ближний замыкающий. Егору оставался второй задний.

До ближнего всадника было шагов двадцать пять.

Грохнуло справа. Почти сразу я нажал на спуск, замыкающий качнулся и свалился с коня. Его мерин развернулся, шарахнулся от телеги и понесся обратно. Впереди тоже загремели копыта: лошадь первого всадника унеслась за поворот, волоча слетевшего седока и поднимая пыль. Нога у того застряла в стремени.

Третий выстрел. Второй замыкающий развернул коня, но удержался в седле. Егор не попал, черт возьми!

— Браты, свои! Ложись! — заорал я.

Молодой казак навалился, закрыв товарища. Солдат сзади схватил его за веревку, потащил к себе. Передний вскочил рядом с возницей, поднял ружье. Я присел за стволом и взял второе.

Уцелевший из замыкающих спрыгнул с коня на другой стороне дороги и двинулся вдоль обочины. Пока его закрывала лошадь, пришлось ждать. Вот он шагнул дальше, показалась часть корпуса. Я выстрелил, попал, вроде как. Пуля ударила ему в плечо, развернув корпус. От такого удара другой бы бросил все к чертям, но этот устоял на ногах и даже оружия, собака, не выпустил.

С передка телеги полыхнуло. Где-то над головой пуля угодила в ствол дерева, и на меня посыпались листья и щепки. Я пригнулся, подхватил третье ружье. Дым уже сильно мешал разглядеть, куда делся стрелявший. Возница натягивал вожжи, лошадь пятилась, мотала головой, неистово ржала.

Второй передний всадник спешился и, скрываясь за лошадью, добрался до обочины, юркнул меж стволов деревьев. Вот этот к дядьке пошел. Француз выстрелил, а следом хлопнул пистоль Фомича. Видел лишь, как лягушатник завалился. Фомич показался на миг, с пистолем в руке.

— Бросай! — крикнул Егор.

Раненный мной приподнялся. В его руке мелькнул короткий ствол, грянул выстрел. Егор успел отшатнуться за дерево и ответил оттуда, добив подранка.

Стрелявший с передка спрыгнул за телегу. Под кузовом виднелись его ноги. Он шустро прополз вперед, поднялся и, показавшись сбоку от лошади, вскинул ружье. Тут я и разрядил последний длинноствол. Солдат упал там, где стоял.

Упряжная было рванулась к обочине. Возница повис на вожжах

На заднем борту еле удержался последний конвойный. Левой рукой он схватил молодого казака, а правой прижал тесак к его шее. При этом еще что-то орал вознице, то ли со страху, то ли командовать пытался.

Я выскочил со своей позиции, заходя ему со спины, и метров с трех разрядил пистоль в голову француза. Тяжелая свинцовая пуля ударила в затылок. Смерть была мгновенной, и тело обмякло раньше, чем он успел хоть как-то среагировать. Но инерция падения сделала свое дело: кончик тесака чиркнул по шее казака, оставив неглубокий, но длинный порез.

Пара шагов, и я оказался у телеги. Стащил француза с казака, сдвину тело, выдернул нож и срезал путы, которыми пленный был привязан к борту.

— Даня!

— Живой, дядька. Я сейчас.

Фомич ко мне не пошел. Держа саблю в правой руке, он стал проверять, нет ли еще подранков.

— Шею покажи, сильно он тебя? — спросил я парня.

— Поживу еще, — сказал тот, схватившись за порез.

Пальцы у него были в крови, но кровь шла не толчками, а сочилась понемногу. Значит, крупные сосуды не задеты, иначе он бы уже истекал.

— Пока лежи. Не вставай, сейчас прижму полотно к порезу, чтобы кровь остановить.

Пока я занимался перевязкой, Фомич подошел к вознице. Тот сидел возле переднего колеса, вжав голову в плечи.

— Ты откудова такой будешь?

— Тута я, с хутора. Подводу велели дать, и меня приставили. Я ж не солдат какой… Велели, а я чего…

— Стало быть, тебе же так лучше будет.

Дядька ударил того по башке, отчего возница тут же обмяк. Подоспел Егор, и мы вместе с ним закинули возницу в кузов.

— С дороги сводить надо, — сказал Фомич. — Егор, давай! Шустрее, шустрее!

Плотник повел упряжную, молодой уже слез и пытался помочь. Телегу развернули и протащили за кусты, в сторону лесной тропы. Далеко продираться не собирались, смысла не было, один черт бросим, а кому надо, все равно найдет.

Я шел рядом с телегой, срезая веревки, которыми были привязаны к борту руки раненого. Лошадь остановилась, колесо угодило в яму.

— Поможешь? — Егор слегка хлопнул молодого казака по плечу. — Собрать надо оружие, если силы на то имеются.

Тот кивнул и поспешил за плотником, я тоже двинулся следом. Дядька на дороге уже одной рукой ловил двух оставшихся от конвоя лошадей. Они были там, где французы спешились. Остальных и след простыл, гнаться за ними не собирались. На седла добытых лошадей навязали шесть ружей с патронными сумками. Плотник прихватил еще пистоль, из которого в него стрелял задний верховой.

— И сапоги заберем. Там разберем, кому какие, а то негоже босыми-то, так много не навоюешь! — сказал Егор, стягивая с французов уже третью пару сапог.

Обувку тоже приладили к поклаже. Наши пять ружей собрали с оставленных позиций. Заряжать не стали, торопиться нам надо.

Молодой взял за повод одного трофейного, Фомич повел другого, а мы с Егором подхватили из кузова раненого казака и поспешили за ними.

Когда добрались до наших лошадей, раненый приподнял голову.

— Верхом-то сможешь, молодой? — спросил его Фомич.

— Давайте… попробую. Куда я денусь.

Егор с молодым подняли его. Я придержал левую ногу, пока они помогали перебросить через седло правую. Поддержали, пока тот отдышался. Плотник закрепил его ремнем, чтобы не свалился ненароком. При такой тряске любая нагрузка на ногу приводит к дикой боли и риску, что рана снова откроется.

Забрался на Баловня, снова пережидая боль в груди. Тронулись шагом, дядька замыкал. Я вел в поводу мерина с раненым.

— А мужика-то того зачем? — негромко спросил Егор дядьку.

— Еще спасибо скажет, когда хранцузы его найдут. Так хоть, глядишь, в живых оставят.

Раненый покачивался в седле, держался за луку, хоть и с трудом. Лицо у него было бледное, на лбу выступила испарина. Приходилось осаживать Баловня, чтобы его мерин не отставал и шел ровнее. Как доберемся до более-менее безопасного места, там уж осмотрю бедолагу и ногу его погляжу.

За очередным изгибом тропы остановились. Фомич остался смотреть за подходом, а Егор с молодым сняли раненого с мерина и уложили на подстеленную дерюгу. Я поддерживал больную ногу. Коней отвели чуть в сторону, привязали.

— Петр Ефимович Кожин, рожак Усть-Аксайской станицы, — представился молодой, — а это Трофим Лукич Агафонов из Старочеркасской.

— Егор Леший, — назвался плотник.

Я едва не расхохотался. Нервное, похоже. Фомич округлил глаза, дернул усом. Вот ведь, столько вместе прошли, а фамилию Егора и спросить не довелось.

Повязка Петра на шее почти не пропиталась кровью, повезло, что порез поверхностный был. Я присел возле второго казака.

— Трофим Лукич, ногу твою погляжу?

Тот перевел взгляд на Фомича.

— Доверься, брат. Данила мне руку, считай, спас, знает, что делает.

Прилипшую повязку пришлось немного размочить. Под ней открылась рваная рана на наружной стороне голени. Края отекли, покраснели, кожа вокруг была горячей.

— Давно ранило?

— Перед пленом ешо. Сколько дней уж… Сам запутался.

Стопа теплая, мои прикосновения чувствовал, пальцами шевелил. Вокруг раны четко виднелись признаки начинающегося воспаления: сильный отек, краснота, кожа на ощупь горячая. Похоже, повреждение мягких тканей глубокое. Но целость кости одним взглядом не установишь, а проверять сейчас под нагрузкой я не собирался.

Коснулся кожи возле раны, осторожно пустил в дело Щуп. Под пальцем ощущалось плотное сопротивление. Постарался воздействовать на самое воспаленное и болезненное место, чтобы снять напряжение тканей и улучшить отток. Трофим аж зубы разжал и выдохнул.

— Полегче стало… Благодарствую!

Я остановился на минутку, голову немного повело. Боль я унял, дал тканям передышку, но воспаление осталось. Без антибиотиков лечить его придется долго, и надежда только на крепкий организм и на то, что Щуп поможет справиться с местной инфекцией.

— Петр, придержи ногу. Егор, чистое полотно достань.

Убрали доступную грязь, обмыли рану кипячёной водой из своего запаса. Я наложил повязку из чистой холстины. Под голень, пока не тронулись, подложили свернутую одежду.

— До укрытия довезем, там и займусь тобой, Трофим Лукич, уже как следует. Пока на ногу не наступай.

— Да какое там, — невесело усмехнулся он.

Фомич продолжал наблюдать, а мы с Егором зарядили наши пять ружей и разряженные пистоли. Трофейные стволы оставили висеть на конях: после поглядим, что там нам досталось.

Петр подался ближе к Фомичу.

— Вы-то сами откуда будете?

— С Раздорской. К своим вот пробиваемся, в полк Денисова Седьмого, — ответил Фомич. — Я вот Данилу Бодрова сопровождаю…

Петр повернулся ко мне.

— Бодрова? Не есаулу ли Федору Михайловичу родня?

Я замер с патронной сумкой в руках.

— Брат это мой…

Глава 15. Не для меня

— Да, видел я его, — сказал Петр, разглядывая меня. — Под Большими Солечниками. Живой был твой брат тогда.

Я опустил глаза на патронную сумку, которую сжимал до белизны пальцев.

— Когда видел?

— Через шесть дней, как француз Неман перешел это было. Мы там с подводой застряли, мы ж из полка Власова Третьего, в десятке нашем приставлен помогать Трофиму Лукичу с перевозкой припасов, лошадьми, и всяким. Вот тогда наш полк и пересекся с полком брата твоего. Помню, тогда колесо на съезде в яму угодило, а в кузове раненый лежал из наших, да много припасов нагружено. Ваш есаул своих остановил, вытягивать велел. Я с ними тогда и толкал, насилу выбрались. Он дождался, и после уж своих казаков дальше повел. Там и фамилию Бодров услыхал, и что Федором Михайловичем его звать. Да и… — посмотрел он на меня внимательно, — похож ты на него шибко.

— Самого-то близко видел? — спросил Фомич, не отходя от тропы.

— Говорю же! Рядом стоял! Тут уж не спутаю.

Хотелось еще порасспрашивать. Как выглядел, что говорил, хоть какую-нибудь мелочь услышать.

— А дальше куда они пошли?

— Куда полк Денисова Седьмого направился, точно не скажу. Нам-то другое дело поручено было, а вот где они теперь, того не ведаю, не обессудь.

— Сам он не ранен был?

— Не приметил. На ногах стоял, потом в седло лихо вскочил.

Вот ведь... Хорошо бы мне самому до него добраться, поговорить с братом наконец. И про здешнюю жизнь, и про семью в Раздорской, и про наши родовые ухватки.

Я покосился на Трофима. Тот пытался переложить больную ногу, морщился, втягивал воздух сквозь зубы. Подкладка съехала, голень лежала на самом ее краю.

Ладно, и потом поговорим. Может, как Лукич оклемается, тоже что поведать про брата сможет, а пока его нужно поскорее довезти до нашей базы.

— Петр, Егор, помогите его поднять. Дальше двигаться нам пора.

Мы подняли и усадили Трофима, закрепили ремнем. Петр пошел рядом с мерином, а я забрался на Баловня и взял второй повод.

— Лесом обойдем, — сказал Фомич. — Два коня конвойных ушли, да и хуторянин тот очнется, расскажет французам, как пить дать, выбора у него не будет.

Дядька повел одну заводную, Егор остальных трех. Шли шагом, на тесном участке спешились, провели коней по очереди.

Скоро Трофим начал горбиться и вцепился в луку, на вопросы почти не реагировал.

— Стой, дядька! Снимать Лукича надо, вымотался он.

Уложили его на дерюгу, тряска дала о себе знать. Петр дал Лукичу воды. Фомич тем временем сорвал у края тропы несколько молодых листьев, ополоснул водой из фляги и протянул раненому:

— Пожуй маленько, брат.

Щавель кислый, Rumex acetosa. От кислого вкуса рефлекторно усиливается слюноотделение, сухость во рту станет меньше. Но особого облегчения это не даст.

— И этому тебя дед мой научил? — улыбнулся я.

— Щавелю-то? Окстись! Его все знают. Дед твой много чего другого сказывал. Да меня и мой пращур в лес водил с малолетства, тоже кой-какую науку от него перенял.

Трофим пожевал, сморщился:

— Кисло, аж скулы свело. Испить еще дай.

Напоили, подождали, пока отдышится, и снова усадили на мерина.

Дальше останавливались еще несколько раз. То подкладку поправить, то дать Трофиму отлежаться немного. Петр с Егором менялись: один шел у раненого, другой принимал заводных.

Для долгого привала Фомич выбрал заросшую ложбину с ручьем. Трофима уложили на ровном месте, Егор занялся конями. Дядька проверил подходы и остался у края стоянки, откуда мог нас слышать.

Петр подоткнул одежду под ногу старшего товарища.

— Урядник наш тоже раненого бросить не дал, — сказал он негромко.

Трофим повернул к нам голову. Теперь он дышал ровнее.

— А как вас от своих отрезало? — спросил я.

— Расскажи ты, Петр, — сказал Трофим уже без прежних пауз.

— Нас тогда у моста оставили… — начал молодой казак.

— На Березине, за Ольшанами. От Солечников-то наш полк с Денисовым рядом отходил, потому-то мы твоего брата и увидали. А после нас к мосту отрядили. Своих пропустить, переправу порушить и следом уходить, нагонять, значиться. Старшим урядник наш был, Гаврила Ермилов. С ним сын его, Митрий.

Петр оборвал травинку, покрутил в пальцах.

— Дмитрий, значит. Отец его все Митей звал, даже когда сердился. Дюжина нас была в десятке. Все они дорогу стерегли, коней держали, а мы с Лукичом мост готовили к подрыву. Деревянный он, небольшой, можно было поджечь, но хотели побольше француза перебить.

— Тебя за умение во взрывном деле отправили с десятком? — спросил я Трофима.

— Меня-то, — отозвался тот. — Я из второй роты донской конной артиллерии. И вот несколько нас отрядили в полк Власова Третьего для пионерного дела. С припасами дело имел, знаю хорошо. И мосты прежде рушить доводилось. Петрушка мне помогает, уж знает, что подать, где придержать. Я его выучил неплохо.

— Это верно, — подхватил Петр. — Что скажет, то и делаю. И вот на той стороне всадники показались, драгуны, похоже, ихние. Наши постреляли, к коням отходить стали. Помню, как Федот Сапрыкин, кричал Ермилову: «Без Лукича не уводи!» Будто урядник нас бросить собрался. А ведь и сын его, Митя, с ружьем возле моста лежал, прикрывал нас.

Трофим пошевелил губами, но ничего не добавил.

— Мы подожгли шнур, и рванули. Когда десяток или более хранцузов на мост сунулись, тут и грохнуло. Настил горбом вспучило, и вместе с ними он в воду ухнул, добре так получилось. Мы к своим бегом, но только добрались до коней, из-за деревьев по нам стрелять начали. Вышло, что другие хранцузы обошли, может, другим мостом, и аккурат впереди нас очутились, дорогу перекрыли. По коням стрелять начали, Лукичу там в ногу досталось.

— Еще и конь подо мной завалился, — добавил Трофим.

— Ермилов верхом пробиться хотел. Нескольких сшибли, уж думали, выскочим. А там еще и еще идут, ироды! Мы внизу остались, на берегу, кто без коня, кто ранен. Дорога-то одна, а на ней хранцузы. Сзади вода и те уже переправляться в брод начинают, нас подпирая.

Я хотел спросить об уряднике подробнее, но Трофим закрыл глаза. Петр еще немного посидел, глядя на оборванную травинку, потом поджал губу и отбросил ее.

Получается, те восемь, расстрелянные у канавы на постоялом дворе, из их десятка. Перед глазами опять встал молодой казак, смотревший себе под ноги. Митя ли это был? Надо бы еще расспросить, отчего не всех расстреляли, пока непонятно. Да только Лукич едва шевелился. Ладно, успеется.

Фомич вернулся от тропы, окинул взглядом раненого и молча кивнул мне: мол, пора.

Последний участок дался тяжело. Лукич обвис, Петр шел возле него, придерживая за пояс. У меня и самого периодически простреливало грудь. Когда показался знакомый склон, хотелось уже перейти в намет, чтобы поскорей добраться. Фомич свернул к проезду, остановился, прислушался.

— Свои, Савелий!

Егерь вышел из-за деревьев, оглядел нас по очереди. На Петре задержал взгляд, потом увидел Трофима и поспешил навстречу.

— Сюда его, давайте. У входа место свободно.

Дарья отставила котелок и подбежала к нам.

— Даша, воды нагрей. И чистую холстину достань.

— Сейчас сделаю, как раз все перестирала, высохло уже!

Она убежала, а мы с Петром и Егором сняли раненого и понесли его на подстилку перед пещерой. Дарья скатала валик под голову Лукича.

Поклажу сняли, трофейные ружья сложили отдельно. Дядька с Егором отвели наших лошадей и пополнение к тем, что стояли здесь, на поляне у ручья. Напоить, дать отдохнуть, овсом опять же побаловать. Тринадцать голов теперь у нас как-никак. Егерь же вернулся на пост наблюдения.

Я вымыл руки и вернулся к Трофиму. Он лежал у входа, где было достаточно света. Отвечал на удивление членораздельно, дышал, правда, часто. Озноба не было, но испарина на лбу и сухие губы мне не нравились. Я нащупал пульс на запястье - частый, хоть и ритмичный. Это могло быть и от перенесенной тряски, и от начинающейся интоксикации. Дал ему попить и подождал, пока отдышится. Лоб потрогал: температура повышена, но, думаю, не сильно больше 37 будет.

Дарья принесла воду и полотно для перевязки. Петр по моей просьбе подхватил ногу под пятку, не сдавливая голень.

Приставшую холстину размочил и осторожно снял. Выделения пропитали ткань, свежей крови уже почти не было. Я осторожн надавил пальцами вокруг раны, проверяя, нет ли флюктуации. Кожа была плотной, гнойник еще не сформировался, но подкожная клетчатка на ощупь казалась воспаленной. Лезть глубже и раскрывать рану пока не стал.

Явных проблем с кровоснабжением не приметил, но с костью пока непонятно. И воспаление никуда не делось. Как силы восстановлю, надо его попробовать Щупом осмотреть.

Убрал грязь, обмыл доступную поверхность кипяченой водой, наложил чистую повязку, не затягивая ее туго. Под голень уложили свернутую одежду.

— Я при нем побуду, — сказал Петр.

Дарья показала ему, где стоит питье.

— Довезли, Трофим Лукич. Теперь лежать будешь и ждать, пока нога заживает, но то поправишься непременно! Так что думай о лучшем., — подбодрил я его.

— Поесть бы чего, — попросил он.

— Скоро устроим, с харчами благо у нас тут проблем нынче не наблюдается, — подмигнул я ему.

Потянулся убрать полотно. Дарья забрала у меня сверток и протянула кружку.

— Сядь уже, Данила, и сам передохни.

Спорить не стал. Сел рядом с подстилкой, принял воду. Можно было наконец и мне ноги вытянуть.

Дядька рассказал Дарье и егерю, как мы отбили Петра с Трофимом. Петр дождался, пока он закончит свой рассказ:

— А с остальными нашими вы не видали, что случилось? — вздохнул он, сам, похоже, зная ответ на свой вопрос.

— Вчера восемь казаков вывели и расстреляли возле канавы, — ответил я. — Потом вас с Лукичом из сарая выгнали, но ненадолго.

— Да, так и думал. — подтвердил Фомич, прикусив губу.

Петр опустил голову. Трофим долго смотрел куда-то мимо, потом перекрестился.

— Залп-то мы слышали, — сказал наконец Петр. — Но из сарая того не видно было ни черта… Думали, может, не их, хотя знали, что должны стрелять.

— Двенадцать нас было. Никита Маслюк и Денис Чигирин при прорыве еще легли, у того моста. Остальных взяли, вместе держали поначалу, отправлять собирались. А тут ихний офицер приехал, из тех, что у моста на нас наскочили. Через переводчика объявил: мы ему то ли родича, то ли друга зарубили, тоже офицера. Кем он ему приходится, я не понял, да и какая разница. За него и прочих убитых приказал нас расстрелять.

Петр потер ладонью лицо.

— Только вот нас с Лукичом тогда же отдельно заперли. На допросе сказали, мол, знаем, кто мост к подрыву готовил.

— Я про прежнюю службу при орудиях не говорил им ничего, — подал голос Трофим. — А они знали.

— Откуда? — спросил Фомич.

— Переводчик говорил, у моста нас видели, и все тут, — ответил Петр. — Лукича за умение с порохом обращаться оставили. Меня при нем, как помощника. На работы, сказали, под караулом отправят.

Кто-то выдал? Вполне может быть, да и сами французы насмотреться успели. Обвинять пока некого.

— Гаврила мог уйти сразу, — проговорил Трофим. — Но нас не бросил. И Митя с ним, и Федот Сапрыкин…

— Митька все возле отца держался, — добавил Петр.

Вспомнился молодой казак у канавы, рядом с пожилым. Похоже, то и был Митя.

— Мы рядом были, когда по ним стреляли, — сказал я. — Только вмешаться тогда не смогли.

Петр вздохнул и положил руку Трофиму на плечо.

— Зато нас вытащили, а мы про братов наших не забудем! Мы этому хранцузу еще кровушки попортим!

Я кивнул, соглашаясь. Фомич сидел, опустив глаза. Савелий тоже молчал. Мне подумалось, что опыт Лукича и Петра в работе со взрывчаткой может здорово пригодиться.

Дарья сняла котелок с огня. Над ним плыл густой одуряющий пар, пахло мясом и разваренной крупой.

— Савелий двух зайцев силками взял. Вместе сняли, а разделывать мне пришлось, — сказала она. — Он только подсказывал, как да что делать. Так что у нас свежатинка к столу появилась.

— Ну ты тоже скажешь, Даша, — чуть засмущался наш егерь. — Сама мне и с силками подмогла, и добычу разделать. А не то наш дохтор не велел мне правой махать, а без нее какой я работник, одно название!

— Так справились ведь, — улыбнулась Даша. — Это главное, а рука твоя заживет, дай только срок!

Без нас они в лагере навели порядок, воды вон для питья накипятили, еду приготовили. В общем, сиднем не сидели, а Даша так еще и перестирать кучу всего успела.

Савелий потянулся за миской левой рукой.

— Ну что теперь делать? — спросил егерь, посмотрев на раненого Трофима.

— Пока останемся. Лукичу нужен покой, да и у вас с Фомичом руки еще не зажили. Прорываться на восток, возможно, с боем придется, французы на всех дорогах.

— Да это верно, в полк бы надо, — сказал Петр. — Только без Лукича никуда не уйду.

— Оставьте меня, — отозвался Трофим. — Чего уж теперь. Харчей оставите, я сам поправлюсь потихоньку и выберусь потом. Не все ж лежать буду.

— Сиди уж, — махнул рукой Фомич. — Выберется он. За дураков-то нас не держи.

— Егор пододвинул котелок удобнее и, стараясь сменить тему, заговорил о том, что с утра надо перебрать поклажу. Да и ружей, мол, скопилось немало, а все пристрелки требуют. Тут тоже надо место подходящее найти и подальше, чтобы сюда любопытных не навести, может, балку какую поглубже. — Он вопросительно глянул на Фомича.

— Чего ты на меня так зыркаешь? Есть тут одна, не шибко глубокая, но есть, можно там пострелять. А ружья, добытые проверить нужно обязательно!

Только я доел кашу с зайчатиной, как Дарья сразу положила мне добавки. Больно уж вкусная вышла!

— Вот это каша! — Егор кивнул Дарье. — Знатная вышла, всем кашам каша!

— Печку бы нам внутри сложить, — сказал Леший, поглядев на пещеру. — И места прибавить можно, есть у меня идея.

— Ну, какую каменку слепить, то нам под силу, вот только как дым из нее отводить станешь? — спросил Фомич.

— Погляжу сперва, а там придумаем. Еще надо все-таки щит понадежнее поставить на вход, от мышей там каких.

— Ой, Леший ты, Леший! — улыбнулся я. — Ты что, неужто не знаешь, что мышам полевым до нас пока особого дела нет? У них и в лесу прокормиться хватает, это же не городские. А вот если до холодов просидеть, то тогда уж и попрут. Но то, что предлагаешь, и правда сделать надо.

— Что, и правда, Егор, у тебя Леший фамилия? — приподнял бровь егерь.

— Правда, ну а чего такого-то? — пробасил тот и сам хохотнул, отчего все вокруг заулыбались.

— Вот я и говорю, ежели мы тут задержимся, то надо место наше подготовить получше, — продолжил Егор. — Например, большие неровности в пещере подравнять на полу и потолке, чтобы головой не биться.

Когда доели, стали пить отвар на собранных Дашей лесных травах. Душистый такой, бодрящий вышел.

Петр поглядел в пустую посуду.

— Хорошо сидим. Вот бы еще наш десяток жив остался…

Он чуть отвернулся в сторону и вздохнул. Перед моими глазами опять встали восемь казаков у той чертовой канавы. И тот молодой, с опущенной головой, может, Митя. Потом француз, добивающий последнего штыком. Я опустил кружку. Вспомнилась мелодия из моей прежней жизни, слышал ее по радио несколько раз, и так уж она мне запала в душу. И я негромко запел:

Любо мне, когда Дон разливаетсяИ зеленеют рощи по веснеИ туман над рекой расстилаетсяАй, до чего же любо мне

Любо мне, когда зоренька ясная Багрянцем отражается в окнеИ блестит в куполах солнце красноеАй, до чего же любо мне

Любо мне, когда песня знакомая Растеребит сердечно душу мнеИ в кругу за столом вся родня моя Ай, до чего же любо мне

Любо мне, когда в тихой обители Церковный праздник на молебенеПризывают Николу СвятителяАй, до чего же любо мне

Любо мне, когда удаль горячая Наводит страх на басурман и мнеЛюба добрая слава казачаяАй, до чего же любо мне

Глава 16. Семеро

Я закончил петь последнюю строчку и замолчал. Петр смотрел на меня, а Лукич чуть приподнялся на локтях.

— Откуда такая песня, Данила? — спросил Кожин. — У нас на Дону не слыхал ни разу.

— Будто дома побывал, — негромко отозвался Трофим.

Я пожал плечами:

— Слышал пару раз. А где, не скажу. Головой я недавно крепко ударился, теперь тут помню, там не помню…

Фомич задумался, потом хлопнул меня по плечу:

— Хорошая песня, Даня.

Похоже, опять на мою пропавшую память списал. Ну и ладно.

— Очень... Очень хорошая, — сказала Даша, вытирая слезы.

Лукич опустился обратно на лежанку. Петр вздохнул и потянулся подлить травяного отвара из закопченного котелка.

— Пока Лукич не окрепнет, здесь побудем? — то ли сказал, то ли спросил я и поймал взгляд егеря. — И вам с Фомичом руки поберечь надо.

Дядька кивнул мне, а Егор, подумав, повернулся к низкому входу в нашу пещеру.

— Тогда завтра с утра за хозяйство возьмемся.

— А за француза когда возьмемся? Война ведь идет! — добавил Савелий. — Втроем мы сколько уже им палок в колеса напихали, а теперь вона нас! Еще бы рука зажила, показал бы я тогда, чего егери стоят.

— Заживет. Главное, до срока ей лишка не тряси! — улыбнулся Леший.

Егерь потянулся было возразить, но только отмахнулся левой.

К брату я по-прежнему собирался. Только куда сейчас рваться с ранеными да калечными, которых отчего-то не убавляется, а только прибывает? Да и не знаем, где искать полк Денисова. А отсиживаться всю эту войну мы уж точно не будем, тем более что у нас появился Лукич. Нам тут не столько его руки нужны, сколько голова, так что повоюем!

Егор поднялся, взял ружье.

— Я первым сегодня встану, потом Савелия разбужу.

— Добре. Тогда потом Петра подымайте, а я уж собачью вахту под утро отстою, — одобрил Фомич. — Остальным спать!

Я не стал возражать, поймав суровый взгляд дядьки.

Дарья собрала посуду. Петр поставил возле Лукича питье и улегся рядом. Я осторожно вытянулся на своей подстилке, устроив голову поудобнее.

Наутро проснулся от негромких голосов у входа в пещеру. Егор собирался сменить Фомича на посту. Я осторожно потянулся, вдохнул. В груди покалывало, но уже не так сильно, да и привык, видать.

Когда позавтракали, Фомич уже вернулся, а я, умывшись, подошел к Лукичу.

— Как ночь прошла?

— Дремал понемногу, — ответил Петр за него. — То попьет, то опять уснет. Нога ныла временами.

— А сейчас как, Трофим Лукич? Погляжу?

— Гляди, Данила. Ноет, куда деваться.

Дарья принесла кипяченую воду и чистую холстину. Света возле входа хватало; перетаскивать раненого не пришлось. Я вымыл руки, попросил Петра придержать ногу и осторожно размочил приставшее полотно.

Присохшая холстина снялась тяжело, пропитавшись сукровицей и грязным отделяемым. Края раны оставались припухшими и красными, кожа вокруг была горячей. Я прощупал стопу: она была теплой, пальцы порозовели, а нажатие на ногтевое ложе быстро возвращало нормальный цвет, значит, крупные сосуды не задеты и кровоснабжение сохранено. По сравнению со вчерашним хуже вроде не стало, но воспаление никуда не делось.

Коснулся указательным пальцем кожи рядом с раной и сосредоточился. Щуп отозвался знакомым сопротивлением. В одном месте ткань поддавалась легче, в другом словно упирался в туго натянутую резину.

Вот здесь, ближе к центру, ощущалось плотное, горячее уплотнение - воспалительный инфильтрат. Проверил рядом, убедился в догадках и вернулся к той же точке. С костью по-прежнему было неясно: ощупать ее через такой отек не получалось, но, по крайней мере, грубого смещения отломков я не чувствовал. Хорошо хоть явного скопления гноя под кожей пока не было.

Задержал палец над плотным участком и попытался воздействовать, как тогда, на привале. Не спешил, следил внимательно за своими ощущениями. Я чувствовал, как спадает напряжение в тканях, и отек будто немного отступает. Еще не полностью, но прогресс есть. Отнял руку, подождал чутка и проверил снова.

Да, разница была. Даже при обычной пальпации чувствовалось, что ткани в этом месте стали мягче. Похоже, удалось слегка уменьшить воспаление. До заживления еще далеко, но если выйдет, то я смогу его значительно ускорить.

— Полегче?

— Все так же ноет, — ответил Лукич.

Я кивнул, продолжать не стал: голова уже начала тяжелеть. Хорош пока!

Обмыл доступную поверхность раны. Дарья подала чистое полотно, и я наложил повязку. Лукич напился воды и прикрыл глаза.

Немного передохнув, я подошел к Егору с Фомичом. Они прикидывали, как разместить в пещере всех семерых. Старый настил с припасами пока не трогали.

— Здесь большой бугор на полу, а тут в двух местах сверху головой цепляешь. Надоело уж вечно пригибаться. — Егор показал на два выступа над проходом. — А там мешки, и ноги не вытянуть.

— И к Лукичу подход нужен удобный, да свет для перевязок не мешало бы организовать.

Песчаник мы уже подрубали, когда настил ставили, было дело. Егор приложил долото к небольшому выступу пола, несколько раз стукнул деревянной колотушкой. Посыпалась крошка, отлетел небольшой кусок.

— Пойдет, только возни много. Пол подровняем, эти выступы собьем, тут на день мне работы, может на два. Просторной горницы не получится, но хоть лбом перестанем биться.

До начала пыльных работ Петр с Егором перенесли Лукича вместе с подстилкой наружу, перед входом в пещеру. Следом вынесли порох, оружие и поклажу, которую следовало уберечь от пыли.

— Спать бы нам тоже надо повыше от земли, — сказал я, вернувшись внутрь.

— Так, Данила, нары сделаем. Стойки, поперечины, сверху жерди. Настил мы с тобой, когда ладили, то наспех веревкой вязали, а тут лучше на шипы посадить. Бурав у меня есть, долото тоже, вот шипами все и скрепим, уже по уму.

Я согласился. Гвоздями мы так и не разжились, и в строительный магазин не сходишь. Вообще гвозди сейчас большой дефицит: нет их производства в промышленном масштабе. Все делают кузнецы, потому и товар редкий, дорогой. Теперь, когда вспомнилась фраза из прошлой жизни «без единого гвоздя наши предки построили», начинаешь понимать: это они делали потому, что не было тех гвоздей-то, и вариантов строить по-другому тоже не было.

Фомич правой рукой помогал Егору размечать места под будущие нары. Сначала Лукичу поставим и еще пару вдоль одной стены, потом остальные. Между нарами наметили проход, у Лукича пошире, чтобы к ноге можно было подобраться, никого не перешагивая. Дарье отвели небольшой закуток сбоку, там и дерюгу можно будет повесить. Прикинули место для стола с лавкой, но пока отложили это на будущее. Щит на вход тоже после сделаем: от ветра и чужого взгляда прикроет, а снаружи еще ветками замаскировать запланировали.

— С печью-то как? — спросил я. — Дым куда пускать станем? Надо чтобы он не выдал нас.

— Сверху поглядеть надо, — сказал Егор. — Может, щель есть какая. Тут узкая, а дальше к поверхности может и расширится, и наверху, если повезет, мы такую отыщем.

— Леший, — подмигнул я, — мы там лазить до морковкина заговенья будем. Давай лучше дыму в пещеру напустим и посмотрим, куда потянет! Если выход наверху и правда есть какой, то так мы его быстрее отыщем.

— Дельная мысль, — кивнул Фомич. — А потом попробуем изнутри расширить, вот и будет труба, останется только к ней саму печку приладить.

Дымовуху разводить для поиска дымохода решили уже после того, как нары поставим и собьем выступы на полу и потолке.

Фомич пошел сменить Савелия на посту. Егерь вернулся разбирать трофеи, Дарья осталась с Лукичом. Егор принялся отбивать песчаник в намеченных местах, а мы с Петром взяли топор и пошли за жердями для нар.

Прямые тонкие стволы нашлись недалеко. Петр рубил, я срезал сучья ножом. Резко потянулся, повернувшись боком, и опять в ребрах закололо. Твою дивизию! Выдохнул и стал работать аккуратнее.

— Тебе лет-то сколько, Петр?

— Двадцать стукнуло в энтом годе.

Он сложил жерди комлями в одну сторону и подхватил тяжелый конец связки, мне оставил тонкие вершины.

— Так ты все при Лукиче?

— Ну, как его к нам в полк отправили пионерным делом заниматься, тогда и меня к нему приставили, чтобы я науку перенимал. Что велит, то и делаю, самому-то такая служба уж всяко интереснее.

Мы с ним прикинули, как нам сподручнее протащить связку жердей меж деревьями. Пришлось несколько ходок делать. Егор уже успел подровнять место под первые нары, каменную крошку вымели. Остальные неровности еще ждали своей очереди. Фомич оставался на посту. Плотник примерял принесенное нами, выбирал годные, лишнее подрубал.

— Вот сюда шип поставим, — показал он. — Насквозь просверлю, колышек забью, не разойдется, хорошо стоять будет.

— Коса у вас в хозяйстве найдется? — спросил Петр, оглядев будущие нары. — Травы бы насушить под бока, а то на жердях спать, такое себе…

— Была, — отозвался Савелий и пошел к стоящим у лошадей телегам.

Вернулся с оселком и каким-то большим серпом на короткой кривой рукояти. Раньше я его не примечал.

— Горбуша, — пояснил егерь и протянул ее мне.

Коса, значит. В прошлой жизни я косил, только длинной литовкой, с ручкой на косовище. Эту перехватил, примерился. Непривычно как-то. Мы двинули в сторону полянки.

Петр довел лезвие оселком и показал мне, как работать. На неровном краю поляны он чуть сгибался и ловко скашивал траву короткими движениями, обходя кочки. Я взялся следом попробовать. Попытался размахнуться по старой привычке, сбился, стал ниже наклоняться, но раз за разом цеплял острием землю.

— Давай я, Данила. Мне сподручнее, да и много я этим делом занимался.

Он забрал косу, а я отошел в сторону, потом стал относить скошенную траву и раскладывать тонким слоем на солнце.

— Ворошить станем почаще, — сказал Петр. — А ежели дождь, то укрывать надо не мешкая.

Как закончили, вернулись помогать Егору. Петр придерживал жерди, которые плотник уже засверлил в нужных местах, и теперь вгонял колышки, закрепляя первый каркас. Вдвоем пошатали, проверили соединения.

— Гожие нары вышли! — Фомич подкрутил ус. — Гляди-ка, и не качаются.

На поперечины уложили примерно одинаковые по толщине жерди. Егор подтесал торчащие сучки, подогнал концы, чтобы не перекатывались, крайние закрепил. Широких щелей не осталось. Я провел ладонью по верху: подстилку сюда добавить, и отличная лежанка выйдет. И уже не на сырой земле.

Во второй половине дня ребра стали ныть сильнее. После утреннего применения Щупа на Лукиче успел и поесть, голова уже прояснилась. Савелий ушел на пост, а я отсел, прикрыл глаза. В прежней жизни выручало дыхание квадратом: вдох, пауза, выдох, пауза, все на равный счет. Сейчас считал до трех, дышал мягко, без натуги. Несколько кругов помогли привести мысли в порядок.

Завел руку под рубаху, коснулся пальцем болезненного места справа. Щуп отозвался сопротивлением. Попробовал воздействовать, как в прошлый раз. Когда почувствовал головокружение, начал считать про себя до десяти и отнял руку. Посидел еще какое-то время без движения. Осторожно вдохнул, повернулся. Тянуть стало чуть меньше. Надо регулярно заниматься этой процедурой, глядишь, и заживет поскорей.

За ужином смотрел, как Дарья поливает Егору на руки. Егор пытался управиться одной рукой, но получалось неловко. Подумал и показал, как можно подвесить флягу и наклонять ее коротким рычагом, чтобы помощи просить не приходилось.

— Сегодня уж не возьмусь, — проворчал плотник, но придумка ему была интересна. — Петлю проще вот сюда пустить.

Утром первого июля после еды одну самую худую трофейную флягу подвесили за горло к перекладине; тягу от донышка связали с деревянной качалкой. Нажал локтем на другой конец — фляга наклонилась, отпустил — выпрямилась.

Умывальник устроили со стоком под угор, чтобы грязь не разводить.

Даша попробовала помыть руки и улыбнулась:

— Спасибо, Даня. Удобно-то как!

Глянул на первые нары и заготовленные жерди для остальных. И сено уже подсыхало, завтра спать на нем можно будет, ежели погода не подведет. Егор за вчерашний день еще и половину мешавших выступов сбил. Вроде бы мелочевка, а от нее радостно стало на душе. Может, дело в обычной жизни, в простом и понятном труде, который хоть немного, но делает мир вокруг нас лучше. Да и, признаться, мозги за это время отдохнули от бесконечного напряжения, в котором мы все долго находились.

— Теперь давайте за ружья возьмемся. Трофеи по-хорошему разобрать надо.

Егор сменил Фомича на посту. Петр перетаскал поклажу на сухое и ровное место, Дарья раскладывала мелкие принадлежности, Савелий помогал левой. Отодвинулись подальше от огня и каменной пыли.

Сначала Фомич велел разобрать готовые патроны. Сухие целые отдельно, отсыревшие и мятые в другую кучку. Потом взялись за оружие. В трофейных ранцах нашлись ружейные отвертки, протирки, насадки с винтами для извлечения пули и пузырьки с маслом. Насадки подходили не ко всем шомполам, пришлось подбирать.

Егерь и Фомич проверяли каждый ствол. Петр придерживал оружие, чтобы дядька не напрягал больную руку. Замки снимали, но пружины не разбирали; нагар хорошенько вымывали, стволы протирали насухо, металл слегка смазывали.

Насчитали восемнадцать длинных стволов вместе со штуцером и двумя отложенными, пистолей семь штук. Их тоже внимательно перебрали по одному. Серьезных поломок не нашли, но как бьют некоторые, еще предстояло выяснить.

Фомич с Петром сверяли пули и пулелейки, я пересчитывал все. Такая себе вышла инвентаризация. Подходящий припас раскладывал к разным ружьям. Сухие патроны отделил от сомнительных, извлеченные заряды к ним не добавлял. Запас пороха разложили: взвесить было нечем, так что на глазок прикинули, на сколько его хватит.

По ружью каждому подобрали. Савельево и Лукичево пока оставили рядом с запасными. Дарьино тоже, до обучения постоит. Штуцер в общий запас: в балке посмотрим, кто с ним лучше управиться сможет.

Для Дарьи достали тот запасной пистоль, самый короткий и легкий, из тех что был. Фомич проверил, что он пуст, и передал Савелию. Егерь левой показал хват, потом дал попробовать ей.

— А выстрелить можно?

— В балке попробуешь. Палец пока со спуска убери.

Даша поправила руку, снова подняла пистоль, опустила.

— Так?

— Так. Теперь еще раз, не торопись.

— Савелий верно говорит, — поддержал я. — Спешка тут ни к чему.

Фомич подтвердил, что балка годится. После обеда попробуем провести пристрелку оружия, заодно поглядим, как у Даши будет получаться. Припас для пробы отложили отдельно.

Наконец все было готово для пристрелки. Петр навьючил на Машку шесть новых ружей, штуцер и пистоли, которые требовали проверки. С Фомичом и Петром взяли свои заряженные ружья; Дарья пошла с нами. Шли пешком. Егор остался на посту, Савелий с Лукичом в лагере.

Фомич повел обходом. В балке выбрал земляной склон. Петр установил для мишени куски толстой коры, подобранные по дороге. Машку отвели и привязали в стороне. Взятые с собой принадлежности для чистки положили рядом.

Для ружей отмерили сто шагов. Мы с Петром сменяли друг друга у подходов к нам. Пока я наблюдал, он попробовал по два раза каждое из шести ружей. Все сработали, попадания легли по-разному, несколько пуль ушло в землю рядом.

— Дальше пуля тоже долетит, — сказал Фомич. — Только уж не всякий раз попадешь.

Под штуцер Петр устроил опору. Со ста пятидесяти шагов моя первая пуля легла ниже коры, а отдача напомнила про наджабленные ребра. Петр с той же опоры сделал три выстрела, все три следа нашли мишень.

Поставили свежую кору и отошли еще на пятьдесят шагов. Я стрелял не спеша, с передышками. Три пули попали в нее, но разошлись широко. У Петра на двухстах уходило мимо; дальше жечь припас не стали.

Двести шагов, метров полтораста по-нашему будет. В прошлой жизни для винтовки немного, а тут и это большое достижение. У меня со штуцером вышло лучше: на двухстах хороший результат, а у Петра на ста пятидесяти. Но это с опоры, по неподвижной мишени, как будет в реальном бою, еще неясно.

Петр дважды выстрелил из последнего трофейного пистоля. Тот не подвел, ему его и оставили. Потом с десяти шагов дали попробовать Даше пальнуть.

Грохнуло, она дернулась, пуля прошла мимо коры.

— Еще!?

— Погоди, — остановил Фомич. — Ты ствол раньше времени опустила. Повтори спокойно. Сначала на полке порох вспыхнет, а уж только потом сам выстрел. И ждать надо, а не уводить ствол, руку тверже держать! Будешь в лагере все свободное время тяжелую палку на вытянутой руке держать, иначе не научишься.

Она кивнула, сердито выдохнула, заново примерилась. Второй выстрел ушел рядом с мишенью, третий отколол кусочек у края.

— Попала! — Даша шагнула вперед и даже, как мне показалось, подпрыгнула от радости, но тут же осеклась. — А все равно учиться еще и учиться.

На все пристрелки ушло двадцать пять выстрелов. Больше палить Фомич не дал, пора было уходить. Сам он не стрелял, наблюдал и команды раздавал. Оружие вычистили, собрали все, снова навьючили Машку. Назад шли, поглядывая по сторонам. На базе Даша первым делом нашла егеря:

— Три раза стреляла! Савелий, представляешь! Три! — Она улыбнулась. — И на третий-то уже попала.

— Куда? — хохотнул егерь, глянув на Фомича. Тот улыбался и подкручивал ус.

Она показала пальцем в сторону:

— Вправо, к краю, но зацепила кору. Зато больше глаза не закрывала! Говорю же, я обязательно научусь. Очень уж хочу за дядю с супостатами поквитаться.

Игривость, казалось, пропала, стоило ей вспомнить дядю, зарубленного недавно французами. Она вздохнула и опустила глаза, разглядывая пистоль в руках.

К вечеру второго июля Егор с Петром доделали еще двое нар, а утром третьего закончили с остальными. Дарье отгородили закуток дерюгой. Теперь никто не спал поперек прохода, и Лукичу нашему с его больной ногой стало удобнее. Сено высохло, его настелили. С ним стало гораздо лучше. Петр накосил еще в запас, чтобы добавлять при нужде. Холст на тюфяки еще только предстояло где-то раздобыть.

У входа поставили легкий вязаный щит. Егор закрепил его и проверил, насколько удобно выходить. От ветра и чужого взгляда прикроет, пулю, конечно, не удержит. Печь, стол и лавки оставались в ближайших планах.

Петр больше занимался конями, Егор — плотницкими работами. Егерь наблюдал на посту и учил Дашу понемногу.

Лукич сказал, что со вчерашнего дня нога стала беспокоить поменьше. Я потрогал кожу рядом с раной: все еще горячая, припухлость не прошла.

— Давай хоть с припасами помогу, — попросил он. — Мочи уже нет лежать бестолку.

— Петр тебе сюда поднесет. Сам вставать и не пробуй.

Я оглядел наш лагерь. За пару дней он сильно преобразился. Только есть проблема: все у нас в одном месте. Если следом за собой наведем сюда французов, то все нажитое непосильным трудом придется бросать.

— Второе укрытие надо присмотреть, — сказал я.

— Неужто тут все бросим? — Егор потер ладонью нары. — Столько трудов!

— Лучше заранее быть готовыми, — поддержал Фомич. — А припасы наши можно поделить, чтобы, случись беда, с голой задницей не остаться.

Этот важный вопрос пока отложили. Решили во время ближайшего выхода подобрать пару мест для запасного лагеря, так чтобы было куда уйти, если этот раскроют.

Когда мы дневали все вместе, Фомич покрутил ус:

— Ну что, браты, пора, думаю, и за казаков убиенных поквитаться.

— Я с вами, — первым отозвался Петр.

— Сперва давай большак проверим и что у мельницы переменилось, — предложил я. — Что возят, сколько охраны. Тогда решим, куда ударить сможем побольнее.

На утро назначили разведку. Пойдем втроем: Фомич, Петр и я. Егор оставался на хозяйстве, Савелий — на наблюдении. Ну и Даша с Лукичом тоже, естественно.

Еще окончательно не рассвело, когда мы втроем с тремя заводными вышли из нашего лагеря. Кажется, моя задумка о партизанском отряде в тылу врага сработала. Поглядим теперь, сможем ли мы малым числом притормозить военную машину Наполеона хотя бы на этом небольшом участке.

Глава 17. Нужен порох

Я отвел ветку и поглядел вниз. Знакомая запруда, мост, мельница возле воды. Большак мы пересекли не там, где в прошлый раз. А подобравшись ближе, оставили Петра с лошадьми в другом распадке. До мельницы пришлось топать пешком около полутора верст.

Фомич опустился рядом, устроил больную руку на колене. От длинного склада остались обгорелые бревна. Часть их уже растащили, расчистив площадку. Рядом сложили свежий лес. Двое мужиков тащили длинную жердь, еще один обрубал сучья у самого края бывшего пожарища. Стук топоров разносился далеко. Почти неделю назад мы знатного шороху тут навели, а французы, гляди-ка, уже за новое хранилище взялись.

Мельница уцелела. С нашего места не было видно, работает ли она, но людей во дворе хватало. Ходили между постройками, носили мешки, складывали их под навесом, который, видать, сколотили наспех.

Один из мужиков опустил ношу и отошел к запруде. Солдат с ружьем окрикнул его, махнул рукой. Тот остановился, что-то ответил, но француз шагнул следом и ткнул пальцем в мешок. Мужик вернулся, снова взвалил его на плечо и пошел, куда велели.

Фомич тронул меня за локоть и показал на мост. Перед ним стояли четверо лягушатников с ружьями. Двое поглядывали на дорогу, остальные держались чуть поодаль. Я перевел взгляд к повороту. Там теперь тоже пара вместо одного.

— Добавили охраны-то у моста, — прошептал я. — И у поворота…

— Ученые нынче стали, — отозвался дядька. — Теперь лихим наскоком их не возьмешь.

За мельницей мелькнул еще один француз и скрылся. Сколько их теперь всего, не посчитать: половину двора от нас закрывали постройки.

К мешкам подкатили подводу. Возница придерживал лошадь, пока двое укладывали груз. Один брал мешок с земли, второй принимал его с телеги и придвигал к переднему борту. Рядом стоял солдат.

Значит, харчи у них тут еще водились. И возить их продолжали. Я устроился поудобнее, чтобы видеть и подводу, и выезд со двора. Поглядим, куда она пойдет и сколько народу с ней отправят.

— Зря саму мельницу тогда оставили, — негромко сказал Фомич. — Тоже надо было спалить. Поменьше бы французу харчей досталось.

— Только нынче туда не сунешься, — добавил он. — Вишь, после пожара хранцуз настороже? Так и так, обождать надо.

— Обождем, — кивнул я.

Офицер возле подводы, скорее всего новый интендант, достал какие-то бумаги. Грузчик принимал очередной мешок, а француз пересчитывал уложенные, поглядывал в бумажку и что-то выговаривал грузчику. Потом показал на один мешок и махнул в сторону. Мужик отставил его, взял другой. Офицер кивнул, снова сверившись с записями.

Возница не трогал лошадь, дожидаясь погрузки и команды. Еще бы узнать, куда повезут эти мешки и с какой охраной. На двор этот пока точно соваться не стоит, а вот в дороге…

Подвода наконец тронулась. Возница забрался на передок, двое французов пошли следом. За запрудой дорога огибала широкую низину и выходила к лесу. До того участка по всем изгибам верст пять-шесть набиралось.

Фомич проводил ее взглядом и показал правой рукой на лес:

— К Петру нам пора топать, от него верхами. Со стороны низины лесом срежем. Пока они груженые этот крюк объедут, мы поспеть должны.

Подвода скрылась за поворотом. Я начал приподниматься, но дядька придержал меня за рукав.

— Погоди-ка. Вдруг следом еще идут? Влезем промеж возов, тут нас и прихлопнут.

Пришлось снова устроиться на земле. Еще минут десять мы смотрели на выезд. За первой подводой никто не отправился, новой погрузки тоже не начинали.

Обратно пошли вместе, тем же путем, но пошустрее. Петр встретил нас у изгиба распадка и отвел под деревья. Кони стояли ниже склона, прикрытые кустами.

— Никого не было, — сообщил он. — Как у вас?

Мы рассказали про подводу и двух провожатых.

— Воз забирать будем?

— Нет, с возом по лесу не уйдем, — ответил я. — Часть муки увезем на заводных, для того и брали. Все на трех коней не навьючишь.

— На погрузке не мешкать, — добавил Фомич. — Пальбу услышат, могут следом заявиться.

Мы поехали в обход и к выбранному участку добрались примерно через полчаса. Коней укрыли за густым подлеском, неподалеку. Петр привязал поводья и остался возле них. Мы с Фомичом вышли вперед. Дядька устроился за деревом левее меня, опер ружье на толстый сук. Правой рукой прижал приклад к плечу.

Я присел за кустами, подсыпал пороху на полку, пистоль тоже проверил. Теперь оставалось дождаться подводы с мукой, если мы ее еще не упустили.

Сперва донесся скрип колес, потом за деревьями показалась лошадь. Вдоль борта лежал черенок от вил или лопаты; кроме муки, виднелись какие-то узлы. Подвода шла шагом, двое французов держались позади, по обеим сторонам от нее. Скорее всего, направлялись они недалеко: иначе одну бы не отправили, да и охраны побольше выделили. А сейчас за ними никто не двигался.

Я приподнял ствол, но неудачно задел ветку. Один из солдат вскинул голову, глянул на мой куст и ткнул товарища локтем. Оба остановились. Первый уже скидывал ружье с плеча, когда я выстрелил.

От заднего борта отлетела щепа, француз отпрянул в сторону, но остался на ногах.

Черт побери! Промазал!

Возница осадил лошадь и начал сползать под борт. Солдат вскинул ружье. Я резко пригнулся, грохнул ответный выстрел. На голову посыпались листья и ветки.

Другой француз пригнулся и начал двигаться вдоль канавы, стараясь обойти меня сбоку. Я бросил ружье и выхватил пистоль.

Француз сделал еще несколько шагов, когда грянул выстрел Фомича. Солдат выронил ружье и ткнулся лицом в землю.

Второй присел за колесом, торопливо доставая патрон. Я выскочил с пистолем в руке. Француз обернулся на хруст веток, но я уже был шагах в десяти и выстрелил ему в грудь. Он ударился спиной о борт и завалился под телегу.

Из подлеска выскочил Петр с ружьем наперевес. Я оглядел дорогу. Никого больше. Фомич оставил разряженное ружье у дерева и вышел к подводе.

— Вылезай, приехали! — крикнул я вознице.

Мужик выбрался из-под борта, глянул на убитых французов, потом на нас. Дядька шагнул к нему, но ничего не успел сказать.

— Пся крев! — неожиданно заорал возница.

Он шустро схватил вилы и бросился на Фомича, словно с копьем. Я еще пистоль не успел поменять, а дядька уже отшагнул в сторону, пропуская того мимо, выхватил правой рукой саблю и рубанул мужика наискось по спине. Тот еще сделал несколько шагов по инерции, захрипел и рухнул на землю.

Фомич поглядел на него, сплюнул на землю, вытер клинок о полу его армяка и убрал саблю в ножны.

— Коней подводить? — спросил Петр.

— Веди, — сказал Фомич. — Да поскорее, времени у нас мало.

Петр ушел в подлесок. Я подобрал брошенное ружье, потом сбегал за дядькиным. Фомич тем временем следил за дорогой.

Убитых обыскали. Два французских ружья и патронные сумки сложили у телеги. Фомич вытряхнул из одной сумки сложенные бумаги, поглядел на них и сунул обратно. Эту сумку решили забрать целиком, с Дарьей потом разберем, что там написано.

Под рогожей у переднего борта обнаружились три туго перевязанных свертка. Я развязал один. Мундир солдатский, жилет, рубаха, штаны, гетры, башмаки, а рядом кивер. Во втором и третьем то же самое. Все чистое, хоть сейчас надевай. Три полных комплекта солдатской одежи. Кому их везли, поди разбери.

— И это берем? — спросил я.

— Забирай, — кивнул Фомич. — Пригодится.

Пока я увязывал свертки, Петр уже подвел наших коней. Ружья закрепили у седел, сумку с бумагами взял Фомич и повесил себе через плечо. Тюки с французской формой распределили по нашим вьюкам.

Петр отобрал шесть мешков с мукой. Я помогал ему укладывать их на заводных, по два на каждую. Фомич стоял у края дороги.

— Остальные давай распорем, — сказал я, доставая нож. — Сыплем прямо на дорогу, не то врагу достанется.

Мы с Петром принялись за мешки. Белое облако поднялось над колеей, пришлось отступить, откашляться. Муку ссыпали с телеги и перемешивали с дорожной землей. Петр подхватил брошенные вилы, разворошил ими кучи. Вряд ли французы станут такое собирать. Я разрезал последний мешок и вытряхнул остатки под колеса.

— Готово, можем трогать, — сказал Петр, проверив добычу, закрепленную на наших лошадях.

Я оглянулся на подводу, уже сидя в седле. Мешки распоротые, мука под колесами, в пыли валялись вилы, которые я тоже решил прихватить, в хозяйстве нашем пригодятся. Петр отер рукавом лицо и снова проверил ремни на вьюках.

Мы прошли по дороге, скрылись за поворотом и уже там свернули в лес, ведя лошадей шагом. Между деревьями продирались почти гуськом. Ветки цепляли мешки, приходилось пробираться по местам, где и без поклажи пройти непросто.

— Стойте, один съехал, — сказал Петр, придерживая заводного мерина.

— Давай подержу, — сказал я, спешившись.

Взял лошадь под уздцы, пока Петр ослаблял ремень. Он подтолкнул мешок выше, поправил второй и снова стянул как следует. Теперь держались ровно.

Я вернул Петру повод мерина, сам снова сел в седло и показал в сторону базы:

— Напрямки, конечно, быстрее будет, но нельзя?

— Прямо к нашим? — Фомич покачал головой. — Нет, конечно! Подводу хватятся, на пальбу кто-нибудь заявиться может. Следы наших коней на дороге останутся. Пойдут по ним, враз к лагерю и приведем. Нет уж, крюков нам нынче намотать придется…

Забрали в другую сторону. Обогнули низину, потом долго шли вдоль заросшего склона. На просветах Фомич останавливал нас, оглядывал края прогалин и лес позади. Я тоже вслушивался. Никого пока не видели, только слышали собственных коней.

Выбирали проходы пошире, чтобы провести всех. Не хватало еще рассыпать добытую муку по кустам.

Под склоном заметили сухую площадку, прикрытую с одной стороны валежником, с другой густыми елями.

— Дядька, гляди, место вроде неплохое, — сказал я. — Может, тут приготовить запасной лагерь? Мало ли, прижмет.

— Запомним. — Фомич внимательно огляделся и кивнул.

Но воды мы тут не видели. Подходы тоже еще надо проверять, да и с Лукичом сюда добираться будет непросто. Надо еще варианты приглядеть для запасного лагеря.

Петр отвел в сторону низкую ветку, пропустил свою заводную и придержал следующую. Я дождался его знака и двинулся следом. Петля получалась изрядная, и до лагеря путь был еще немалый.

Для короткой остановки выбрали ложбинку, где деревья и густые кусты прикрывали нас со стороны дороги. Фомич сперва поглядел назад, постоял, прислушиваясь, потом махнул, чтобы мы спешивались.

Петр обошел коней, проверил поклажу. Все шесть мешков были на месте и в целости. Я присел у ствола. Ребра чуть разнылись, черт бы их побрал! Дядька тоже поморщился, устраивая левую руку поудобнее.

— Вроде отбились, — сказал Петр, возвращаясь от заводных. — Еще и харчами разжились.

Фомич потер подбородок, взглянул на след муки на рукаве у Пети.

— Муку отряхнуть недолго, — хмыкнул он. — А в Пруссии довелось другое повидать: как наши сами до исподнего раздевались, чтоб до супостата добраться.

— Это где же такое было?

— У Пассарги, в седьмом годе. Берега там топкие, кони вязнут, переправа дрянная. Французская конница по ту сторону идет, нас видит, да не больно опасается. Думают, через такую тину не полезем. А Денисов велел казакам изготовиться, самим до рубах раздеваться. Где конь провалится, его руками тянули. Перебрались, там уж в седла и налетели лавой на отставший эскадрон. Те и опомниться толком не успели.

— Ты тоже переправлялся? — спросил я.

— Я с Михайлой на нашем берегу оставался, встречали, когда обратно наши болотные потянулись. Твой батя одного коня за узду тащил, а седок сбоку держался, весь в тине. Вытащили его, значит, а казак первым делом обувки хватился: где, мол, мои сапоги? Орет! А Михайло ему: ты сперва погляди, обе ли ноги из болота вынес, потом сапоги ищи.

Фомич усмехнулся, но тут же поглядел на свою левую руку.

— Тогда смешно было, а ведь нашим там не до смеха. Они погнались за хранцузом, порубали часть. Только вот стрелки их встретили, те на переправе своих поджидали. Не одной удалью все делается, головой прежде всего думать надо.

Я попробовал представить отца возле незнакомой речки, мокрого, сердитого. Ни лица его не помнил, ни голоса. Но в рассказах дядьки он понемногу становился живым для меня.

— А они не боялись, что назад не выйдут? — спросил Петр.

— Небось боялись, оттого и готовились. Наскочить мало, уйти еще надобно. Как мы нынче: муки нагребли, а теперь с ней по лесу шарохаемся.

— Там же, у Пассарги, Балабин с казаками за реку пробрался, — продолжил дядька. — У хранцуза припасы артиллерийские подорвал. Самого того дела я не видал, после в полку сказывали. Вот это им поперек горла стало. Без пороху уже пушки стрелять не будут. Другой подвозить надо и охрану к нему приставить втрое против прежнего.

— Да вот бы нам рвануть склад с порохом, вреда больше, чем от сотни уведенных подвод с мукой, — сказал Петр.

— Смотря что за склад и сколько его штыков охраняет, — ответил Фомич. — Удалью-то не все решить можно. Мы вон с Даней недавно две повозки с порохом рванули, так сами чудом ушли.

— Для нас нынешняя добыча добрая, приварок к столу хороший, — сказал я. — А для них всего одна подвода пропала. Мы нынче как воришки какие: мешок утащили, остальное попортили. Надо бы посерьезнее французу насолить, чтобы земля под ногами горела.

— Мельницу не возьмем, — отозвался Фомич. — Сам видел, сколько там их.

— Ее я и не предлагаю, точно не в ближайшее время. Вот неделька пройдет, можно опять глянуть, авось расслабятся. Нам надо искать, чем французское войско кормится и как припас везет. По этой дороге они армию снабжают, вот мы и станем у них занозой в заднице!

— Глубокой? — улыбнулся Петр.

— Ага, Петруха, очень! Даже бы сказал, глубоко засевшей в тылу! Вот такой занозой! — Я показал кулак, и мы расхохотались.

— Добре, скоморохи! Сначала в лагерь, — сказал дядька. — А там уж думать станем про занозы ваши!

А я, поднимаясь, вспомнил тот взрыв и железяку, прилетевшую откуда-то с неба, что едва меня не пришибла. И правда, сам едва тогда ноги унес.

— Надо, чтобы они всего и вся тут боялись. Пусть лучше солдат на охрану каждой подводы отряжают, так меньше против наших полков выставят, — сказал Петя.

— Будем думать, как взять обоз в следующий раз, только с боевым припасом, — сказал я. — И на этот раз забрать бы его весь себе, а не сжигать.

— Высмотрим, — кивнул Фомич. — Сперва узнаем, куда и когда возят. А покамест в лагерь вернемся, жадничать и гусей дразнить не будем, не все сразу!

Фомич взял повод здоровой рукой.

— Бумаги с Дарьей разберем, — сказал я. — Может, хоть поймем, кому та мука назначалась.

— Проверим, — согласился Фомич. — Токмо не сегодня, поехали уж, хорош балакать!

К лагерю снова забирали, делая еще одну широкую петлю. Кони шли шагом, вьюки больше не сползали. Ни одного преследователя так и не увидели, но оттого мы не расслаблялись.

Большак оставалось пересечь в последний раз. Фомич поглядел вдоль дороги, махнул нам и сам двинул. Петр прошел, потом и я за ним перебрался.

Издалека донесся нарастающий шум. Потом звякнуло железо, послышались приближающиеся голоса. Петр увел коней глубже, а мы с Фомичом задержались у края.

По большаку шли французы. И это был не обоз с мукой: шла пехота. Ружья на плечах, ранцы, мерный шаг в ногу. За передними появлялись следующие ряды, и еще, и еще. Рота, пожалуй, а может, больше. Между стволами всех не пересчитаешь.

Я смотрел на них и вспоминал свою прежнюю задумку о подрыве. Вот сейчас бы устроить настоящий шухер. Так, чтобы после боялись наши дороги топтать. Если стрелять по такой толпе, даже из десятка ружей, то толку не будет. Пятерых-шестерых свалишь, а остальные тебя сметут, к бабке не ходи! А вот рвануть можно хорошо, если все по уму сделать.

Теперь у нас был Лукич, знавший пионерное дело, и Петр. Кое-что понимал и я, еще из своей прошлой жизни. Трофим пока лежачий, но нам его голова нужна, дельные советы, а не руки. Вернемся и хорошенько все обдумаем. Я хотя бы теперь знал, что нам нужно искать для следующего серьезного дела.

Порох. Нам нужно много пороха.

Глава 18. Лучшая добыча

Последние ряды еще мелькали между стволами, когда Фомич тронул меня за плечо.

— Пойдем, Даня, Петруха уже нас заждался.

Я отступил от края леса. С этой колонной мы сейчас ничего поделать не могли, пора было возвращаться в лагерь.

Петр ждал, придерживая заводных. Мы сели верхом и двинулись дальше. Поляну обогнули, потом дядька еще не раз останавливал нас, прислушиваясь, благо было тихо. Хотелось добраться поскорей и наконец хоть немного размять спину.

Савелий заметил нас издалека, показался и махнул рукой, оставаясь на своем месте. Первым навстречу вышел Егор.

— Ну как, получилось чего выведать?

— Получилось… Вона, помоги дуван разгрузить. — Дядька махнул на наших заводных.

Пока мы с Егором устраивали муку на настиле в пещере, Петр обихаживал лошадей.

— Муки привезли? Вот и хорошо, лепешки печь будем! — улыбнулась Дарья.

— А то у нас раньше муки не было, — подмигнул я ей.

— Ну, больше лучше, вон сколько едоков у нас теперь, — не стушевалась она.

Егор снял трофейные ружья, отложил их в сторону для проверки. Фомич открыл клапан кожаной сумки с бумагами и передал ее Дарье.

— Ну-ка, дочка, погляди, чего там ихние писари пишут. Может, чего важного там будет.

Она взяла сумку и присела, начав вытаскивать бумаги.

— Это чего ж, вы им и одежи не оставили? — спросил Егор, развернув тюк с формой. В руках он держал чистые длинные белые панталоны.

— Да вот, Леший, — улыбнулся я, — Фомич глянул на ту одежу и говорит: «Гляди, Даня, а эти белые порты нашему Егору впору будут!» Ну мы и спросили французов, не будут ли они так любезны уступить запасные порты нашему другу.

— Да ну… — Егор выпучил глаза, принимая шутку за чистую монету.

— Неужто подарили? — спросил егерь.

— Угу! Даже обрадовался, еще и рубаху в довесок отдал, — подмигнул я, глядя, как едва сдерживается Фомич. — А второй обиделся.

— Чего это? — приподнял бровь Егор.

— А расстроился! — Я махнул рукой. — Мол, от него подарков не принимают. Ну мы с Фомичом его расстраивать не стали. Говорим, значится, у нас еще друг сердечный есть, Савелием зовут. — Я перевел взгляд на егеря: тот тоже округлил глаза.

— Так что на, держи, и тебе обнова будет! — Я протянул егерю другие белые панталоны. — Будете с Егором Лешим щеголять в белых шароварах!

Савелий взял их в руки, переваривая услышанное, потом приложил к себе, с одной стороны даже прихватив больной рукой. Тут первым не выдержал дядька и громко заржал.

Потом Даша, Лукич и Петя подхватили его смех. А Егор с Савелием так и стояли, приложив к себе белые панталоны. Когда до них дошло, тоже присоединились к нашему веселью!

— Ну ты дал, Данила, — не мог уняться Фомич. — Расстроился хранцуз, говорит!

— А как в них по нужде-то ходить? — крутил в руках панталоны егерь.

— Там пуговицы с каждого бока имеются. Расстегнул их, дела сделал и, главное, застегнуть не забудь, прежде чем в бой идти, чтобы враги со смеху не померли! — подсказал я егерю, что опять вызвало дружный хохот.

Мы все-таки признались, что никакой любезности французы нам не оказывали. Три полных комплекта чистой солдатской одежды везли в свертках на той же подводе, мы их просто

забрали. А потом уже рассказали, как взяли воз. Оба француза были убиты в перестрелке. Возница, видать, был поляком; он бросился на Фомича с вилами и тоже там лежать остался.

— Стол-то почти готов, Кондратий Фомич. — Отсмеявшись, Егор показал на заготовки, которые осталось подогнать.

— Добре, — кивнул Фомич, — вот как сделаешь, так и пир закатим на всю округу!

Когда все более или менее угомонились после нашей встречи, я присел возле Лукича.

— Ну как, Трофим Лукич? Поел, поспал?

— Это да! Даша кормит как на убой, — ответил он. — И поспать удалось, только вот лежать уж надоело, сил нет.

— Нога шибко не болела?

— Ноет все так же. Лежу смирно, как ты и велел.

Фомич отправил Петра сменить Савелия, а я вымыл руки и принялся осматривать ногу. Осторожно ослабил повязку, ощупал кожу рядом с раной. Припухлость сохранялась, краснота тоже, на ощупь голень оставалась горячей. Я надавил пальцами вокруг раны. Кожа была напряженной, а в глубине тканей ощущалось плотное, горячее уплотнение. Это плохой признак.

— Здесь больно?

Лукич кивнул. Рядом место отозвалось спокойнее. Внешне отек не увеличился, но это уплотнение внутри говорило о том, что гной скапливается. Я поправил повязку, подложил ногу поудобнее.

— Утром еще погляжу.

— Куда ж я денусь-то, Данила.

— Подойди на минутку, — позвала Дарья, когда я поднялся. — Кое-что разобрала.

Она держала один лист за края, поворачивая к свету.

— Тут про муку. Отправку записали, сколько мешков, одежду еще какую-то. А дальше почерк такой, что я и слов не разделю.

Я заглянул через ее плечо.

— Про военные припасы ничего нет?

— В том, что прочла, нет. А за остальное не поручусь. Вот внизу подпись… Ре… Рено. Да, Рено, тут точно.

Был у меня в той жизни «Рено Логан». Теперь вот еще один Рено выискался на мою голову, небось тоже в белых панталонах щеголять приучен. Я усмехнулся про себя и снова посмотрел на французские каракули.

— А кто он такой?

Дарья покачала головой:

— Не знаю. Фамилию прочла, больше ничего не разберу.

— Эту бумагу отдельно положи, не мешай с другими. Может, еще разберемся. И фамилию запомнить надо.

Она сложила все бумаги обратно в сумку.

— Все, дочка, хватит покамест, — сказал Фомич. — Сперва поедим. А там с Лукичом потолкуем, придумка у нас к нему имеется.

Фомич ушел сменить Петра. Тот вернулся и стал помогать Лешему.

Егор подогнал еще одну опору стола. Я придерживал поперечину, пока он сверлил бурав и сажал ее на шип. Крепил так же, как и нары, но теперь в торец колышка-шипа еще и клин забил деревянный.

— Это зачем?

— Крепче будет, покачай-ка.

Я попробовал: стоит и не шатается! Узкий получился, грубый, но еда на нем поместится, а мы нашей дружной компанией усядемся вокруг. Петр помог Егору пристроить лавки, потом мы убрали инструмент.

Снаружи Дарья обметала золу с первой лепешки. Тесто она замесила в котелке, только мука, вода, да соль, и пекла у края очага. Петр потянулся к неровному, подгоревшему краю.

— Погоди, обожжешься! — отогнала его Даша.

— У нас уж к столу очередь, за твоими лепешками, — хмыкнул Егор.

Лукичу я отнес воду и теплую мягкую серединку, сам слопав обгорелые края. Савелий потащил еду дядьке на пост, а когда Леший поснедал, то отправился его сменить.

Нам лепешки тоже достались горячими, и вдоволь. Я обдул свою, разломил, подождал, пока перестанет обжигать пальцы. Вспомнились домашние блинчики, которые я любил жарить сам. Вот бы здесь таких напечь! Когда-нибудь соберу все нужное и угощу наших.

Когда посуду убрали, я присел к нарам. Петр подвинулся ближе, Фомич устроился рядом.

— Лукич, посоветоваться с тобой хочу. Мы на дороге нынче кое-что увидели, и задумка у нас есть для француза каверзная.

Я рассказал про пехоту: как она по большаку шла и шла, ни конца ни края не видать. Из двух-трех ружей много с такими не навоюешь.

— А вот если на дороге их подорвать в месте подходящем, тогда толку побольше будет, чем от одной уведенной подводы с мукой. Лукич, как думаешь, по силам нам такое?

Трофим поглядел на меня внимательно.

— А порох-то для такого дела имеется? Сколько его? Где враг пойдет, сколько народу будет? Надо все это прикинуть, иначе что я тебе скажу…

Еще мне вспомнилась железяка, едва не пришибившая меня при прошлом взрыве. Повторять такое очень бы не хотелось. Нам нужна более надежная система инициации и обязательно направленный взрыв, чтобы основной удар пошел во врага, а не куда попало.

— Дело ясное, что дело темное, — сказал я. — Вопросов и правда много, но мы их решим все, только не сразу. Мы пока будем думать, где пороху раздобыть в достатке для такого подарка французам, а ты покумекай да скажи, как его так подорвать, чтобы при этом самим без головы не остаться.

Я рассказал Трофиму Лукичу, как не так давно подорвал две повозки с порохом, приладив для этого ружейный замок. Саму идею он одобрил, но пока больше ничего не сказал. Сговорились, что он подумает.

— Давай покумекаем пока, — подхватил Фомич. — Где порох взять, как его увезти и сохранить потом. За огненным припасом уж глядят не как за мукой, да белыми шароварами, — подмигнул Фомич егерю, отчего тот сразу отмахнулся.

— По большаку разное возят, — сказал Петр. — С виду вот только и не поймешь иной раз, харчи там или боевой припас. А нам бы лучше точно знать. Или найти такой же склад, где хранят его для артиллерии поблизости.

— Язык нужен, — покрутив ус, сказал дядька. — Помнишь, как мы в прошлый раз, Даня, узнали про склад от того посыльного?

— Так-то оно так, — согласился я, — да они же все на своем балакают, черти что лопочут. Нам с тобой в прошлый раз свезло, что тот по-русски понимал, худо-бедно.

— Я могу, — подала голос Даша, и все повернулись к ней. — В бумагах, может, не всякий почерк разберу, а простую речь уж точно пойму.

— А что, может тогда выгореть, — сказал я.

— И про наших спросить надо, — добавил егерь. — Теперь уж и вовсе непонятно, где они. Ежели посыльного брать, то он всяко знает.

— Это непременно, — вздохнул я и вспомнил, что мне нужно найти брата, которого я, выходит, ни разу в своей жизни и не видал.

— Все верно, — подытожил Фомич. — Завтра выйдем на большую дорогу и попробуем взять языка, глядишь и еще какие вести будут.

Утром я первым делом снова присел к Лукичу.

— Ночью вот тут сильнее ныло, — пожаловался он, показав на голень.

Я вымыл руки, ослабил повязку. Припухлость и правда стала заметнее, от прикосновения Лукич поморщился сильнее, чем вчера. При этом говорил связно, пил воду, спросил, надолго ли мы собрались уходить.

— Ненадолго. Вернусь, еще погляжу, вылечим мы тебя! Вылечим! — Я похлопал его по плечу.

Резкого ухудшения я не заметил, но и лучше ему не становилось. Я уже понимал, что тянуть дальше нельзя. Вопрос был не в том, делать ли операцию, а в том, чем ее делать. Без острого ножа, чистой ветоши и хоть какого-то антисептика лезть в рану было равносильно убийству. Все упиралось в инструмент, хоть какой-нибудь. Ладно, что уж теперь! Будем думать.

Савелий помогал одной рукой Дарье седлать Рослика, а та теребила его гриву, когда я пришел проверить Баловня.

Потом дошла очередь до нашей с Фомичом придумки с французской формой. Петр махнул рукой и стал натягивать мундир без разговоров, а вот Егор поначалу отнекивался:

— Да ежели у нас в команде узнают, что я во французское рядился… И руки потом не подадут.

— Егор, ты вокруг погляди! А еще лучше вспомни, где мы и что задумали. Не один ли тебе черт, как врага бить? Ты же не в строю в атаку собираешься, — вздохнул я. — Нас мало, понимаешь ты, шибко мало нас! А потому без выдумки да военной хитрости мы с врагом ничего поделать не сможем. Ты же не офицер какой, которому перед дворянским собранием зазорно, который готов башку на плаху положить, лучше, конечно, не свою, лишь бы чего эдакого невместного не сделать, что осуждать будут.

— Тьфу ты, Даня! — Леший сплюнул на землю. — А и верно! С большой колокольни я видал, так сказать, все их собрания. Врага надо бить, а не носом крутить.

— Вот! Вот так бы сразу! — Дядька хлопнул его по плечу.

Леший поглядел на уже одетого Петра, посопел и принялся мерить. К панталонам подобрали остальное из комплекта. Мундир малясь тянул под мышками; Егор повертел плечами, присел. Фомич велел пройтись. Издали двое теперь походили на французов. Если рот открывать не станут, то точно за своих сойдут. Свою одежу оставили на базе.

Мы вооружились. Я взял свое ружье, пистоль и штуцер, закрепив последний у седла. Дядька проверил короткий легкий пистоль, вручив тот Дарье.

Фомич еще раз объяснил: сперва высматриваем небольшую команду, троих-четверых, чтоб офицер среди них был или посыльный какой. Он станет наблюдать, Петр с Егором и Дарьей выйдут по его знаку, а я останусь поблизости, в прикрытии.

Мы еще раз проверили вооружение и тронули в обход, ведя с собой двух заводных.

К большаку вышли лесом, спешившись загодя. Своих лошадей привязали в ложбинке за густым ельником. Петр выбрал для привязи кривую березу у спуска. Я снял с седла Баловня штуцер, а ружье повесил на плечо.

Фомич отвел нас к кустам возле изгиба дороги. Отсюда хорошо было видно и тех, кто проходил рядом, и приличные куски большака в ту и другую сторону. Уйти в случае чего тоже было куда. Дядька дал ценные указания каждому и сам ушел за поворот, где должен был ждать подходящую для нас цель.

Сперва протянулась пешая команда. Сигнала не было, и мы не вылезали, пропустили ее. Егор, прежде посмеивавшийся над своим мундиром, притих и уже не хохмил. Видать, понял, что дело серьезное и от него зависит немало.

Потом прошла кавалькада драгун, тоже мимо. Пыли подняли столько, что она оседала, казалось, минут десять, не меньше. Я следил за Фомичом и ждал.

Наконец дядька снял папаху. Я присмотрелся: до него было метров триста, не меньше. Он четыре раза взмахнул ею над головой, как мы и условились.

— Ну что, пора! — сказал я Даше и двум ряженым французам.

Они втроем стали выходить к обочине. Петя и Егор демонстративно зажимали Дашу с двух сторон, а она, как и было оговорено, заливисто хохотала, то и дело вскидывая юбку.

Я присел за кустами и снова ждал, держа штуцер наизготовку. И вот из-за поворота показались четверо всадников. Скоро всех четверых я смог хорошо разглядеть. Оглянулся на Фомича: он остался на своем месте следить за дорогой до самого конца нашей операции.

Один француз ехал чуть в стороне от остальных и то и дело поправлял что-то у седла. Когда лошадь повернулась боком, я разглядел дорожную сумку. Другой поднял руку, придерживая своих спутников. У одного из них поперек седла лежало ружье.

— Сопровождают, похоже, — пробухтел я себе под нос.

Вспомнился тот посыльный, которого мы уже брали, остановив натянутым между деревьями поводом. Надеюсь, и среди этих будут настолько же полезные и разговорчивые. И сумка эта тоже могла оказаться с чем угодно.

Наша троица продолжала заливисто хохотать, словно не замечая приближавшихся всадников. Петя и Егор были в форме рядовых. Мы рассчитывали, что их поведение с красивой барышней возмутит всадников или хотя бы привлечет внимание. Так и оказалось.

Всадник, которого я принял за старшего, поднял руку, и вся четверка начала осаживать коней, не доехав до наших ребят метров десять.

Петр что-то шепнул Даше. Та взвизгнула и снова расхохоталась, вцепившись ему в рукав. Смех выходил уж больно громкий, а пальцы ее так и не разжались. Черт, легко мы ей эту роль придумали, не подумав толком, каково ей будет.

Передний француз оглядел нашу троицу, что-то спросил у Даши. Она только запрокинула голову, заливаясь смехом. Тогда он обратился к Петру, ткнув пальцем в его мундир и показав вдоль дороги. Похоже, выяснял, что тут за солдаты и из какой команды.

Петя махнул рукой, буркнул что-то невнятное. Француз нахмурился и повернулся к Егору. Я держал штуцер наготове, ждал наших, как и сговаривались. Француз с ружьем переменил хват. Я передвинул ствол вслед за ним. Не опоздали бы они…

Петр с Егором снова повернулись к Даше, спинами к всадникам, словно не обращая на тех внимания. Руки скользнули под полы мундиров. Оба выхватили пистоли, развернулись и выстрелили почти залпом во всадников слева и справа.

Один француз завалился набок, другой выпустил поводья и начал сползать из седла. Третий успел вскинуть ружье, но тут хлопнул Дашин пистоль. Всадника дернуло. В плечо, кажись, угодила. Он выронил оружие, ухватился за седло, но не удержался и свалился под ноги шарахнувшейся в сторону лошади.

Старший уже разворачивал коня. Тут же пришпорил, прижался к его шее и рванул. Уходит, паразит, а нам он живой нужен! В него целиться нельзя: убью, и спрашивать станет некого.

Я прицелился в коня и нажал на спуск. Сквозь дым увидел, как тот споткнулся дёрнулся в сторону обочины, начав ломать кусты, а всадник, еще раньше перелетев через его голову, покатился по дороге.

Оглянулся, услышав вскрик: это Петр добил раненого Дашей. Егор уже бежал к упавшему. Я опустил разряженный штуцер, выдернул пистоль и, выскакивая из кустов, бросился следом.

Француз сидел в пыли, мотая головой. Я сунул пистоль за пояс, и мы с Егором вздернули его на ноги. Пока я держал, Леший снял с него саблю, обшарил пояс и связал руки за спиной.

Егор потащил пленного к нашим, а я вернулся к коню с сумкой. Сдернул ее, перекинул через плечо и заглянул в седельную кобуру. Пистоль! Увесистый, кремневый, со светлым стволом и темной рукоятью с латунным набалдашником. Забрал и его, сунув в сумку. В переметных сумах еще что-то лежало, но копаться было некогда, а жаль…

Петр удержал двух лошадей, остальные умчались. Он уже крепил к седлам три ружья и два пистоля, снятые с убитых. Я отдал ему разряженный штуцер. Дарья взяла обоих коней в поводу и повела к нашим, за ельник.

Мы с Петром ухватили французов за ноги и потащили их с дороги. Ветками прошлись по пыли, кровь кое-как присыпали землей. Проверили лошадь посыльного, если не приглядываться, то в кустах с дороги ее не видать. Я поднял голову: Фомич махал строевой шапкой, красный шлык трудно было не заметить.

— Уходим, Петя!

Мы успели добраться до привязанных коней. Дарья уже подвела трофейных к нашим и стояла у Рослика. Пленный дергался и мычал сквозь кляп. Егор прижал его к стволу и чуть вдавил кулак французу в лоб. Я стоял рядом с ружьем, слушая приближающийся топот копыт.

Драгуны промчались по большаку наметом. Я узнал их по форме и невольно задержал дыхание. Полностью скрыть следы мы не успели, только бы сейчас те это не заметили. Но топот стал удаляться. Еще немного выждали, тут и Фомич пришел, сердитый, запыхавшийся.

— Живее! Хватиться могут!

Француза перекинули через седло заводной, прихватили веревкой. Я сел на Баловня, дождался остальных, и мы двинулись прочь. Петляли, огибали прогалины, старались не выходить на мягкую землю. Версты три, а то и четыре прошли, прежде чем дядька разрешил остановиться.

Егор стащил пленного и вытащил кляп. Тот охнул и привалился спиной к дереву. Фомич подозвал Дарью:

— Спроси, кто таков, из какой команды и куда ехал.

Даша заговорила по-французски, а я наконец расстегнул сумку. Под свертком нашелся плоский футляр. Я открыл его и замер: внутри лежало то, о чем я думал с первого дня моего появления в этом новом для меня 1812 году.

Глава 19. По живому

— Офицер он, — перевела Даша, глядя на француза.

— Дядька, тут такое, что нам не меньше пороха пригодится!

Фомич оторвал взгляд от пленного и глянул на меня.

— Чего там?

— Для врачевания много чего. — Я чуть повернул футляр, показывая находку.

Дядька заглянул, потом посмотрел на меня и вздохнул.

— Лукичу энто поможет?

— Должно. Сперва все проверить да почистить надо.

Егор стоял возле француза, не давая ему подняться. Петр поправил привязь одного из коней и снова поглядывал в сторону, откуда мы пришли. Фомич задумался, потом кивнул Дарье:

— Ну, чего молчит? Спроси еще.

Она повторила вопрос. Француз скривился, но на этот раз ответил подробнее.

— Жюльен Морель, лейтенант, — перевела Даша. — При коменданте служит. Ехал проверить, готовы ли подводы. Потом должен был вернуться с ответом.

Я снова склонился над футляром. Небольшой хирургический нож с темной рукоятью, ножницы, пинцет. Рядом узкие щипчики, без замка, и несколько игл. Сталь местами потемнела, у ножа на светлой кромке виднелись следы заточки. И все же я невольно улыбнулся. Хреновые, конечно, инструменты, но где сейчас лучше найдешь?

У одной иглы оказался обломан кончик. Я завернул ее отдельно в край обертки. Остальное на вид было целым, но здесь толком не проверишь. Надо при хорошем свете поглядеть, как сходятся концы пинцета, не заедают ли ножницы, годится ли лезвие. Короче, я завис, похоже, потеряв нить происходящего вокруг…

— Сумку ему доставить поручили, — продолжила Даша. — Говорит, срочно.

— Это уж поняли, — буркнул Фомич. — Пусть дальше сказывает.

Я положил футляр на отворот сумки и взял сверток, из-под которого его достал. Внутри негромко звякнули склянки. Развернул край: стекло, пробки, еще обертки. Что там, с виду не поймешь. Пробки трогать не стал, снова завернул все как было. Не хватало тут, в лесу, еще и перебить находку. Содержимое разберу в лагере, сейчас я и этому рад как ребенок.

Француз опять заговорил, дернув связанными руками. Егор придержал его за плечо.

— Велено срочно доставить, — перевела Дарья. — Он уже второй раз про это говорит.

— А кому? И кто затребовал? Спроси.

Даша переспросила, и Морель ответил с досадой.

— Капитану Рено. Инструменты и лекарства затребовал лекарь, который его лечит.

— Рено? — переспросил я. — Даша, тот, что под бумагой про муку расписался?

— Фамилия та же.

Фомич придвинулся ближе.

— Спроси, что за птица такая и где сидит.

Морель отвечал, Дарья то переводила, то возвращалась к нему с новым вопросом. Капитан распоряжался охраной этапного поста и снабжением, проходившим через его двор. Теперь слег, вот лекарь и затребовал посылку. Чем болен, лейтенант не сказал.

— Пост где?

— У западной развилки. Дорога из Больших Солечников к Ошмянам, постоялый двор там.

— Знаем, — перебил Фомич и дернул усом. — Бывали…

У меня перед глазами опять встала канава и восемь казаков перед расстрелом. Я стиснул зубы. Откуда знать, был ли там этот Рено, когда их расстреливали? Он ли отдал тот приказ?

Даша продолжила расспрос. На дворе сходились подводы, кормили проходящие команды, отставших собирали для отправки дальше на восток. Дядька уточнил, сколько солдат там постоянно, сколько проходящих. Морель замотал головой: мол, не знает.

Все же сейчас не как в Великую Отечественную, нет такой сплошной линии фронта. Француз движется по основным дорогам от города к городу, а позади его тянут припасы. А мы торчали как раз возле одной из таких дорог. Насколько она важна, я мог только догадываться.

— А боевой припас там возят? — спросил Фомич. — Порох?

Француз пустился что-то объяснять, закивал на сумку.

— Он продовольственные подводы проверял, — перевела Даша. — Про другие не знает.

— А что сам видел? Какие приказы получал?

Даша переспрашивала, пока Морель не перестал повторять одно и то же. Но когда дядька достал из ножен боевой нож, он заговорил.

— Две! Две подводы с порохом будут. Из Больших Солечников сюда, к этому двору. Двадцатого июля, утром должны привезти.

— Откуда знает?

— Ему велели обеспечить возы и упряжь для этой отправки.

— Сколько охраны?

Француз помедлил, задумался, но ответил.

— Восемь солдат, двое возниц. Порох в бочонках они повезут.

Сколько бочонков и какого размера, не сказал. Черт его знает, не знал или не хотел говорить. И охраны могли прибавить, да хоть к большому обозу эти две подводы присоединить.

— Двор брать не станем, — сказал Фомич. — Там хранцуза больно много, а вот на дороге поглядеть можно, но сперва выведать надо.

Я кивнул. Теперь хоть было понятно, где мы можем взять порох, чтобы навести большой такой шухер в этом районе.

— Спроси еще, докуда хранцузы дошли, — велел Фомич.

Морель ответил, и Даша перевела:

— Вильна, Минск заняты. Передовые уже у Двины. Читал армейский бюллетень у них в комендатуре. Других известий не получал.

— Вот же ж, суки… — выругался Леший.

— Про наших спроси. Про полк Денисова Седьмого, про пленных казаков — слыхал ли чего?

Но ни о полке, ни о брате Федоре лейтенант ничего не знал. Даша еще поспрашивала, потом покачала головой. Только повторила про дорогу и число отправки пороха. Двадцатое по-французски, наше восьмое июля. Через три дня выходит. Успеем ли?

Я закрыл футляр, уложил в сумку, там же лежал снятый с лейтенанта седельный пистоль.

— Ладно, хватит, — решил Фомич. — В лагерь нам пора.

Егор приподнял брови, глянув на пленного. Дядька коротко мотнул головой. Леший кивнул в ответ.

— Данька, с Дашей вперед. Вместе держитесь, — сказал дядька. — До поворота шагом, а там ждите.

Петр собрал поводья оставшихся коней. Мы тронули Баловня и Рослика, взяв в поводу по трофейному. Я понимал, почему нас отослали.

Даша оглянулась и замолчала, крепче сжав поводья.

— Ты сегодня очень помогла нашему делу. Смелая ты, Даш.

Она не сразу повернулась, потом чуть смущенно улыбнулась. Грустная такая вышла улыбка.

Хотелось уже поторопить Баловня, но заводные задерживали. Да и своих надо дождаться.

У поворота нас нагнали все трое с пятью конями. Заводная, на которой везли Мореля, шла с пустым седлом. Мы с Фомичом переглянулись, и дядька повел нас дальше, делая еще одну большую петлю.

Я придерживал сумку с инструментом. Успеть бы засветло заняться ногой Лукича…

Савелий вышел навстречу, едва мы показались между деревьями.

— Данила, к Лукичу иди! Нога шибко разболелась, места себе не находил. Все спрашивал, скоро ли вы. Воды просил, пил, говорил поначалу, а потом в беспамятство ушел или уснул. Сейчас то спит, то бормочет что-то…

Я отдал повод Баловня Петру и подхватил сумку. Егор помогал снимать поклажу, Фомич принимал трофеи. Савелий вернулся караулить подходы.

Вымыв руки, сел у нар Лукича. Трофим что-то бормотал с закрытыми глазами. На мой зов посмотрел мимо, но потом узнал.

— Вернулся…

— Вернулся, Лукич. Где сильнее болит?

Он показал на наружную сторону голени. Повязка промокла заметнее, чем утром. Я размочил и осторожно снял присохшую ткань. Припухлость стала отчетливее, кожа в этом месте прям горела; в середине прощупывалось размягчение. Лукич дернулся и зашипел даже от легкого нажима.

Пульс частый, дыхание тоже участилось. Организм на пределе пытается бороться с интоксикацией. Он опять начал путать слова, а взгляд блуждал. Местный гнойный процесс налицо, но общее состояние — жар, спутанность сознания — заставляло опасаться худшего. Если инфекция пробьется в кровь, начнется сепсис. Черт, как же не хватало антибиотиков!

Стопа оставалась теплой, пульс на ней прощупывался. Прикосновения Лукич чувствовал, пальцами шевелил. Это обнадеживало, но о состоянии кости ничего не говорило. Очень надеюсь, что ногу казаку можно спасти.

— Дань, чем помочь? — подошел Петр.

— Внутри скопился гной. Ткани расплавлены, и очаг нужно срочно вскрыть, чтобы дать выйти этой погани. Может, туда частицы одежды пулей занесло или еще грязь какую. Перевязкой уже не обойдемся.

Лукич снова закрыл глаза.

— Я инструменты привез, надо рану открыть, Лукич. Больно будет, а снять боль особо и нечем.

— Ногу мне оставишь? Ходить я смогу?

— Потому и тороплюсь, чтобы сохранить. Как есть оставлять нельзя.

— Делай, — помолчав, сказал он.

— От нас чего надо? — спросил Фомич, стоявший за моей спиной.

— Воды нагреть, чистое полотно приготовить, устроить его там, где почище и светло.

Петр с Егором вынесли стол на свет, поставили рядом лавки. Сверху накрыли холстиной и перенесли Лукича. Он поместился наискось, постанывал, когда ворочали. Егор проверил, не шатается ли стол, и ушел сменить Савелия на посту.

Даша принесла посуду, воду и оставшееся полотно для перевязок. Я кое-что отобрал, велел прокипятить; чистого материала у нас было в обрез. А пока начал проверять и готовить инструменты. Ножницы двигались неплохо, концы пинцета и щипчиков тоже более или менее сходились, а вот скальпелю требовалась правка. Взял свой мелкозернистый оселок, и довел кромку.

После заточки тщательно смыл с ножа каменную пыль, вычистил остальные инструменты, все прокипятил и протер оставшимся трофейным спиртом. До стерильности всему этому было далеко. Неизвестные склянки пока остались лежать в сумке.

На лавке расстелили подготовленное полотно. Я проверил, как Даша с Петром вымыли руки, чуть плеснул каждому на ладони спирта, попросил растереть и показал девушке инструменты, называя каждый.

— Прошу нож — даешь нож. За рукоять только, лезвия не касайся. Использованное — в эту посудину, обратно к чистому уже не клади.

Петр устроился у ноги держать голень.

Лукич приоткрыл глаза.

— Больно будет, — напомнил я. — Если совсем станет невмоготу, говори, остановлюсь.

Он едва кивнул. Я налил ему пол кружки спирта, Лукич выпил и поплыл. Еще дал ему приготовленную палку, чтобы сжал зубами. Глядишь, полегче боль перенести будет.

Я приступил. Сначала очистил кожу вокруг раны, снова вымыл руки и коснулся пальцем рядом с припухлостью. Щуп отозвался сопротивлением. Чуть сместил палец, сравнил ощущения: небольшой участок поддавался иначе, здесь же сильнее болело еще при осмотре. Убрал палец. Пока хватит, силы мне еще понадобятся.

— Даша, нож…

Рукоять непривычно легла в ладонь. Я выдохнул и чуть придвинулся.

— Петя, держишь?

Он кивнул. Дарья стояла рядом, приготовив полотно.

— Начинаю, Лукич.

Трофим зажмурился. Я выбрал место по подсказке Щупа, но дальше приходилось полагаться на свои глаза и знание анатомии.

От первого движения ножа Лукич застонал. Клинок прошел сквозь напряженную кожу, и тотчас из раны толчком выплеснулась темная кровь, смешанная с густым, зловонным гноем. Запах ударил в нос, но я выдохнул. Очаг вскрыт и давление спало.

— Пошло… — выдохнул Петр и чуть ослабил руки.

— Держи, Петя, только начали, — тихо, но грозно прошипел я.

Отложил нож, попросил пинцет и убрал выделения тряпицей. Выпустить гной — это только половина дела. Внутри мог остаться секвестр — кусок омертвевшей ткани или инородное тело, которое и поддерживало все это гниение.

Лукич вдруг дернул ногой. Я успел отвести инструмент. Петр подался за голенью, удерживая ногу.

— Не дави, дай ему продохнуть.

Я переждал, пока Трофим успокоился. Дышал он часто, на висках выступил пот. Самому хотелось закончить побыстрее, но торопиться в этом деле нельзя. Продолжил чистить короткими движениями.

— Петя, так держи. Даша, полотно смени.

Она подала сложенный лоскут. Я промокнул край раны. Теперь уже различал подкожную клетчатку и участки, скрывавшиеся под отделяемым. Края раны были рыхлыми, воспаленными. Обзор хреновый, и глубоко лезть не хотелось.

И вот наконец заметил что-то темное, слипшееся. Ухватил выступающий конец щипцами, чуть проверил его подвижность. Вслед за ним потянулась мышечная ткань. Я ослабил захват.

Коснулся пальцем кожи рядом. Щуп отозвался, но удерживать внимание стало труднее. Участок сопротивлялся как-то иначе; я попытался просветить зону вокруг раны, как на УЗИ. На мгновение поплыл край стола. Я отнял палец, моргнул дважды и дождался, пока взгляд снова не сфокусировался. Хорошо, дальше только руками.

Попросил Дарью убрать замаранное полотно. Теперь четко разглядел с краю переплетение нитей. Оно, кажись! Я осторожно вынул пинцетом небольшой обрывок одежды. Мокрый клочок упал в посудину для грязного.

— Из-за этой дряни все? — спросил Петр.

— Скорее всего, эта тряпка и была причиной. Организм пытался ее отторгнуть, а она гноилась внутри. Держи пока, Петя, меньше слов!

На месте, откуда я вытащил обрывок, выступила кровь. Пальцы Петра напряглись.

— Даша, полотно, — сказал я и протянул руку, не отводя взгляда от кровоточащего места.

Я убрал промокший край, еще раз посмотрел, откуда идет кровь, и прижал свежий лоскут к видимому участку. Петр подался ко мне, потянув за собой голень.

— Петя, мать твою, не дергай! Держи, как держал.

Он замер.

— Много-то как…

— Вижу.

Кровил небольшой участок, но это была венозная кровь, темная и ровная. Значит, крупная артерия не задета. Мне сейчас мешали собственные руки: они мелко дрожали, хотя пальцы слушались. Тело-то у меня подростковое! Пришлось выждать немного. Я придвинулся, нашел опору поудобнее, и, кажись, попустило.

Лукич тяжело дышал, время от времени пытался повернуть голову. Я поглядывал на него, не ослабляя нажима. Слабость после Щупа никуда не делась, просто за работой я успел про нее позабыть.

— Даша, пить дай.

Она поднесла горлышко к губам, осторожно наклонила. Я сделал три глотка, перевел дух и кивнул. Девушка отставила флягу и снова вымыла руки, прежде чем вернуться к инструментам.

Осторожно приподнял край полотна. Кровь вроде уже не собиралась, но спешить убирать его совсем не стал. Подождал еще, проверил. Теперь можно продолжать.

В доступной части раны оставался свободный, явно отмерший участок плоти. Я аккуратно иссек некротизированные края, стараясь не задеть здоровые ткани. Просветить всю голень изнутри я не мог, как бы мне ни хотелось. Кость и продолжение раневого канала попрежнему оставались вопросом.

В прежней операционной я мог сделать иначе. Здесь лишнее движение могло оставить Лукича без ноги. Хорошо еще Щуп помог выделить зону поражения. Иначе пришлось бы дольше искать этот чертов лоскут ткани. Но даже с этой подсказкой без умений далеко не уедешь.

Дарья подала кипяченую воду. Я завершил очистку открытого участка, промокнул выделения, еще раз проверил края раны. Нового кровотечения не было. Я отрезал узкую полоску чистого полотна, пропитал ее оставшимся спиртом и рыхло ввел в разрез, чтобы края не смыкались и гной мог выходить. Сверху наложил повязку.

— Дань, а зашивать? — Петр покосился на лежавшие отдельно иглы.

— Шить пока нельзя: опять внутри гной соберется. Так оставим. Эта полоска будет отток давать. Как только гной перестанет идти, вытащим.

Я отложил инструмент в посудину и взял приготовленное полотно.

Лукич застонал, когда я начал накладывать повязку. Пришлось тормознуть, дать ему отдышаться, потом уже закончить перевязку. Проверил, не слишком ли перетянул голень. Стопа оставалась теплой, пульс прощупывался. На прикосновение пациент ответил, пальцами пошевелил.

— Вот так, Лукич. Теперь лежи спокойно.

Трофим разжал зубы, отпустив палку.

— Все?.. — выговорил он.

— Пока все. Дальше перевязки, будем смотреть, но вставать покуда не вздумай.

— Петя, остаешься возле него. Если что, то сразу меня зови.

— Понял, Данила.

Дарью попросил убрать все замаранное, прокипятить и приготовить для следующей перевязки. Старыми тряпками тоже не разбрасывались. Она тут же принялась за дело. Фомич стоял рядом, слышал каждое слово.

— Дядька, ты тоже поглядывай. Одного Петю надолго не оставляйте.

— Поглядим, Дань. Ты сам-то…

Я хотел сказать, что со мной все нормально, но соврать не получилось. Рубаха прилипла к спине, тяжело мне далась эта операция, что уж. Прежде чем отойти, еще раз коснулся кожи возле обработанного участка и на мгновение сосредоточился, вызывая Щуп. Я проверил, не осталось ли в глубине еще одной гнойной полости.

Кажись, все сделали правильно. Я убрал руку, на этот раз слабость накатила так, что даже свою голову удержать было трудно.

— Петя, от Лукича не отходи… — сказал я, пытаясь опереться о лавку.

Ладонь соскользнула. Почувствовал, как дядька подхватил меня под мышку, потом все пропало.

Когда открыл глаза, уже рассвело. Я попробовал повернуться и зашипел: отлежал бок, даже при осторожном вдохе закололо в ребрах. Повернул голову и увидел стоящего рядом дядьку.

— Лукич как?

— Жив, Дань, жив Трофим. Поспал ночью, к утру уже меньше метался, сам воды попросил.

Я выдохнул и попытался сесть. Дядька придержал меня за плечо, помог приподняться.

— Тихо ты. С утра пораньше уже куда-то рвешься. Обоих вас вчера на нары перенесли, спать положили. Умаялся ты, конечно, знатно, спал без задних ног. Петя от Лукича почти не отходил, Даша помогала.

Я поднялся, переждал, пока перестало покачивать, и добрался до нар Трофима. Петр сидел рядом, с красными глазами. Увидев меня, поднялся, уступая место.

— Ну как нога?

— Ноет, Данила. Только уж не так распирает. — Трофим попытался улыбнуться. — Спаси Христос.

На этом Лукич опять прикрыл глаза. Я вышел из пещеры, сел на лавку. Фомич подал воду и лепешку.

— Поешь сперва. А после поглядишь, чего еще Лукичу надобно. Петя тут, я тоже никуда не ухожу, будь покоен.

Я глотнул воды, откусил кусочек и невольно улыбнулся. Похоже, у меня все-таки получилось!

Глава 20. Путь отхода

Вкусные все-таки лепешки у Даши вышли, хоть и постные. Слопал с большим удовольствием. Кажется, и проснулся сразу, после чего направился к Трофиму.

— Как ты, Трофим Лукич?

— Спаси Христос, Даня. Я-то помаленьку, так сразу и не пойму, но терпимо.

Говорил вполне ясно, дышал спокойнее. Я пощупал пульс, коснулся лба. Температура пошла на спад, но жар еще держался. Расслабляться было рано. Помыв руки, я принялся менять повязку. Новой припухлости не было, кожа уже менее напряжена. Из раны выходило отделяемое, значит, дренаж работает, и гной не копится внутри. Щуп пока применять не стал, сам чувствовал слабость после вчерашнего.

— Прыгать пока нельзя, Лукич, — улыбнулся я и подмигнул больному, — так что обождать придется.

Петр зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Петя, ты бы тоже шел подремал.

— Добре, и правда, — снова зевнул он, — а то скоро от меня и проку не будет.

— Иди, горяченького попей, дохтур ты наш! — позвала меня Даша.

Я вернулся к столу, что со вчерашнего дня стоял перед пещерой, и сел рядом с Фомичом. Даша протянула мне кружку с травяным чаем. Я с удовольствием сделал первый глоток.

— Душица? — спросил я ее.

— Она самая, а еще листья смородины, да можжевельника немного.

— Благодарствую, Даша, гоже вышло!

Мы сидели с дядькой и молча пили этот лесной чай, думая каждый о своем. Потом он глянул на меня.

— Неделя уж прошла, Даня. Поглядишь руку-то? Может, уже и хватит ее в тряпках таскать?

Он повернулся ко мне, я освободил левое предплечье. Припухлость и правда значительно уменьшилась. Но при пальпации он поморщился.

— Может, сымем уже? — Он кивнул на перевязь.

— Рановато, дядька! Рука внутри еще не окрепла. Если сейчас начнешь тягать тяжести, шов разойдется. Носи в перевязи, но понемногу разрабатывай и ничего тяжелого не тягай.

Он еще поворчал, но вытаскивать руку больше не пытался.

Я попросил Егора сменить Савелия и прислать его ко мне. Дарья присматривала за Лукичом. Петра будить не стали: всю ночь он ходил за своим наставником, умаялся.

Егерь пришел и сразу оживился, когда я велел показать руку.

— Давно бы уж пора, Данила, мочи нет уже сиднем сидеть!

Сняли перевязь, попросил положить на стол обе кисти. Припухлость на правой почти сошла, ссадины закрылись.

— Еще болит? Немеет?

— Токмо мурашки иной раз бывают, да мало совсем уже.

Попросил согнуть и разогнуть пальцы, проверил, как он удерживает мелкие предметы, соединить большой с указательным.

— Ну как? Можно уж пользоваться? — Он глянул на меня.

— Лучше, — улыбнулся я, — постоянно подвешивать теперь не надо. Понемногу используй только для самого легкого. Мешки таскать рановато!

— А из ружья-то теперь можно?

— Ну если с опоры, то можно, думаю. Приклад в плечо лучше упирай и на больную руку вес не переноси.

Он приподнял ружье, придерживая левой рукой, привычно прижал приклад к правому плечу. Указательный палец лег на спусковой крючок. Надо было видеть счастливое лицо егеря при этом.

— Только не торопись, Савелий, все еще впереди!

Егерь отставил ружье и взял кружку правой, сделал глоток и покрутил кистью.

— Не болит, Данила, говорю тебе, не болит!

— Уже рукой орудуешь? — К нам подошла Даша с ведром воды.

— Ох, Дарья, теперь точно повоюем! — Егерь усмехнулся, даже приосанился. — И стрелять тебя научу!

С освобождения егеря прошло уже около двух недель. Когда именно ему повредили руку, я не знал, но отдых явно пошел на пользу. Регенерация у него была отменная, крепкий организм делал свое дело. Надеюсь, скоро он сможет и вовсе забыть про эту болячку.

Савелий вернулся на пост, сменив Егора, а тот начал помогать дядьке со сборами.

— До вечера-то воротитесь? — спросил я.

— Постараемся, — сказал Фомич. — Надо поглядеть, как нам порох потом сюда везти, или где его укрыть на время. Там ведь точно не два бочонка будет…

— Сегодня шестое, а к ним восьмого должны прибыть, — напомнил я. — Нам бы заранее место занять, подготовить и с отходом решить.

— Потому и едем сейчас, Даня. Точного времени мы не знаем, лишь бы лейтенант энтот нам и вовсе не сбрехал.

Егор сел в седло вслед за Фомичом, и вскоре оба скрылись за деревьями.

Когда Петр проснулся и сменил Дарью у Лукича, я наконец взялся за французские склянки. Савелий оставался на посту, наших разведчиков раньше вечера не ждали.

Достал из дорожной сумки сверток. Седельный пистоль лежал в ней отдельно от стекла; футляр с инструментами тоже был тут. Даша помогла разложить склянки на столе. Поворачивали обертками к себе, надеясь разобрать, что написано.

На одной склянке сохранилась надпись: «Laudanum liquidum».

— Лауданум… Я узнал это название. Настойка на спирту, которой в прошлых веках глушили боль при операциях. В современной медицине ее заменили безопасные препараты, но в этих условиях, без нормальных лекарств, она могла спасти человеку жизнь.

Под самим названием тянулись ряды мелких букв. Даша прищурилась, поворачивая стекло к свету.

— Тут по-французски. Про употребление какое-то… А дальше не разберу, стерлось все.

Я глянул сквозь зеленоватое стекло на просвет: внутри виднелась жидкость. Осторожно вынул пробку, уловил спиртовой, чуть пряный лекарственный запах. Кажись, оно и есть, только крепости по запаху не поймешь, как и того, сколько эта штука хранилась.

При мучительной боли, да хоть при тяжелой операции, такое средство могло здорово пригодиться, а то и жизнь спасти. Вчера его мне очень не хватало. Жаль, что раньше не глянул. Но сколько действующего вещества в этой склянке? Попробуй угадай: по затертой бумажке не разберешь.

Если давать его без точной дозировки, есть риск остановки дыхания. Да и привыкание никто не отменял. Придется капать на глаз, а лучше на язык, следя за реакцией.

— Это Лукичу? — спросила Даша.

— От боли может помочь, вот только сейчас давать не станем, и часто его нельзя.

Трофим лежал спокойно, даже задремал. Давать ему лекарство я сейчас не собирался. Плотно закрыл склянку и отложил в сторону. Еще было шесть штук примерно таких же по объему, но что в них, по запаху я так и не понял, а разборчивых этикеток не было. Завернули обратно, глядишь, когда и разберусь.

Когда собрался убирать, то понял, что в пещере хорошо бы сделать простенький стеллаж или подставку под медицину, а может, и не только под нее. Вернется Егор — озадачу его своей идеей.

После полудня, переделав все основные дела по хозяйству, мы с Дашей сели отдохнуть на лавку. Она поднесла мне кружку чая, которого нам удалось раздобыть трофеем в последнем выходе. Петр возился с лошадьми, Савелий караулил на посту, а Лукич отдыхал; отсюда мы бы его услышали.

— Дядюшка долго тебя учил французскому? — спросил я, вспомнив, как она читала письма.

— Ох, долго, и въедливый он у меня был, — грустно вздохнула она, — только попробуй неправильно слово произнести или пропустить, не дай-то Бог! Вернет к началу, сиди перечитывай заново. А потом, бывало, сам рассказывать примется, историй у него по службе много было, так я и про книгу забуду, заслушавшись.

Она улыбнулась.

— Вот как-то к нему в Юрбурге купец захаживал, тот из Гамбурга прибыл и занятную историю рассказал. Там улицу починять взялись, песок возили. Возы идут и идут, а улица все такая же разбитая. Работают усердно, ничего не скажешь!

— А песок-то куда девали?

— А в возах, оказывается, сахар был. Поверх только песочком присыпали, вот и весь ремонт. Таможенники заприметили, что возов много, а толку ни шиша. Остановили, проверили — тут все и открылось.

Дарья выпрямилась, нахмурила брови:

— «Извольте объяснить, господа! Сколько еще вам песку надобно, чтобы хоть одну яму засыпать?» Дядюшка так важно это говорил, будто сам в Гамбурге этом работами распоряжался. А после уж хохочет, досказать не может. Я ему: «А книга-то, Иван Петрович? Книгу-то читать будем?» А он только рукой машет.

Она тихо засмеялась, и я вместе с ней. Тяжело вот так в одночасье терять близкого человека и оставаться одному, и неважно, какой на дворе век.

Дарья поправила сложенное на коленях полотно, что сняла с сушки. Ее улыбка погасла, она опустила глаза, а я промолчал.

— Водицы бы, Даша… — донеслось из пещеры.

Даша поднялась. Я взял кружку, налил воды, и мы пошли вместе напоить Лукича.

А уже ближе к вечеру с поста донесся голос Савелия:

— Наши едут!

Фомич с Егором вернулись, обиходили лошадей, дали воды и корму: пройти им за день пришлось немало. Петр отправился сменить Савелия, а мы уселись у пещеры. Даша рядом, но одним глазком приглядывала за Лукичом.

Дядька взял прутик, прочертил на земле длинную петляющую дорогу, обозначил постоялый двор и место, откуда мы за ним прежде наблюдали, когда эти черти казаков стреляли.

— Вот этим ходом не уйдем.

— Груженые возы мы тут не вытащим, поглядели уж, — пояснил Егор. — Меж деревьев тесно, корней хватает. А дальше спуск, пустую-то телегу еще протащишь, а с грузом, как пить дать, завязнем. Особливо коли погоня увяжется.

А я до этого в голове уже прикидывал место для засады. Вот и приехали: отбить нужный нам порох, чтобы потом бросить его в лесу? Нет, так точно не пойдет.

— А где можно?

Фомич продолжил черту в сторону.

— Дальше по дороге съезд есть, на старую колею.

— Мы проехали тишком, поглядели, след видать, — подхватил Егор. — Меж стволами воз пройдет, съезд пологий. И дальше такого спуска, как вон тут, нет. Мы и пешком прошлись, потом верхами. Только с поворотом энтим еще разобраться надо. Коней там токмо в поводу вести и глядеть, чтобы колеса подвод меж деревьями прошли.

— Завтра засветло еще глянем, — сказал Фомич.

Я кивнул. Придется выбирать место тщательно. Егор у нас по перемещению обозов специалист, ему виднее, и не мне его учить.

Новых сведений они не выведали, да и откуда? Восемь солдат да двое возниц пока и знаем со слов Мореля.

Как повечеряли, дядька протянул мне левую руку.

— Поездил, Данила, опять, зараза, разнылась.

Я успел отдохнуть за день, устроил его предплечье поудобнее, коснулся кожи возле раны. Щуп отозвался. Я сосредоточился, попробовал направить энергию вглубь, размягчая плотные участки, и так подержал пару минут. Когда голову повело, отнял палец.

— Все, — Фомич посмотрел на меня, потом на руку. — Кажись, попустило малость. Будто тянуть перестало.

— Перевязь не сымай.

— Спаси Христос, Данила!

На ночь Фомич поделил караул между собой, Савелием и Егором. Возле Трофима договорились меняться Петр с Дарьей, а меня дядька отправил спать. Спорить я не стал.

Утром седьмого июля я снова осмотрел Лукича, сменил повязку. Отделяемого стало меньше, рана была чистой, без признаков нового нагноения. Опасность сепсиса, кажись, миновала, но восстановление тканей и заживление огромной полости займут недели. Со вчерашнего дня ухудшений не было. После перевязки Трофим не задремал, а поинтересовался, как разведчики наши съездили.

Фомич с Егором были неподалеку и подошли сами. Дядька, не откладывая, поведал про дорогу и задумку с уводом транспорта с порохом.

— Я ведь покумекал над твоей затеей, Данила, — задумался Лукич. — Порох-то, конечно, еще добыть потребно, а как добудем, я бы переправу искал.

— Мост, думаешь, лучше нам рвануть?

— Ну гляди, тут смотря чего мы вообще хотим. Ежели желание имеем побольше вреда хранцузу нанести, то мост — он самое оно. Дорога-то это не единственная, но все они как ручейки к ихнему войску припас доставляют, пополнение. И вот если на таком ручейке запруду поставить, то это и будет сильнейший вред для супостата.

— Не пешую колонну, значит? — Я почесал затылок.

— Дык и пешую можно пробовать, но народу в их Европах как тараканов, еще пригонят. А вот пушки, к примеру, ежели утопить, то их отлить время надобно, дорого оно к тому же.

— Пушки, говоришь? — Фомич придвинулся ближе.

— Ну а чего, тут главное место приглядеть, чтобы переправа была подходящая, да пушек побольше в воду ушло. Какие-то они, ясен-красен, достанут из воды, а какие-то не смогут, тут уж как Бог даст.

— Дельно! Дельно Трофим Лукич говорит, — заулыбался Егор.

Я-то себе представлял взрыв посреди длинной пехотной колонны, чтобы живой силы побить побольше. А Лукич предлагал задержать артиллерию. Не помню, кто там назвал ее богом войны, но отчасти так оно и есть. Ну что ж, раз у нас специалист в пионерном деле имеется, что же нам спорить? Будем думать.

— А переправа такая где? — спросил Егор.

— Поглядеть надо, — сказал Фомич. — Разведка опять нужна, но то не беда, найти мост подходящий можно. А вот как все там обстряпать, чтобы и самим ноги унести, — это, конечно, вопрос.

— У мельницы мост есть, — напомнил я. — И склад уже там заново ставят.

Фомич покачал головой:

— Не, Данила, они там после наших последних фортелей настороже, рано еще туда соваться. Добре, утро вечера мудренее. Вначале порох раздобудем, а пока нечего голову ломать!

Лукич хотел еще что-то сказать, но передумал и прикрыл глаза.

— Все, Трофим, отдыхай, поправляйся. Переправу поищем, как с порохом управимся. — Дядька слегка похлопал его по плечу.

Егор сменил Савелия, и я вновь осмотрел кисть вернувшегося егеря. За день и ночь отека не появилось, прежнее онемение тоже не вернулось, пальцы слушались. Сила хвата восстанавливалась, хотя кисть еще чуть подрагивала от напряжения. После сна и еды сил прибавилось, я коснулся запястья. Немного воздействовал Щупом, направляя энергию, не дожидаясь, пока начнет вести голову.

— Пойдешь с нами, Савелий, но руку береги. Тяжелого тягать нельзя и в рукопашную, ежели случится, не лезь, не то все лечение насмарку.

Егерь принялся за чистку ружья.

— А чего, чего тогда делать?

— Муравью хвост приделать! — не выдержал я.

— Чего?

— Да ничего! Руку, говорю, береги!

— Да понял я, понял! Чего сразу взъерепенился-то? — ответил он, не отрываясь от оружия.

Днем между караулами Егор по моей просьбе смастерил-таки невысокую подставку с полками. Ее поставили в пещере: и медицина поместилась, и еще кое-какие пожитки теперь в узлах можно не держать.

Когда собирались в дорогу, егерь заметил:

— Восемь их, коли француз не соврал. Вот только еще неясно, сколько подвод будет: может, одна, а может, и три. И как они пойдут? Вдруг еще охранение будет?

— Потому-то, Савелий, мы сперва поглядим, — сказал дядька. — Ежели к большому обозу пристроят, то не полезем, будем искать другой способ пороху раздобыть.

Петр принес мой штуцер. Я взял его и свое ружье. Фомич, Савелий и Егор тоже взяли по два пригодных ружья и по пистолю. Проверили их и закрепили у седел.

Один из двух пистолей я убрал в кобуру, другой за пояс. Третий бы еще, да куда? И со вторым не особо удобно, просто таскать несподручно. У дядьки тоже всего одна кобура имеется.

— Фомич, придумать бы чего, чтоб два, а то и три пистоля на себе носить, да чтобы удобно выхватывать и убирать было.

— После дела, Даня, покамест не до придумок. Но, как вернемся, напомни, есть у меня мысля одна.

В сумку с собой отложил полотна для перевязок на случай ранения. Футляр с инструментами и все склянки остались на полке; ни лауданум, ни неизвестные жидкости без меня наказал не трогать.

— Нас всю ночь да и день потом не будет. Даст Бог, до следующей ночи доберемся, порох вывезем, да за собой гостей не притащим.

Остававшиеся в лагере Петр и Даша кивнули.

Прилаживая сумку, вспомнил про Федора. Где же теперь полк Денисова? Француз пока движется быстро. Как говорил Морель, Вильно и Минск уже под ним, и я знаю, что попрет и дальше. Думается, полк брата будет на самом передке, лишь бы он пережил эту мясорубку.

К вечеру вывели Баловня, Звездочку и двух коней для Савелия с Егором, взяли с собой и четырех заводных. Когда сел в седло, ощутил в ребрах остаточное нытье. Седло и тряска давали о себе знать, но это была терпимая, мышечная боль. Скорей бы уже и вовсе прошло! Наконец мы отъехали, оставляя в лагере Петю с Дашей, ну и лежачего Трофима Лукича.

Фомич вел знакомой мне дорогой. Коней мы не торопили; я поглядывал на Савелия, все-таки в первый раз, по сути, мы взяли его на операцию. Тот держался спокойно. Оставалось надеяться, что он и в бою себя покажет как надо и выучка его не подведет.

Когда подошли к спуску, я вспомнил слова Лешего. В этом месте и правда приходилось протискиваться между стволами, да и корней под копытами хватало. Верхом еще куда шло, а вот возу не протиснуться.

К старой колее мы вышли засветло. Спешились, всех восьмерых коней отвели в ложбину, шагов за триста от дороги, и привязали за деревьями. Сперва с ними остался Леший, а мы отправились смотреть на проезд; потом его сменил Савелий.

Егор показал нам ответвление, по которому предлагал ретироваться после дела. У поворота ткнул носком в мягкую землю:

— Тут осторожнее нужно, лучше, если выйдет, вон тем краем, там тверже.

Я запомнил раздвоенную березу на этой отворотке. Надеюсь, сможем уйти этой колеей.

До постоялого двора от места засады было несколько верст, его отсюда не было видно. Местность тут холмистая, и дорога часто поворачивает, огибая неровности. Дядька еще засветло распределил задачи: сам он следит за головой, Савелий за хвостом, мы с Егором на флангах.

Коней напоили у ручья, дали пощипать травки. Сами тоже поснедали харчами, что в дорогу Даша собрала, костра не разводили. Я проверил оба своих ствола: штуцер и ружье, и пистоли тоже. К точке наблюдения за дорогой, которую мы выбрали на пригорке, ходили по очереди в парах, сменяясь каждые три часа. Свободная от дежурства пара отдыхала в глубине леса возле наших лошадей.

— Как дышится, Даня? — спросил Фомич, когда я устраивался на ночлег.

— Да чего-то набегался сегодня. В боку вот опять закололо, но уже не так, проходит, дядька! Проходит…

— От же пропасть, этот чертов хранцуз тогда у мельницы! Провалиться ему сквозь землю.

— А чего ему проваливаться, Кондратий Фомич, он уже в той самой земле-то и прикопан.

— Это да…

Меня разбудила ладонь Фомича на плече.

— Вставай, Даня.

Я сел, протер лицо. Наступило восьмое число. Пора было занимать места и ждать уже на них. Егор проверил привязь всех восьмерых коней и догнал нас.

Мы устроились на оговоренных позициях. По идее, если французов будет, как и говорил Морель, то на всех нам должно хватить выстрелов с запасом. Мы их в такую коробочку запирали, в мешок, можно сказать. Худо только, если они дуром всей толпой на одного рванут, тогда ему придется тяжко. Но такой случай оговорили особо: остальные вылезают из укрытия и на подмогу спешат.

Прикинули, что каждый будет примерно в 25–30 шагах от противника, должны стрелять с гарантией. Цели тоже предварительно распределили между собой. Савелий остался ближе к изгибу, откуда ждали подводы. Оттуда подходящих было видно раньше, он нам должен подать

знак о приближении. Егор залег глубже, у начала колеи; между стволами я видел его торчащее плечо.

Дядька устроил левое предплечье поудобнее, нашел опору под ружье. Савелий тоже не держал свое постоянно на весу. Свой штуцер я опер на ствол дерева, а ружье держал в руках.

Рассветало. Лучи утреннего солнца, продираясь сквозь кроны деревьев, добирались наконец до колеи, стали хорошо различимы старые следы от колес. Где-то за поворотом стукнуло, потом еще. Я прислушался: неужто колеса? Показалось, что слишком далеко. Я вытянул шею в сторону егеря, ожидая сигнала от него, но тот пока молчал.

Я следил за дорогой, когда Савелий приподнял ладонь и указал в сторону изгиба. Теперь и я услышал скрип вперемешку с голосами и шагами.

Первыми показались двое солдат с ружьями. Следом выкатилась первая подвода. Возница сидел, свесив ноги; груз был прикрыт от пыли и влаги. Что под покрышкой, разобрать нельзя. Трое солдат шли возле подводы, один обернулся назад.

Из-за изгиба вышел еще солдат, за ним показалась лошадь и передок второго воза с возницей.

Я считал: пятеро с первым, один возле второго. Еще двое вышли следом. Восемь. И два возницы. Не соврал лейтенант! Ну и отлично!

Я прислушался к дороге, пытаясь понять, нет ли за ними еще солдат. Но, благо, ни новых голосов, ни топота копыт пока не было. Морель со сроком и количеством не соврал. Вот только порох ли там под этими покрышками, а ну как мука…

Савелий смотрел за последними солдатами. Егор замер, ожидая возле колеи. Вот второй воз уже выкатился целиком, за ним хорошо были видны замыкающие.

Все мы ждали сигнала Фомича.

Глава 21. Пороховой след

Фомич чуть приподнял ладонь и резко махнул ей.

Я прицелился. Солдат возле первой подводы шагнул вперед, открывая мне грудь. Нажал на спуск, и приклад лягнул в плечо. Француз выронил оружие и сел на дорогу, а потом завалился набок.

Почти разом прогрохотали еще три выстрела. Лошадь первой подводы дернулась, потянула воз вперед. Кто-то заорал, возле второй упал еще один солдат, но дым быстро закрыл его от меня.

Я потянулся за штуцером. В боку немного кольнуло. Устроил приклад поудобнее и выглянул из-за ствола.

Француз у переднего колеса стоял на одном колене. Ружье он уже поднял, только целился не в меня. Я увидел вспышку, грохнуло. С дерева где-то возле Фомича посыпались листья.

— Даня, левее! — крикнул дядька.

Солдат, шедший между подводами, уже рванул к лесу. Несколько шагов, и скроется за деревьями. Я повел за ним штуцер. Он споткнулся о ногу лежащего товарища, удержал равновесие и снова побежал. Я выстрелил, после чего француз упал лицом в землю.

У колеса снова кто-то зашевелился. Там торопливо орудовали шомполом, перезаряжались. Я поставил штуцер к дереву, вытащил пистоль, но со стороны дядьки грохнул второй выстрел. Солдат выпрямился и опрокинулся на спину.

Первый возница все еще сидел на своем месте, вцепившись в вожжи. Вдруг он дернулся, навалился грудью на колени и сполз под ноги лошади. Откуда ему прилетело, я даже не понял.

Лошадь попятилась. Колесо покатилось назад, закрыло упавшего человека. Я на миг задержал на нем взгляд и снова повернулся влево.

Один из замыкающих стоял, укрывшись за повозкой. Над покрышкой показался ствол, потом кивер. Я навел пистоль, но француз тут же пригнулся: со стороны Савелия ударил выстрел. Если там порох, то он, конечно, напрочь отмороженный. Ну или тупой, как вариант.

За его спиной что-то промелькнуло. Это второй возница метнулся в кусты. Я успел увидеть его спину, но тут из-за воза выскочил солдат с ружьем наперевес. Пришлось доворачивать пистоль к нему.

Выстрел Егора опередил мой. Солдат упал почти под копыта упряжной.

— Возница ушел! — донеслось от Савелия.

Я глянул на кусты. Уже никого, только ветки немного покачались и замерли. Твою ж… Этого мы упустили!

Возле первой подводы показался Фомич. Разряженное ружье в правой руке, левая оставалась в перевязи. Я еще раз оглядел дорогу. Кажись, чисто.

— Сперва дорогу и возы гляньте! — распорядился дядька.

Я убрал пистоль за пояс, подхватил оба своих ствола и вышел из-за дерева. Стрельба закончилась. А возница уже бежал где-то по лесу.

Егор вышел к подводам следом за мной. Фомич следил за дорогой впереди, в сторону постоялого двора, Савелий смотрел назад, в сторону поворота.

Я прислонил свои ружья к борту подводы и пошел вдоль возов. Леший проверял с другой стороны. Пришлось заглянуть и под вторую подводу: один из солдат лежал там, поджав ноги. Мы выдернули его и перевернули на спину. Мертв.

Всех восьмерых нашли на месте. Живых среди них не оказалось.

На возницу лошадь чуть не наступила. Егор ухватил ее под уздцы и удержал, пока я приседал возле лежавшего. Коснулся шеи, проверил. Помощь ему уже не требовалась.

Поднялся, отряхнулся и пошел проверять вторую упряжную. Она переступала ногами, но с места не уходила. Обе целы, хоть с этим повезло.

— Я гляну, куда возница подался, — Егор кивнул на кусты, все еще придерживая первую кобылу.

— Не суйся, — отрезал Фомич. — Ушел, и пес с ним. Нам теперь самим пошустрей убираться надо.

Я посмотрел в сторону постоялого двора. До него несколько верст, бегом добраться можно, но точно не за четверть часа. А там он расскажет про нас, про подводы. Французов долго уговаривать не придется. Впрочем, пальбу могли услышать и без его откровений.

— Никого не задело? — спросил я.

Егор мотнул головой. Савелий, не оборачиваясь от дороги, ответил:

— Цел.

— Рука как?

— Стрелять могу, Данила. — Егерь махнул мне правой. Держал он ее уверенно, без прежней скованности.

— Добре! Нечего тянуть, — сказал дядька. — Груз гляньте, да будем уводить.

Я подобрал свои ружья. Подходя к первой подводе, взялся за край кожаной покрышки и, приподняв ее, заглянул.

Под ней темнели бочонки, рядом стояли два деревянных ящика. Я опустил покрышку, прислонил ружья к борту и позвал Егора.

Надписи на таре были французские. Леший проверил один из бочонков, приоткрыв крышку. Внутри виднелся темный зернистый порох. Ну, слава богу, не зря старались!

— Тут шесть, — сказал он. — Еще вон ящики.

В открытом ящике лежали готовые картузы. Я наклонился, разглядывая уложенные заряды. Сколько пороха в каждом, сходу не определишь, да нам сейчас и не требовалось. Похожи на те, что я рванул в прошлый раз.

Под второй покрышкой оказалось столько же: шесть бочонков и два ящика. Итого двенадцать бочонков пороха и четыре ящика с картузами в холщевых мешочках. Теперь бы все это вывезти.

— Покрышки целые. — Егор огладил кожу. — И бочонки гожие, послужат.

— Закрывай, — велел Фомич. — Савелий, ступай за конями. Мы покамест тут управимся.

Егерь убрал пистоль и направился к ложбине. Дядька остался смотреть за дорогой в обе стороны, а мы с Лешим взялись освобождать проезд.

Сначала таскали за ноги и за руки тех, кто лежал перед колесами и возле лошадей, потом уж остальных. Сильно прятать не стали, следы боя все равно никуда не деть.

Пока возились, спина успела вспотеть. Закончив, принялись за оружие.

Собрали все восемь ружей вместе со штыками. Вроде целы. Сняли патронные сумы, подобрали ремни, ранцы тоже забрали. Егор укладывал добычу на воз, а я подавал.

Затем я зарядил свои ружье и штуцер, остальные к этому времени уже успели это свои снарядть. Савелий вернулся, когда мы закончили. Из-за деревьев показалась вереница наших лошадей.

Я устроил свои ружья рядом с сиденьем и забрался на место погибшего возницы. Фомич с Савелием сели верхом, разобрав между собой шестерых заводных, включая наших с Егором коней.

— Трогай, Даня, — сказал дядька.

Я подобрал вожжи. Кобыла потянула, колеса заскрипели. Следом двинулась подвода Егора. Мы направились их к нужному съезду.

У примеченной ранее раздвоенной березы я придержал кобылу. Колесо подводы уже подходило к мягкому месту, на которое указывал вчера Егор.

— Стой пока! — крикнул Леший.

Он оставил свой воз, подошел и взял нашу упряжную под уздцы. Я подобрал вожжи.

— Правее бери. Теперь помалу. Вот, еще…

Колесо прошло по твердому краю, заскрипело на повороте. Я оглянулся на груз. Бочонки тряхнуло под покрышкой, но подвода все-таки вписалась между деревьями.

Егор отпустил уздцы и вернулся за своим возом. Пришлось ждать, пока он проведет и его.

Фомич ехал впереди меня, ведя троих заводных. Савелий с остальными держался сзади. Возле густых ветвей один из его коней зацепился поводом и попятился. Снова остановились. Егерь наконец высвободил коня, и мы двинулись дальше.

Так и ползли. Кобыла тянула старательно, только разогнаться здесь было негде. Шагом мы вчера проходили быстрее. А теперь то колесо между стволами не идет, то многочисленные заводные мешкают.

Версты через две я остановил подводу, слез и оглянулся. На колее отчетливо виднелись свежие полосы от колес, рядом были следы копыт. Даже искать нас толком тут не придется.

Фомич остановился и повернулся в седле.

— Чего, Даня?

— Ежели верховые пойдут следом, то догонят, как пить дать! Мы с этими возами никуда не свернем.

— Догонят, — согласился он, поглядев назад. — Мы еле ползем, еще бы!

Пока было тихо, но чуйка свербела: времени на свободный вояж с реквизированным порохом на двух подводах у нас немного. Егор спрыгнул со второй подводы и подошел к нам.

— Так не бросать же? — спросил он. — Готовились столько, и вот только вышло.

Я глянул на укрытый груз. Порох нам еще нужен, да и все остальные трофеи тоже.

— Думается, они нас нагонят, а времени у нас не так уж и много. Я предлагаю часть спрятать, тогда бросить в случае чего остатки будет проще. Так хоть не все потеряем.

Фомич помолчал, оглядывая лес.

— Давай по трем ухоронкам разложим. В одну кучу сваливать не будем. А опосля вернемся и заберем.

Егор кивнул и отошел от колеи. Между деревьями он задержался, нагнулся, потом прошел немного дальше, махнув, чтобы обождали. Мы дожидались его возле подвод.

Вернувшись, Леший показал в сторону:

— Тут можно. Сухо под елями, земля повыше будет, сами-то гляньте.

— Добре, давай начнем тут, — решил Фомич.

Я пошел за Егором. Под елями и вправду было хорошее место. Леший раздвинул нижние ветки и показал рукой.

— Сюда сложим.

Вернулись к возам. Фомич остался смотреть за дорогой, Савелий собрал заводных, а мы принялись разгружать первую подводу. Егор принимал бочонки, я подавал их. Один чуть не выскользнул из вспотевших ладоней, пришлось прижать его к борту и перехватить поудобнее.

Леший отнес три бочонка. Я помог ему снять два ящика с картузами, потом вдвоем доперли их до нашей ухоронки.

Ножом разрезали одну кожаную покрышку надвое. Кожа толстая, повозиться пришлось. Этой половинкой укрыли сложенное под елками и ветками закидали. Другую забрали, она для следующей ухоронки пригодится.

Уходя, я обернулся, стараясь запомнить место со стороны колеи. Неподалеку стояла береза с обломанной вершиной, видать, от сильного ветра.

— Угу, я тоже запомнил. — Леший показал на нее пальцем.

Поехали дальше. Кобыла первой подводы потянула бодрее, воз уже не так тяжело переваливался через ухабы.

Потом Фомич придержал коня. Егор слез со второй подводы, прошел в сторону, вернулся и махнул мне. Здесь оставили еще три бочонка и один ящик. Пришлось подложить сухих веток, которые подобрали тут же, потому как земля под слоем хвои оказалась влажной. Накрыли все остатком разрезанной покрышки.

Леший выпрямился, уперев ладони в поясницу. Рубаха на спине потемнела от пота, да и я тоже чувствовал, что набегался; при очередном наклоне заныло под ребрами. Фомич и Савелий в такелажных работах нам не помощники.

Третью остановку сделали еще через версту, дальше по колее. На этот раз сняли два бочонка и последний ящик с картузами. Их укрыли еще одной половинкой покрышки, которую на это дело также пришлось распороть. Запомнили ориентиры хорошенько.

Восемь бочонков и все четыре ящика теперь лежали в ухоронках. На возах оставалось четыре бочонка, ружья и остальные трофеи. Если сейчас объявится погоня, все это бросим, зная, что можем вернуться за спрятанным. Следы мы там заметали. Даже если и найдут, то, скорей всего, не все.

— Савелий, поотстань чутка, глянь позади, — сказал Фомич, когда мы вернулись к дороге.

— Дядька, давай трофеи с подвод на заводных перевесим? Мало ли, бросать придется.

— Добре, только шустрее, Даня, не мешкаем!

Двинулись дальше уже на полупустых подводах. Прошли, по всей видимости, еще версты полторы-две, и тут прискакал Савелий. Он на прямом участке издали увидел нагоняющий нас конный отряд.

— Десяток их, кажись, — сказал егерь, переводя дыхание. — Конные, по нашим следам идут, да и дорога-то одна!

— Далеко? — спросил Фомич.

— Увидел с холма. Скоро будут, я сразу сюда, ждать не стал. Нагоняют, собаки!

— С возами далеко не уйдем, — сказал Егор. — Вон опять поворот, там протискиваться придется.

Фомич посмотрел на меня.

— Бросаем, Даня.

Я кивнул: хоть часть пороха в ухоронках сохраниться должна. А тащить погоню к нашему лагерю — дураков тут нет.

— Два бочонка еще возьмем, на заводных погрузим, — сказал я. — А с остальным есть у меня идея, что сделать.

— Подарочек хранцузу оставить хочешь? — прищурившись, спросил Фомич.

— Угу!

Трофейные ружья, ранцы и сумы уже были на заводных. Мы с Егором сняли еще два бочонка, перераспределили поклажу и закрепили по одному на двух своих конях. Леший проверил, как держится груз, и вернулся к подводам.

Впереди между деревьями оказалось пошире. Развернули там возы по одному в сторону погони. Я спрыгнул, взял кобылу под уздцы. Пока держал, Егор освободил ее от упряжи, потом занялся второй.

Свое оружие с подвод тоже забрали. На подводах осталось два бочонка. Их решили уничтожить вместе с возами, когда подойдут французы. Фомич мне помог с подготовкой подрыва, а Савелий следил за дорогой.

Егор собрал коней и стал уводить этот табун вперед, за лесной пригорок. Один за другим скрылись все десять. Я проводил взглядом последнюю кобылу и повернулся к дядьке, устало вздохнув.

Наконец и с подготовкой сюрприза закончили. Я взял ружье и штуцер, и мы отошли от подвод в сторону леса метров на тридцать. Фомич посмотрел туда, откуда ждали французов. Савелий неподалеку нашел себе позицию с опорой для ружья. Я присел за деревом.

Егор прибежал пешком, прихватив одно из своих ружей.

— Привязал, они все на месте.

Я кивнул в ответ. Теперь оставалось ждать гостей.

Сначала показались двое. За ними из-за поворота выехали остальные, растянувшись по колее. Я считал головы, пока последний не оказался между деревьями. Десяток! Савелий не ошибся.

Передние придержали коней. Один показал на подводы, обернулся и что-то крикнул своим. Слов я не разобрал. Француз, ехавший следом, соскочил на землю и передал повод товарищу. Сам двинулся к переднему возу, держа оружие в руке.

Остальные тоже не спешили лезть вперед. Двое смотрели по сторонам, один подался в седле, стараясь разглядеть что-то между стволами, бодро крутя башкой. Я замер, ожидая. Гляди, гляди, да только не сюда!

Француз добрался до подводы и заглянул через борт. Крикнул, махнул остальным. У меня взмокла ладонь на шейке ложи. Отсюда было видно Егора; он сидел неподвижно, прижавшись к дереву. Савелий медленно повел ствол вслед за одним из всадников. Я глянул на Фомича.

Дядька кивнул, и мы все пригнулись. Через пару ударов сердца рвануло так, что даже тряхнуло. Над колеей взметнулись дым и обломки, по ветвям захлестала щепа. Глухой удар отдался в груди, а звон в ушах на миг заглушил все остальные звуки.

Сработало, как и в прошлый раз. Жаль только замок, снятый с одного из трофейных ружей: его уже не вернешь.

Я поднял голову. Конь без всадника метнулся и рухнул. За ним один из драгун тянул свою лошадь, пытаясь развернуть. Другой уже спрыгнул, припал на колено возле дерева и поднял укороченное ружье в нашу сторону.

Я навел штуцер и выстрелил. Солдат дернулся и завалился на бок. Почти сразу громыхнули еще несколько выстрелов. Кто стрелял, я не понял. Только вот в ствол рядом с моим лицом прилетело, брызнуло щепой. Благо успел зажмуриться.

Подхватил ружье. Из дыма с криком выскочил еще один француз. Он бежал к нам, пригнувшись, с ружьем на изготовку. Я поймал его на мушку и выбрал спуск. Упал он или просто нырнул за обломки, разглядеть не успел.

А по дороге уже удирали оставшиеся в живых драгуны. Первый скрылся за поворотом, следом второй и третий. Савелий привстал, провожая их стволом.

— Пускай едут! — крикнул Фомич. — Нам самим убраться надо!

Егерь опустил ружье, а я прислушался. Больше никто не стрелял. Топот уже удалялся, зато с дороги доносилось страшное лошадиное ржание.

— Наши все целы? — спросил дядька.

Мы откликнулись по очереди. Я провел ладонью по лицу, оглядел рукава. Вроде нигде не задело. Только в ушах еще звенело, и руки подрагивали, когда я взялся за оружие. Обычное дело после близкого взрыва, адреналин схлынул.

К подводам подошли не сразу. Фомич сперва оглядел дорогу, Савелий остался смотреть за поворотом. Мы с Егором проверили лежавших.

Семеро их тут было. Проверили всех, живых среди них не осталось. От возов остались только перекошенные обломки. Оба оставленных бочонка тю-тю… На воздух к чертовой бабушке взлетели!

Три коротких кавалерийских ружья оказались целыми. Подобрали еще два пистоля, сумы, ранцы и ремни. Остальное либо покорежило, либо пришлось бы долго вытаскивать из-под обломков.

Две тяжело покалеченные лошади еще бились на земле. Фомич прекратил их мучения боевым ножом и вернулся, мрачно глядя под ноги. Здоровых трофейных коней нам не досталось: троих увели беглецы, остальные семь так и остались лежать тут.

С павших лошадей снимали переметные сумы. Егор открыл одну, сунул руку внутрь и показал мне горсть овса.

— Вот и коням нашим корму прибыло.

В четырех сумах уцелел овес. Леший прикинул: тут примерно по суточной даче на лошадь. Егор сходил за нашими конями. Новую добычу мы распределили по заводным. Проверили оружие, перезарядили пострелявшие ружья да пистоли.

Я снова оглянулся на разнесенные в клочья подводы. Восемь бочонков и четыре ящика ждали нас в ухоронках, два увозили сейчас с собой. А не среагируй вовремя, могли и вовсе остаться с носом!

— По коням, — сказал Фомич.

Я забрался в седло, подхватил повод заводного, и Фомич повел нас дальше.

Не успели толком отъехать, как пришлось остановиться: на одном из коней пополз вбок вьюк с трофеями. Я придержал коня, пока Егор поправлял поклажу. Опять шли шагом, изредка оглядываясь.

Савелий задержался на пригорке, дождался, пока пройдем, и догнал.

— Позади пока тихо.

Фомич свернул с прежнего направления. К лагерю шли с остановками, кружили по лесу, продираясь порой через непроходимые на первый взгляд места. У воды дали коням передохнуть, проверили сбрую и покормили животных.

— Я уж думал, так до самого лагеря они за нами и увяжутся, — сказал я дядьке, когда снова сели в седла.

— Без возов-то полегче будет. Сами целы, порох есть. Глядишь, хотя бы часть остального уцелеет. Вернемся потом и поглядим.

Я кивнул и тронул коня следом за ним.

К знакомым местам вышли только под вечер. Фомич остановил нас и двинулся вперед. Мы ждали, прислушиваясь, пока он не вернулся и не махнул рукой.

И вот нам навстречу вышел Петр. Оглядел нас, задержал взгляд на двух новых лошадях.

— Все вернулись?

— Все, Петя, — ответил дядька.

Следом подошла Даша. Посмотрела на нас и улыбнулась, казалось, даже выдохнула облегченно. А на меня навалилась сумасшедшая усталость, тело то молодое еще! Но расслабляться было рано, сперва коней разгрузить и обиходить.

Порох устроили отдельно от жилья, накрыв половинкой кожаной покрышки, которую запасливый Леший захватил с собой.

— Подводы рвануть пришлось, — рассказывал Фомич. — Два бочонка вот привезли. Еще восемь в ухоронках, да с ними четыре ящика. Съездить забрать придется, пороху там немало!

Я оставил сумку у полки и подошел к Трофиму. Лукич повернул голову, приподнялся на локте.

— Ну как, Данила?

— Есть порох, есть, Лукич! Мы справились! А ты лежи, лежи пока, надо поглядеть тебя, все остальное потом…

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.